Альманах

№ 12

Семейка: Литературно-художественный альманах, вып. 12

Составитель: В.М. Авцен
«Цифровая типография», 2012 – 224 стр.

«Семейка» – альманах для взрослых и детей, из которых, собственно, и состоит этот мир...

© Авцен В.М., составление
© Лозенко В.И., обложка
© Маша Лавринюк, рисунки обложки

ISSN 1862 - 7781

Литературно-художественный альманах

Семейка

выпуск двенадцатый

Вупперталь
2012

Уважаемые читатели, взрослые и маленькие!

Возможно, вы заметили, что все предыдущие альманахи открывались стихами «поэтов хороших и разных»? Мария Каменкович (Регенсбург), Риталий Заславский (Киев), Генрих Кац (Кёльн), Наталья Хаткина (Донецк), Алексей Парщиков (Кёльн) и другие...

Поэзией я начинаю намеренно, а вот почти идеальное чередование географий авторов (Германия – Украина) случилось непроизвольно. А коли так, то продолжим традицию и после стихов из Германии в предыдущей «Семейке» (Ольга Бешенковская, Штутгарт) откроем этот выпуск поэтом из Украины, харьковчанином Борисом Чичибабиным.

Кстати об Украине. В истекшем году в Донецке состоялся очередной фестиваль «Камбала-2011», посвящённый памяти Натальи Хаткиной. Отчёт об этом празднике литературы, на котором отличились украинские и особенно донецкие авторы, поневоле привёл к географическому перекосу в 12 номере в пользу украинских литераторов. Моя симпатия к родным пенатам понятна, но в данном случае – ничего личного: так легла карта.

Мне всегда приятно, когда в альманахе для семейного чтения удаётся внести семейственность, в хорошем смысле слова. На это раз это поэты – супруги Владимир Каденко и Юлия Веретенникова, а также художницы – мать и дочь Ирина и Мария Слободяник.

Мы живём в непростые времена (а когда они были простыми?). 2012-й, по мнению настойчивых прорицателей, вообще год очередного конца света. Это не первое подобное пророчество. Все предыдущие, как можно догадаться, не сбылись. С чего бы сбыться этому?! А посему, дорогой читатель, вряд ли стоит запасаться впрок провизией и покупать личные бункеры, не лучше ли прислушаться к совету классика: «Коль мысли чёрные к тебе придут, Откупори шампанского бутылку. Иль перечти „Женитьбу Фигаро“» Впрочем, если вдруг нет под рукой томика Бомарше, осмелюсь предложить тебе на пару вечеров этот альманах. Благо, ты его уже открыл.

Сердечно

Составитель

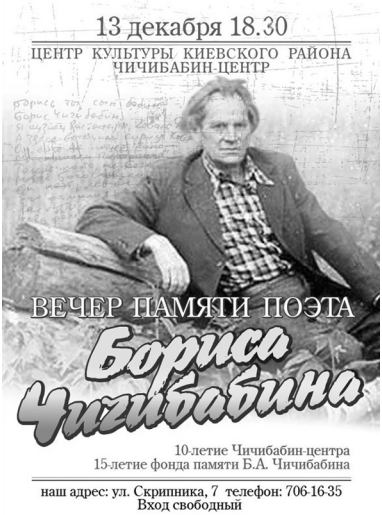
Стихи

и проза

Борис Чичибабин
Харьков, 1923 – 1994

«Уникальность творческой манеры Чичибабина определяется гармоничным сочетанием истинного демократизма с высочайшей культурой стиха, ясности «содержания» – с изощренностью «формы», которая, однако, никогда не затрудняет восприятие его стихов. Афористичность формулировок и проникновенный лиризм позволяют обоснованно возводить генезис чичибабинской поэтики к двум таким несхожим по манере классикам русской словесности, как Некрасов и Фёт»

Википедия



В середине декабря 2011 года в Харькове состоялся вечер, посвящённый поэту Борису Чичибабину в связи с 15-летием Международного фонда памяти его имени и с 10-летием знаменитого Чичибабин-центра. Не ведая о том, я заочно приобщился к празднику: как раз в те дни, готовя эту публикацию, перечитывал книгу стихов и прозы Бориса Чичибабина, составленную самим автором, но выпущенную в свет харьковским «Фолио» уже после его ухода. Книгу подарила мне в 2002 году перед моим отъездом в Германию Лиля Карась-Чичибабина – жена, муза и хранительница его памяти. На мою просьбу предложить в 12 номер «Семейки» подборку стихов Чичибабина, Лиля доверила составление мне, проявив несомненную мудрость: избавила себя от мук выбора, которые испытал я, разрываясь между необходимостью дать широко известные, знаковые стихи поэта и желанием познакомить читателя с моими любимыми произведениями. Поняв, что в рамках одной публикации с этим не справиться, я оставил часть отобранного мной на потом...

Предварить подборку я решил прозаической исповедью поэта «Выбрал сам», написанной за шесть лет до его ухода, а завершить словами признания и стихами-посвящениями Борису Чичибабину – харьковского поэта Михаила Красикова и автора этого предисловия.

ВА

- *Мороз и солнце. Книга лирики. – Харьков, 1963.*
- *Молодость. – М.: Советский писатель, 1963.*
- *Гармония. Книга лирики. – Харьков: Прапор, 1965.*
- *Плывет Аврора: Книга лирики. – Харьков: Прапор, 1968.*
- *Колокол: Стихи. – М.: Известия, 1989; М.: «Советский писатель», 1991.*
- *Мои шестидесятые. – Киев: Дніпро, 1990.*
- *Цветение картошки: Книга лирики. – М.: Моск. рабочий, 1994.*
- *82 сонета + 28 стихотворений о любви. – М.: Агентство «ПАН», 1994.*
- *Борис Чичибабин в стихах и в прозе. – Харьков: Фолио, 1998.*
- *Борис Чичибабин в статьях и воспоминаниях. – Харьков: Фолио, 1998.*
- *Экскурсия в Лицей: Стихотворения. Поэма. – Харьков: Фолио,1999.*
- *Когда я был счастливый: Стихи. – Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2001.*
- *Прямая речь: [Стихи.] – Харьков: Фолио, 2008.*
- *Собрание стихотворений.– Харьков: Фолио, 2009.*

И другие.

ВЫБРАЛ САМ

Я родился в 1923 году в Кременчуге, на Украине, Подписываю свои стихи фамилией Чичибабин – это фамилия моей матери. Она находится в родстве со знаменитым химиком Чичибабиным – это мой двоюродный дедушка, но я его никогда в жизни не видел. И никогда в жизни не видал своего отца – моя фамилия по паспорту Полушин, фамилия усыновившего меня отчима. Он был военнослужащим, поэтому семья часто меняла города, я в детстве жил в Кировограде, потом очень долго на Харьковщине. Окончил школу в 1940 году в Чугуеве, а в 1941-м

началась война. В 1942-м был призван, служил в авиационных частях Закавказского фронта до окончания войны.

После демобилизации в июне 1945-го поступил в Харьковский университет на филологический факультет. Я сдавал экзамены за два курса – хотел через год перейти на третий курс, но мне не удалось кончить ни одного: в июне 1946 года был арестован. Когда меня спрашивают: за что? – я отвечаю: ни за что, как многие в те времена. Вероятно, кто-то передал кому-то мои стихи, в которых, возможно, было что-то, хотя по тем временам особенной крамолы быть не могло. Разговоры, болтовня, стихи... «За антисоветскую агитацию», как было сказано в приговоре Особого совещания, меня осудили на пять лет, по тем временам срок смехотворный. Это лишний раз подчеркивает, что арестован я был воистину ни за что. Все пять лет полностью отсидел – Вятлаг – и вышел еще при жизни Сталина, в 1951-м. И, пожалуй даже, самые тяжелые годы моей жизни были не лагерные, не тюремные, а эти вот несколько лет по выходе на волю, когда... Вы знаете, как тогда смотрели на людей, которые были осуждены за политическое преступление, антисоветскую агитацию. Конечно, мне нельзя было и думать о продолжении учебы, ни на какую более или менее сносную работу нельзя было устроиться, да и специальности у меня никакой не было.

Очень долго так тянулось: Харьков, провинция. И характер у меня замкнутый, за себя хлопотать не умею. После смерти Сталина, когда пахнуло хрущевской оттепелью, если бы это была Москва, может быть, мне удалось бы раньше издать свои первые книги. Мои друзья передали стихи в Москву, и в 1963 году вышла моя первая книжка. Но уж очень поздно она вышла, когда оттепель шла на спад. Именно поэтому я не рад ни московскому сборнику, ни тем трем, которые выходили потом в Харькове, потому что я не мог туда дать своих лучших стихотворений, а часть тех, что были изданы, вышли изуродованными, искалеченными.

Одна из рекомендаций в Союз писателей была С. Я. Маршака. Мне вообще везло на хороших людей. Последние годы жизни Маршака я часто навещал его в Москве. Не умею об

этом говорить. Может быть, придет когда-нибудь время и я возьмусь за мемуары, хотя очень страшно их писать, потому что все, что касается житейской, бытовой стороны – то, чем должна быть сильна проза,– мне совершенно не дано. Так вот, в 1966 году меня приняли в Союз писателей СССР.

Последняя книжка вышла в 1968 году, и с тех пор – полное молчание, полное забвение. Меня не печатали, я был изолирован от широкого круга читателей, которому были адресованы мои стихи. Но читатели-друзья были у меня всегда. И в Харькове, где я живу постоянно, и в других городах. Хотя бы самых дорогих, самых близких, без кого не представляю своей жизни, я просто обязан назвать: Леонид Ефимович Пинский, Александр Шаров, Александр Галич – всех их уже нет в живых.

Так вот, не печатался, причем, очевидно, и по своей воле. Сказать «я не захотел больше врать» – значит, врал ДО этого? Нет, я не врал. Но не мог уже согласиться, чтобы книжки мои выходили в таком виде, в каком они выходили прежде. Хотел говорить именно то, что хочу говорить, а это было невозможно. Надо было без конца уступать, а я уже не мог этого делать. Пришла переоценка ценностей, наступил кризис, который я перенес очень тяжело, думал о самоубийстве, боялся сойти с ума. В это время написано стихотворение «Сними с меня усталость, матерь Смерть». Меня спасла Лиля. Не могу произнести «моя жена», не люблю почему-то слова «жена», – любимая, друг, первый читатель моих стихов, единственный судья и подсказчик. С тех пор мы не расстаемся. И с тех пор я перестал думать о печатании, стал писать, смею думать, лучшие мои стихотворения совершенно свободно, заранее зная, что они никогда не будут опубликованы, перестал ходить в Союз писателей. Так что исключение меня из Союза в 1973 году, в конце концов, даже справедливо – я давно потерял с ним всякую связь.

А конкретным поводом для исключении были стихи о Твардовском, стихи «отъезжающим», «С Украиной в крови я живу на земле Украины...». То я – украинский националист, то я – сионист... Так и не разобрались, кто я на самом деле.

До недавнего времени, с тех пор как кончилась моя литературная жизнь, работал в трамвайно-троллейбусном управлении. Одно время руководил литстудией в Харькове. Не знаю, каким чудом она держалась – у меня нет никакого таланта к разговору, таланта литературного критика, наставника. Воспринимаю стихи как читатель, как человек, безумно, больше всего на свете любящий стихи. Но говорить, почему мне это нравится, а это не нравится, разбирать так, как разбирают другие – по строчкам, не умею и думаю, что так и нельзя разбирать стихи. Ведь в стихах даже наших любимых поэтов, – самых великих, самых любимых, – в них, наверное, очень много огрехов (кроме Пушкина, у которого каждое слово на месте и все совершенно; Ахматовой, у которой тоже все слова – единственные, незаменимые). У остальных, «нормальных» поэтов – там всего хватает. Хорошо сказал Блок, что стихи держатся на каких-то отдельных словах, как на звездах. Если стихотворение мне нравится, я не замечаю в нем недостатков или даже эти недостатки мне тоже приятны, любимы мной, потому что в целом все получается хорошо. Поэтому, видимо, именно моя влюбленность в стихи и объединяла вокруг меня ребят... Но вскоре студию прикрыли. Я лишился всяких источников существования, мне стало не на что жить, и я вспомнил... В те самые страшные годы после лагеря я окончил курсы бухгалтеров, больше мне ничего было нельзя. Одно время работал рабочим сцены в Харьковском театре русской драмы. Когда вышли мои книжки, думал, что смогу прожить литзаработком...

Так вот, один человек, начальник отдела снабжения в трамвайно-троллейбусном парке, который знал мои стихи (я выступал в Харькове на вечерах), предложил мне пойти к нему работать. Пошел туда, приземлился... Числился мастером, кладовщиком, рабочим склада. Долго не решался уйти, да и они меня не отпускали: был нужным им человеком – писал отчеты, делал заявки, деловые письма писал... Не умею отказывать, мне очень трудно сказать «нет».

Живу я замкнуто, но это не какое-то несчастье. Не могу сказать обо всех поэтах – мой бог Пушкин был очень общительным человеком, – но такому, как я, нужны именно уеди-

нение и замкнутость. Меня суета, когда приезжаю в столицу, попадаю в круговорот, почти каждый вечер читаю стихи, просто подавляет.

Жил, спорил, радовался людям и думал, что жизнь так и пройдет, и кончится. Человек независимый, я выбрал свою судьбу сам, свыкся с ней. Свое дело сделал – написал стихи, а дальше...

И вдруг – перестройка, гласность. Меня стали публиковать, восстановили в СП (с сохранением стажа). На собрании разное бы ло, кто-то произнес: «Что мы тут говорим – жизнь человека прошла».

Как и все мы, не мог не мечтать, что придут такие времена, когда мы будем читать Платонова, Гроссмана! Я был не готов к этому времени ни морально, ни нравственно.

Вообще считаю, что мои лучшие стихи – о Главном, о вечном. Нравственные, философские вопросы добра и зла, красоты, совершенства – это меня больше занимает. Но время, в которое мы с вами живем, не позволяет думать о вечности. Живешь публикациями, понимаешь, что все это суета и нужно жить вечным, но как же можно уйти от того, чем живет весь народ, вся страна? У меня уходит почва из-под ног, я пока что не найду себе места в этом времени. И я не знаю, если мне Бог даст еще написать какие-то стихи – какие они будут...

Наверное, это покажется старомодно-смешным, но для меня нет в человечестве звания больше, чем поэт, выше, чем поэт, нужнее людям, чем поэт. В стихах я иногда называю себя поэтом, когда мне это необходимо, чтобы через это название выразить какую-то важную мысль. Но только в стихах и только когда это нужно. В жизни – никогда, даже мысленно, даже в мечтах – никогда. И мне странно, как это можно сказать о себе: я – поэт. А ведь говорят, не боятся. Это же все равно, что сказать: я – герой или я – преступник. Или даже страшнее: сказать так – это посягнуть на тайну, назвать словом то, для чего нет в языке слов, что не должно и не может быть названо. Поэт – это же не занятие, не профессия, это не то, что ты выбрал, а то, что тебя избрало, это призвание, это судьба, это тайна. И зачем поэт, зачем стихи, если они не о Главном, если

после них в мире не прибавится хоть на капельку доброты и любви, а жизнь не станет хоть чуть-чуть одухотвореннее и гармоничнее? Не знаю, как пишут другие. Для меня процесс писания – это тайна. «Ни дня без строчки», – не мой девиз. Я люблю говорить, что Бог поэтов – не церковный Бог. Не я пишу стихи – мне кто-то их диктует.

И этому не могли помешать ни тюрьма и лагерь, ни служба в трамвайно-троллейбусном управлении, ни какие-то житейские неурядицы.

Когда мы читаем великую прозу, мы можем и не думать об ее авторе. Читая ее, мы любим не автора, а героя – Дон Кихота, Тиля Уленшпигеля, Наташу Ростову, Алешу Карамазова. У лирического поэта герой – сам автор, сам поэт. Это его мы любим, и он должен быть достоин нашей любви. Он должен быть похож на свои стихи, он и в жизни обязан совпадать с тем образом любимого поэта, который сложился у читателя-друга. И горе и беда, если не похож, если не совпадает: тогда он не поэт, а самозванец и обманщик, и читатель рано или поздно поймет это и уже не поверит ему.

Вот почему поэту труднее, тяжелее, ответственнее, чем прозаику или любому другому художнику: его стихи, его творчество должны подкрепляться биографией, жизнью, судьбой. Но и легче, но и радостнее: ничего не надо придумывать, ничего не надо сочинять, и в самом писании стихов уже награда, уже праздник. Если стих пойдет – он пойдет, если его нет – его ничто не заставит быть. Стихи – это чудо: что бы ни делалось вокруг тебя – ничего не существует. Ты живешь еще не написанным, но уже звучащим в тебе стихотворением. Это состояние – великое счастье. Потом, после меня, останется очень мало стихотворений...

Хоть обстоятельства отучали заниматься литературным делом, отучить быть поэтом невозможно. Это так же, как со свободой. Если есть у человека внутренняя свобода – он будет свободен и в тюремной камере, где пять шагов в длину и шаг в ширину. Он будет свободен, потому что он внутренне свободен, и эту внутреннюю свободу никто у него не отберет – никакие лагеря, никакие тюрьмы, никакие преследования.

И в этом смысле идеал – Пушкин. Для меня нет более любимого человека, живой личности, живой души. Кто-то очень хорошо сказал, называя своих любимых композиторов,– Бах, Бетховен, Вагнер. А Моцарт? – спросили его. О, Моцарт – это Бог! Вот так я мог бы сказать о Пушкине. Перечень любых поэтов, если он будет открываться именем Пушкина, – для меня это кощунство. Это унизительно для Пушкина, потому что Пушкин – вне всяких списков, он совершенно отдельно. Это очень трудно объяснить. С одной стороны, когда мы читаем наших любимых поэтов – Тютчева, Лермонтова, – у них есть почти пушкинские строки, вплоть до того, что я иногда над какой-нибудь прекрасной строкой задумываюсь: неужели это не Пушкин? И в то же время – колоссальная разница, как между Моцартом и Бетховеном. И тот и другой – гении, но в одном случае это уже нечто божественное. Потому что такой гармонии... Невозможно человеку написать: «Я вас любил: любовь еще, быть может...»

Возведение простых жизненных фактов в какую-то необыкновенную красоту, свет – это мог только Пушкин из всех русских поэтов, а может быть, и из всех мировых поэтов. Я, к сожалению, кроме русского, не знаю других языков, но убежден, что и в мировой поэзии он – явление уникальное по гармонии, совершенству. От всех он отличается и необыкновенной добротой – не в расхожем, житейском, практическом смысле, а именно божественной добротой, космической добротой.

Чтобы прийти к Пушкину, его мудрости, его гармонии, к пониманию его совершенства, нужно прожить большую жизнь.

Так невероятно трудно быть тем, что люди называют поэтом, так невероятно трудно писать стихи... И правда, как Ахматова, – нельзя. А что говорить о Пушкине, о Тютчеве, а что говорить о том, что мы живем после Блока, после Цветаевой, Пастернака, Мандельштама? Но мы не бросаем писать стихи. Есть какая-то отчаянная, безнадежная дерзость: как же – после них – все-таки писать стихи? Значит, ты смеешь думать, что скажешь то, что они не говорили? Смеешь и можешь сказать, дерзаешь сказать?

Для меня всегда было великое чудо, великое счастье, что мне это позволено. Не знаю, напишу ли я еще хоть одну строч-

ку, которой буду доволен, и рад, и счастлив. Может быть, то, что от меня сейчас ушли стихи, – это совершенно закономерно и естественно? Может быть, в каком-то возрасте нужно перестать писать стихи, как перестать быть спортсменом, перестать танцевать на сцене Большого театра? Но для меня было бы грустно, если бы я совсем перестал их писать...

Когда-то очень давно, в конце 50-х годов, я еще исповедовал то, что поэзия нас спасет. Тогда были вечера поэзии в Лужниках с конной милицией.

Дело в том, что это иллюзия. Дело в том, что поэзию никогда не будет любить такое большое количество народу – это все временное явление. Поэтому для меня не страшно, что кого-то знают мало. Его знают те, для кого он писал. Я не думаю, что тем, кто аплодирует мне на моих выступлениях, нужна поэзия. Поэзия нужна тем, кто без нее не может жить. Таких людей всегда будет очень и очень мало – во все времена. И сейчас я думаю: слава Богу, что это так. Было бы ужасно, если бы поэзию любили, как футбол или песни Аллы Пугачевой. Поэзию не должны любить многие люди, это было бы обидно и неестественно. Я глубоко убежден в том, что людей, по-настоящему любящих поэзию, гораздо меньше, чем людей, пишущих стихи и издающих книжки... Люди, которым нужны были мои стихи, знали меня и в прошлые времена. Я не могу обижаться на жизнь. И не думаю: вот выйдет моя книжка – и сразу что-то изменится, меня узнают, примут и полюбят тысячи людей, – нет, не будет такого чуда. Я, в моем возрасте, все об этом знаю, смею вас уверить. В этом смысле ничего не изменится.

Читатель стиха всегда есть и всегда будет. Многие годы я писал стихи без всякой надежды на то, что их когда-нибудь прочитают, что их услышат, писал свободно и призванно и, может быть, поэтому написал очень мало и, наверное, не очень профессионально. Я никогда не считал себя поэтом, но и мне всегда хотелось говорить стихами о Главном, о самом Главном в жизни для меня и, значит, по моей вере, для всех людей. Спасибо вам, кто любит мои стихи. Я до сих пор не могу поверить, что они пришли к людям, что их печатают, читают, слушают, что их – вот чудо – кто-то любит. Недаром же я всегда

знал, что я самый счастливый человек на свете: разве для человека, пишущего стихи, может быть большее счастье в жизни, чем знать, что твои стихи услышаны, что они нашли отклик и обрели друзей? Нет для меня никого роднее и ближе тех, кто полюбил мои стихи, и только бы заслужить и оправдать, и не потерять по своей вине эту нежданную, невозможную, невыносимую любовь.

* * *

Кончусь, останусь жив ли, –
чем зарастет провал?
В Игоревом Путивле
выгорела трава.

Школьные коридоры –
тихие, не звенят...
Красные помидоры
кушайте без меня.

Как я дожил до прозы
с горькою головой?
Вечером на допросы
водит меня конвой.

Лестницы, коридоры,
хитрые письмена...
Красные помидоры
кушайте без меня.

1946

Клянусь на знамени веселом

Однако радоваться рано –
и пусть орет иной оракул,
что не болеть зажившим ранам,
что не вернуться злым оравам,
что труп врага уже не знамя,
что я рискую быть отсталым,
пусть он орет, – а я-то знаю:
не умер Сталин.

Как будто дело все в убитых,
в безвестно канувших на Север –
а разве веку не в убыток
то зло, что он в сердцах посеял?
Пока есть бедность и богатство,
пока мы лгать не перестанем
и не отучимся бояться, –
не умер Сталин.

Пока во лжи неукротимы
сидят холеные, как ханы,
антисемитские кретины
и государственные хамы,
покуда взяточник заносчив
и волокитчик беспечален,
пока добычи ждет доносчик, –
не умер Сталин.

И не по старой ли привычке
невежды стали наготове –
навешать всяческие лычки
на свежее и молодое?
У славы путь неодинаков.
Пока на радость сытым стаям
подонки травят Пастернаков, –
не умер Сталин.

А в нас самих, труслив и хищен,
не дух ли сталинский таится,
когда мы истины не ищем,
а только нового боимся?
Я на неправду чертом ринусь,
не уступлю в бою со старым,
но как тут быть, когда внутри нас
не умер Сталин?

Клянусь на знамени веселом
сражаться праведно и честно,
что будет путь мой крут и солон,
пока исчадье не исчезло,
что не сверну, и не покаюсь,
и не скажусь в бою усталым,
пока дышу я и покамест
не умер Сталин!

1959

* * *

И опять – тишина, тишина, тишина.
Я лежу, изнемогший, счастливый и кроткий.
Солнце лоб мой печет, моя грудь сожжена,
И почиет пчела на моем подбородке.

Я блаженствую молча. Никто не придет.
Я хмелею от запахов нежных, не зная,
то трава, или хвои целительный мед,
или в небо роса испарилась лесная.

Все, что вижу вокруг, беспредельно любя,
как я рад, как печально и горестно рад я,
что могу хоть на миг отдохнуть от себя,
полежать на траве с нераскрытой тетрадью.

Это самое лучшее, что мне дано:
так лежать без движений, без жажды, без цели,
чтобы мысли бродили, как бродит вино,
в моем теплом, усталом, задумчивом теле.

И не страшно душе – хорошо и легко
слиться с листьями леса, с растительным соком,
с золотыми цветами в тени облаков,
с муравьиной землею и с небом высоким.

1962

Пастернаку

Твой лоб, как у статуи, бел,
и взорваны брови.
Я весь помещаюсь в тебе,
как Врубель в Рублеве.

И сетую, слез не тая,
охаянным эхом,
и плачу, как мальчик, что я
к тебе не приехал.

И плачу, как мальчик, навзрыд
о зримой утрате,
что ты, у трех сосен зарыт.
не тронешь тетради.

Ни в тот и ни в этот приход
мудрец и ребенок
уже никогда не прочтет
моих обреченных...

А ты устремляешься вдаль
и смотришь на ивы,
как девушка и как вода
любим и наивен.

И меришь, и вяжешь навек
веселым обетом:
– Не может быть злой человек
хорошим поэтом...

Я стих твой пешком исходил,
ни капли не косвен,
храня фотоснимок один,
где ты с Маяковским,

где вдоволь у вас про запас
тревог и попоек.
Смотрю поминутно на вас,
люблю вас обоих.

О, скажет ли кто, отчего
случается часто:
чей дух от рожденья червон,
тех участь несчастна?

Ужели проныра и дуб
эпохе угоден,
а мы у друзей на виду
из жизни уходим.

Уходим о зимней поре,
не кончив похода...
Какая пора на дворе,
какая погода!..

Обстала, свистя и слепя,
стеклянная слякоть.

Как холодно нам без тебя
смеяться и плакать.

1962

* * *

Меня одолевает острое
и давящее чувство осени.
Живу на даче, как на острове.
и все друзья меня забросили.

Ни с кем не пью, не философствую,
забыл и знать, как сердце влюбчиво.
Долбаю землю пересохшую
да перечитываю Тютчева.

В слепую глубь ломлюсь напористо
и не тужу о вдохновении,
а по утрам трясусь на поезде
служить в трамвайном управлении.

В обед слоняюсь по базарам,
где жмот зовет меня папашей,
и весь мой мир засыпан жаром
и золотом листвы опавшей...

Не вижу снов, не слышу зова,
и будням я не вождь, а данник.
Как на себя, гляжу на дальних,
а на себя – как на чужого.

С меня, как с гаврика на следствии,
слетает позы позолота.
Никто – ни завтра, ни впоследствии
не постучит в мои ворота.

Я – просто я. А был, наверное,
как все, придуман ненароком.
Все тише, все обыкновеннее
я разговариваю с Богом.

1965

* * *

Есть поселок в Крыму. Называется он Кацивели.
Среди сосен и скал там нам было на все начихать.
Там у синего моря цветы на камнях розовели
и дремалось цветам под языческий цокот цикад.

Мы забыли беду, мы махнули рукой на заботы,
мы сказали нужде: «Подожди-ка нас дома, нужда!»
Дома ссорились мы. Я тебе говорил: «Ну чего ты?»
И в глаза целовал, и добра ниоткуда не ждал.

Так уж вышло у нас. Ничего мы с тобой не сумели.
Я дымлю табаком, надо мной воздушок сине-сиз.
Есть поселок в Крыму. Называется он Кацивели.
Там мы рвали кизил и ходили пешком в Симеиз.

Бесшабашное солнце плыло в галактических высях
над просоленной галькой – обломышем древних пород...
Я от кривды устал, я от горнего голода высох,
не смеются глаза, и улыбкой не красится рот.

Убежим от себя – хоть на край, хоть на день, хоть на час мы.
Ну-ка платье надень, ну-ка ношу на камни свали –
и забудем о том, что запутаны мы и несчастны,
и в смеющейся влаге утопим тревоги свои...

Есть поселок в Крыму. Называется он Кацивели.
Он висел между скал и глаза нам лазурью колол.

Жарко-ржавые пчелы от сока живьем осовели,
черкал ящерок яркий. Скакал по камням богомол.

Там нам было тепло. А бывало, от стуж коченели.
Государственный холод глаза голубые гасил...
Есть поселок в Крыму. Называется он Кацивели.
Там шершава трава и неслыханно кисел кизил.

1966

* * *

Трепещу перед чудом Господним,
потому что в бездушной ночи
никого я не спас и не поднял,
по-пустому слова расточил.

Ты ж таинственней черного неба,
золотей Мандельштамовых тайн.
Не меня б тебе знать, и не мне бы
за тобою ходить по пятам.

На земле не пророк и не воин,
истомленный твоей красотой, –
как мне горько, что я не достоин,
как мне стыдно моей прожитой!

Разве мне твой соблазн и духовность,
колокольной телесности свет?
В том, что я этой радостью полнюсь,
ничего справедливого нет.

Я ничтожней последнего смерда,
но храню твоей нежности звон,
что, быть может, одна и бессмертна
на погосте отпетых времен.

Мне и сладостно, мне и постыдно.
Ты – как дождь от лица до подошв.
Я тебя никогда не постигну,
но погибну, едва ты уйдешь.

Так прости мне, что заживо стыну.
что свой крест не умею нести,
и за стыд мой, за гнутую спину
и за малый талант мой – прости.

Пусть вся жизнь моя в ранах и в оспах,
будь что будет, лишь ты не оставь,
ты – мой свет, ты – мой розовый воздух,
смех воды поднесенной к устам.

Ты в одеждах и то как нагая,
а когда все покровы сняты,
сердце падает, изнемогая,
от звериной твоей красоты.

1968

* * *

Тебе, моя Русь, не Богу, не зверю –
молиться молюсь, а верить – не верю.

Я сын твой, я сон твоего бездорожья,
я сызмала Разину струги смолил.
Россия русалочья, Русь скоморошья,
почто не добра еси к чадам своим?

От плахи до плахи по бунтам, по гульбам
задор пропивала, порядок кляла, –
и кто из достойных тобой не погублен,
о гулкие кручи ломая крыла.

Нет меры жестокости и бескорыстью,
и зря о твоем лее добре лепетал
дождем и ветвями, губами и кистью
влюбленно и злыдно еврей Левитан.

Скучая трудом, лютовала во блуде,
шептала арапу: кровцой полечи.
Уж как тебя славили добрые люди
бахвалы, опричники и палачи.

А я тебя славить не буду вовеки,
под горло подступит – и то не смогу.
Мне кровь заливает морозные веки.
Я Пушкина вижу на жженом снегу.

Наточен топор, и наставлена плаха.
Не мой ли, не мой ли приходит черед?
Но нет во мне грусти и нет во мне страха.
Прими, моя Русь, от сыновних щедрот.

Я вмерз в твою шкуру дыханьем и сердцем,
и мне в этой жизни не будет защит,
и я не уйду в заграницы, как Герцен,
судьба Аввакумова в лоб мой стучит.

1969

* * *

Дай вам Бог с корней до крон
без беды в отрыв собраться.
Уходящему – поклон.
Остающемуся – братство.

Вспоминайте наш снежок
посреди чужого жара.

Уходящему – рожок.
Остающемуся – кара.

Всяка доля по уму:
и хорошая, и злая.
Уходящего – пойму.
Остающегося – знаю.

Край души, больная Русь,–
перезвонность, первозданность
(с уходящим – помирюсь,
с остающимся – останусь) –

дай нам, вьюжен и ледов,
безрассуден и непомнящ,
уходящему – любовь,
остающемуся – помощь.

Тот, кто слаб, и тот, кто крут,
выбирает каждый между:
уходящий – меч и труд,
остающийся – надежду.

Но в конце пути сияй
по заветам Саваофа,
уходящему – Синай,
остающимся – Голгофа.

Я устал судить сплеча,
мерить временным безмерность.
Уходящему – печаль.
Остающемуся – верность.

1971

Из сонетов любимой

Не льну к трудам. Не состою при школах.
Все это ложь и суета сует.
Король был гол. А сколько истин голых!
Как жив еще той сказочки сюжет.

Мне ад везде. Мне рай у книжных полок.
И как я рад, что на исходе лет
не домосед, не физик, не геолог,
что я никто – и даже не поэт.

Мне рай с тобой. Хвала Тому, кто ведал,
что делает, когда мне дела не дал.
У ног твоих до смерти не уныл,

не часто я притрагиваюсь к лире,
но счастлив тем, что в рушащемся мире
тебя нашел – и душу сохранил.

1969–1972

* * *

Я почуял беду и проснулся от горя и смуты,
и заплакал о тех, перед кем в неизвестном долгу, –
и не знаю, как быть, и как годы проходят минуты...
Ах, родные, родные, ну чем я вам всем помогу?

Хоть бы чуда занять у певучих и влюбчивых клавиш,
но не помнит уроков дурная моя голова,
а слова – мы ж не дети, – словами беды не убавишь,
больше тысячи лет, как не Бог нам диктует слова.

О как мучает мозг бытия неразумного скрежет,
как смертельно сосет пустота вседержавных высот.

Век растленен и зол. И ничто на земле не утешит.
Бог не дрогнет на зов. И ничто в небесах не спасет.

И меня обижали – безвинно, взахлеб, не однажды,
и в моем черепке всем скорбям чернота возжена,
но дано вместо счастья мученье таинственной жажды,
и прозренье берез, и склоненных небес тишина.

И спасибо животным, деревьям, цветам и колосьям,
и смиренному Баху, чтоб нам через терньи за ним, –
и прощенье врагам, не затем, чтобы сладко спалось им,
а чтоб стать хоть на миг нам свободней и легче самим.

Еще могут сто раз на позор и на ужас обречь нас,
но, чтоб крохотный светик в потемках сердец не потух,
нам дает свой венок – ничего не поделаешь – Вечность
и все дальше ведет – ничего не поделаешь – Дух.

1978

Стихи о русской словесности

Ни с врагом, ни с другом не лукавлю.
Давний путь мой темен и грозов.
Я прошел по дереву и камню
повидавших виды городов.

Я дышал историей России.
Все листы в крови – куда ни глянь!
Грозный царь на кровли городские
простирает бешеную длань.

Клича смерть, опричники несутся.
Ветер крутит пыль и мечет прах.
Робкий свет пророков и безумцев
тихо каплет с виселиц и плах...

Но к о г д а закручивался узел
и к о г д а запенивался шквал,
Александр Сергеевич не трусил,
Николай Васильевич не лгал.

Меря жизнь гармонией небесной,
отрешась от лживой правоты,
не тужили бражники над бездной,
что не в срок их годы прожиты.

Не для славы жили, не для риска,
вольной правдой души утоля.
Тяжело Словесности Российской.
Хороши ее Учителя.

2

Пушкин, Лермонтов, Гоголь – благое начало,
соловьиная проза, пророческий стих.
Смотрит бедная Русь в золотые зерцала.
О, как ширится гул колокольный от них!

И основой святынь, и пределом заклятью
как возвышенно светит, как вольно звенит
торжествующий над Бонапартовой ратью
Возрождения русского мирный зенит.

Здесь любое словцо небывало значимо
и, как в тайне, безмерны, как в детстве, чисты
осененные светом тройного зачина
наши веси и грады, кусты и кресты.

Там, за ними тремя, как за дымкой Пролога,
ветер, мука и даль со враждой и тоской,
Русской Музы полет от Кольцова до Блока,
и ночной Достоевский, и всхожий Толстой.

Как вода по весне, разливается Повесть
и уносит пожитки, и славу, и хлам.
Безоглядная речь. Неподкупная совесть.
Мой таинственный Кремль. Наш единственный храм.

О, какая пора б для души ни настала
и какая б судьба ни взошла на порог,
в мирозданье, где было такое начало –
Пушкин, Лермонтов, Гоголь, – там выживет Бог.

1979

Ода одуванчику

В днях, как в снах, безлюбовно тупящих,
измотавших сердца суетой,
можно ль жить, как живет одуванчик,
то серебряный, то золотой?

Хорошо, если пчелки напьются,
когда дождик под корень протек, –
только, как ты его ни напутствуй,
он всего лишь минутный цветок.

Знать не зная ни страсти, ни люти,
он всего лишь трава среди трав, –
ну а мы называемся люди
и хотим человеческих прав.

Коротка и случайна, как прихоть,
наша жизнь, где не место уму.
Норовишь через пропасти прыгать –
так не ври хоть себе самому.

Если к власти прорвутся фашисты,
спрячусь в угол и письма сожгу, –

незлобив одуванчик пушистый,
а у родичей рыльца в пушку.

Как поэт, на просторе зеленом
он пред солнышком ясен и тих,
повинуется Божьим законам
и не губит себя и других.

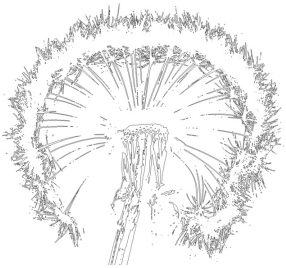
У того, кто сломает и слижет,
светлым соком горча на губах,
говорят, что он знает и слышит
то, что чувствуют Моцарт и Бах.

Ты его легкомыслья не высмей,
что цветет меж проезжих дорог,
потому что он несколько жизней
проживает в единственный срок.

Чтоб в отечестве дыры не штопать,
Божий образ в себе не забыть,
тем цветком на земле хорошо быть,
человеком не хочется быть.

Я ложусь на бессонный диванчик,
слышу сговор звезды со звездой
и живу, как живет одуванчик,
то серебряный, то золотой.

1992



PS

Михаил Красиков
Харьков

НЕ «БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ»

Харьковчане – народ не больно-то памятливый. О скольких гениях и талантах, взращенных щедрой харьковской землей, большинство знает лишь номинально – увы, они не являются фактом бытия горожан. Что толку, что в Харькове есть улица Квитки-Основьяненко (не имеющая к нему никакого отношения) и памятник (с диковатой гримасой, да и стоящий совсем не там, где следовало бы)? Кто читает и перечитывает «Сватання на Гончарівці» и другие произведения, наполненные реалиями харьковской жизни 180-летней давности? Впрочем, это судьба многих классиков: их почитают, но не читают.

С Чичибабиным, кажется, такого не произошло. Его читают. Его слушают. Он живой, не «забронзовевший», хотя есть его изображение, отлитое в бронзе. Он, слава Богу, не «больше, чем поэт». Потому что больше некуда. Поэт – это и так слишком много для человека, такая ноша и для Чичибабина была нелегка. Рядом с этим словом все эпитеты выглядят нелепо. Они ничего не в силах к нему добавить. И, тем не менее, когда мы говорим: «Чичибабин – харьковский поэт» (хотя любой поэт – явление всемирное) – нам теплее на сердце от мысли, что он ходил улицами нашего города, что многим из нас выпало счастье в той или иной мере общаться с ним, и есть возможность теперь прийти и на его могилу, и в его Д о м.

В последние 10 лет Дом Чичибабина, официально именуемый «Чичибабин центром», стал настоящим Домом Поэзии, оправдав свое географическое притяжение к площади Поэзии, возможно, единственной в мире. Американизированное название «Чичибабин-центр» изначально не всем нравилось, но оказалось, что ничего случайного не бывает: центр литературной жизни Харькова сегодня действительно здесь. Имя Чичибабина, как магнит, притягивает всех, кто способен бескорыстно любить прекрасное.

Памяти Бориса Чичибабина

Поэтов русских смуглый бог,
ликуй, сияй, пляши чечетку:
такого гостя в свой чертог
не ожидал уж нипочем ты.

Скорее водочку на стол,
чтоб веселей текла беседа!
Прими же нового соседа
в его пальтишечке простом.

Твой гость влюблен в тебя, как дева,
но я предвижу: до утра
он будет спорить то и дело
о шуйце нехристя Петра.

Твой гость сединами украшен,
и горе гнет его в дугу,
но весел он, как юный бражник
и весь открыт, как на духу.

Я вам завидую обоим
и вам обоим я молюсь:
пока ваш стих шумит прибоем,
за нас я, грешных, не боюсь.

10.07.95

***

Ирине Гатовской,
проводившей Бориса Чичибабина
в последний путь великой музыкой

Сыграй поэту, девочка, сыграй!
Кто говорит, что он тебя не слышит?
Апостол Петр еще не отпер рай.
Играй, играй – а вдруг поэт задышит?

А вдруг он встанет от могучих нот
Бетховена, Шопена, Паганини?
...Но музыка окончится вот-вот,
а чуда – нет, как не было доныне.

И все-таки играй, играй, играй,
не выпускай смычка из тонких пальцев!
Апостол Петр еще не отпер рай,
и там хватает старых постояльцев.

16.08.96

Владимир АВЦЕН
Вупперталь

ОДНАКО РАДОВАТЬСЯ РАНО...

Впервые о нём я услышал ещё до перестройки. Впрочем, «услышал» не то слово – имя-то тогда как раз и не было произнесено. Мой научный руководитель Михаил Моисеевич Гиршман, выразительно взглянув на свой телефонный аппарат, вручил мне отпечатанную на машинке рукопись и сказал: «Посмотрите дома».

Так я познакомился с пронзительными стихами опального харьковского поэта Бориса Чичибабина, многие из которых запомнились на всю жизнь – стихотворения «Меня одолевает острое и давящее чувство осени...» с его замечательной концовкой: «всё тише, всё обыкновеннее я разговариваю с Богом»; «Сними с меня усталость, матерь Смерть...»; «Есть посёлок в Крыму. Называется он Кацивели...» и другие. Особенно отвечала настроению его то тревожная и горькая, то напористая и трубная поэтическая публицистика: «Пастернаку», «Тебе, моя Русь, не Богу, не зверю...» и, конечно же, «Не умер Сталин»...

Как-то в конце восьмидесятых (точный год запамятовал) мне позвонила завотделом культуры «Вечёрки» и попросила срочно провести вечер Бориса Чичибабина в Донецком политехническом институте (представлять поэта должна была она сама, но по каким-то причинам, может, «не порекомендовали», передумала).

В заполненном наполовину зале (афиш, естественно, не было, да и имя Чичибабина только-только начинало становиться известным широкой публике) я, изрядно волнуясь, говорил о стихах поэта, который вместе с женой Лилей Карась сидел в первом ряду.

«Тонкий, как жердь» Чичибабин вышел на сцену и глуховатым голосом начал читать. Никакого конферанса, никаких

рассказов о своей нелёгкой жизни – только стихи. Микрофон отсутствовал, и я очень опасался, что поэта плохо слышно. Но в зале стояла напряжённая тишина. Тишина понимания и сопереживания.

По окончании вечера Чичибабин, как мне показалось, весьма сухо меня поблагодарил – скорее всего, естественную сдержанность поэта по отношению к незнакомому человеку я истолковал как его недовольство мной или встречей и, конечно, распереживался.

На следующий день я отправился по делам в Москву. Сев в поезд, обнаружил, что в спешке не захватил с собой ничего поесть. Как только состав тронулся, я поспешил в вагон-ресторан. В одном из плацкартных вагонов вдруг вижу Лилю и Бориса Алексеевича. Поэт, погружённый в чтение какой-то тоненькой книжки, выглядел очень угрюмым. Мы с Лилей поздоровались, Чичибабин, отложив чтение, протянул мне руку, поинтересовался, куда направляюсь я, сообщил, что они возвращаются домой в Харьков, и вдруг спросил:

– Хотите, почитать, как избивали Пастернака? Только до Харькова, пожалуйста, верните...

Тоненькой книжкой оказался журнал «Родник», издававшийся в Прибалтике. В нём – стенограмма собрания, на котором изгоняли Пастернака из Союза писателей СССР. Страшный документ. В общих чертах, я, конечно же, эту историю знал, но только в общих... Помните у Галича: «Мы поимённо вспомним всех, кто поднял руку»? Тут же не просто поднимали руку – собратья по цеху осуждали, обвиняли, негодовали, клокотали! Было очень жалко Пастернака, но особенно расстроили меня некоторые фамилии (вот оно, это самое «поимённо»!) Отдельные, дотоле уважаемые мною писатели, оказались, увы, не лучше, если не хуже, большинства не уважаемых... А ещё, зная судьбу Чичибабина (лагерь, исключение из Союза писателей), подумалось: если мне так тяжело читать всё это, то каково же ему?

Несколько позже написались посвящённые Чичибабину стихи.

Поэт

Борису Чичибабину

Эпохи постыдная мета –
державный мажор и елей.
Непраздное слово поэта
непразднично в сути своей.

Вожатый нелеп и кромешен,
со спесью якшается лесть.
Чем больше смешного, тем меньше
к веселию поводов есть.

В те дни остальным в назиданье
за горечь крамольную строк
судилось ему неизданье
на вечный, казалось бы, срок.

Когда ж засинели апрели,
и, перья почистив свои,
весенние песни запели
оттаявшие соловьи,

остался в восторженном гаме
по-прежнему горек и тих,
как нота случайная в гамме,
его отрезвляющий стих.

Как будто бы пламенем серным
нутро его обожжено,
как будто он знает, что смертным
ни ведать, ни знать не дано...

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Второй спектакль труднее премьеры. Об этой театральной закономерности не раз вспоминали на втором литературном фестивале имени Н. Хаткиной, который состоялся в Донецке 8 октября 2011 года.

Впрочем, литературным экспертам на этот раз было легче: заявок пришло почти вдвое меньше, зато те, что пришли, пришли по адресу – ошиблись немногие. Надо полагать, предварительный отбор производился самими авторами, уже понявшими, что здесь воздвигнуты такие многослойные фильтрационные системы, что проникнуть сквозь них почти безнадежно. Хотя кое-кого именно это и подзадоривало.

Первый фильтр – 20 специалистов, имеющих разнообразные заслуги перед отечественной литературой: Владимир Авцен, Вениамин Белявский, Анна Била, Евгения Бильченко, Валерий Герланец, Олег Завязкин, Светлана Заготова, Алексей Куралех, Светлана Куралех, Владимир Рафеенко, Олег Соловей, Елена Стяжкина, Елена Тараненко, Вячеслав Теркулов, Демьян Фаншель, Сергей Шаталов, а также организаторы фестиваля: Вадим Гефтер, Александр Кораблев, Ирина Черниченко, Маша Хаткина.

Их впечатления? Лучше не спрашивать. Но мы спросим.

Владимир РАФЕЕНКО ***(прозаик, поэт, литературный редактор, лауреат «Русской премии»)*****:**

– Улов не густ в этом году, но и не пусто в сетях. Нормально. Довольно и того, что есть. Первый год был знатен множеством графоманистых зычных запевок, а в этом году попустило несколько. Сделалось немножко пустынно. Но в этой пустоте и малочисленности текстов отчетливо слышны немногие хорошо звучащие и негромкие голоса. Голоса, в которые хочется вслушаться. И в этом уже праздник. В принципе, никакой другой и не нужно Cambal'ы.

Олег ЗАВЯЗКИН ***(аналогично: прозаик, поэт, литературный редактор, лауреат «Русской премии»)*****:**

– За стихами виден человек: одышливый пенсионер, одинокая много курящая баба, девица-крысенок-очкарик, парень в линялой футболке... Театр теней.

Украинского языка никто не знает и уже, похоже, знать не будет. Следующий конкурс надо сделать только русскоязычным, без реверансов, – это я заявляю как украинский национал-патриот.

Детские стихи есть хорошие. Тем, кто пишет для детей (детям?), труднее всего живется на свете. Вот кому желаю наибольшей удачи...

Вообще уровень текстов на порядок выше, чем в прошлом году.

Светлана ЗАГОТОВА ***(и она тоже: поэт, прозаик, литературный редактор, лауреат премий им. В. Катаева и «Lege Artis»)*****:**

– Хотя участников в этот раз меньше, а графоманов больше, радует, что все же есть хорошие стихи. Очень много поэтических соплей от выпускниц. Прямо, конец света какой-то. Все спешат любить и ненавидеть. Ребята, вы чего? Еще только 2011 год...

Из сказанного становится ясно, что фестиваль продолжает искать себя и кое-что свое уже нашел. Уже наметилась тенденция его развития: не вширь, а вглубь. Почти по-ленински: лучше меньше, да лучше.

Правда, кое в чем фестиваль расширился. Наталья Хаткина, как и большинство экспертов, писала не только стихи, но и прозу, а также была редактором детского журнала. Это стало формальным поводом разнообразить программу: кроме стихов, включить в нее прозу и детскую литературу. Судя по отзывам жюри, может быть, излишне строгим, это не принесло им много радости.

– Тексты очень плохие, – заключает **Елена СТЯЖКИНА, профессор** (хотя в данном случае это неважно), **известный донецкий прозаик; между прочим, лауреат премии «Коронация слова»** (это на случай вопроса: «А судьи кто?»). – Ната-

ша Хаткина, я думаю, не заслужила, чтобы ее именем освящался этот графоманский дождь. У меня есть более грубые слова по этому поводу. Но я, наверное, не буду. Это не то, что не дотягивает до ее уровня, это вообще никуда не тянется. Это то, что уныло валяется в пыли под ногами. Тут много натужного, искусственного, пафосного, глупого, неофитского, маловразумительного, самолюбовательного и т.д., и т.п. Это даже не злит. Это просто такая жаль, что беда.

Того же мнения и **Елена ТАРАНЕНКО** ***(известный донецкий литературный критик и культуролог)*****:**

– Слабый состав, преобладает графоманское желание сразить жюри красивостями и философствованиями (чаще всего – дешевыми и банальными). Почти ни у кого нет умения выстроить сюжет и хоть чем-то похожим на финал закончить свое повествование. В целом впечатление грустное.

Второй фильтр – очный, публичный. На этой стадии в конкурсе участвовали 35 авторов из городов Украины, России и Польши. Качество звучавших текстов определяли 16 экспертов, среди которых известные донецкие поэты, критики, редакторы, издатели, филологи: Вениамин Белявский, Григорий Брайнин, Юлия Гаврилова, Олег Завязкин, Светлана Заготова, Люся Константинова, Алексей Куралех, Светлана Куралех, Станислав Медовников, Вячеслав Пасенюк, Владимир Рафеенко, Элина Свенцицкая, Маша Хаткина, Владимир Завгородний, а также гости фестиваля – известные российские писатели Евгений Попов (г. Москва) и Анатолий Гаврилов (г. Владимир).

О гостях фестиваля надо сказать отдельно. Их было только двое, но каких!

Один уже попал в вузовские программы и хрестоматийные реестры, потому как «народный писатель» (вариант: «национальный»), «самый веселый анархист современной российской словесности» и, помимо всего иного, один из составителей легендарного «Метрополя».

Другой (кстати, родом из здешних мест, из Мариуполя) – не так чтобы очень знаменит, но его специфической известности можно позавидовать. Про его рассказы пишут: «одно из самых заметных явлений в русской малой прозе», «это, по сути, летопись нашей жизни», «совсем нельзя исключить, что читатели будущего из всей русской прозы конца XX века на своих книжных полках только и оставят стоять переизданный томик его рассказов и рассказиков».

Даже этих двоих было многовато, чтобы как следует их послушать, расслышать, узнать. Но возможности такие были – в зале, в курилке, за пиршественным столом.

Евгений Попов, Ирина Черниченко, Анатолий Гаврилов в библиотеке имени Н.К. Крупской во время встречи с участниками фестиваля.

В результате индивидуальной оцифровки впечатлений, производимых звучащими текстами, была определена степень их эстетического воздействия.

Победителем поэтического конкурса стала Екатерина СОКРУТА, ***молодой преподаватель Донецкого национального университета.*** Успех ее закономерен, если учесть,

что в прошлый раз она заняла второе место. Кроме нее, в десятку лучших попали: ***Евгений Мокин (Донецк), Мирослав Лаюк (Киев), Анна Грувер (Донецк), Алексей Чупа (Макеевка), Раиса Талалай (Киев), Анна Ревякина (Донецк), Ева Шателей (Киев), Андрей Котин (Зелена Гура, Польша), Андрей Насонов (Краснодар, Россия)***.

В номинации «**Проза**» **первое место решили оставить вакантным**, а ***второе и третье*** заняли дончане ***Евгений Мокин и Елена Морозова.***

В номинации «**Детская литература**» лучшими оказались **Анна ЛУКАШЕВА (Донецк)**, ***Елена Морозова (Донецк) и Павел Бессонов (Мариуполь)***.

Участники, организаторы, гости и члены жюри фестиваля: Майя Климова, Елена Морозова, Екатерина Сокрута, Александр Кораблёв, Анатолий Гаврилов, Григорий Брайнин, Владимир Рафиенко.

Глядя на список лауреатов, можно подумать, что фестиваль становится сугубо донецким. Этот взгляд и эту мысль нужно подкорректировать.

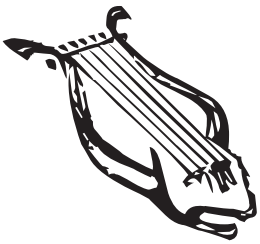
Действительно, так можно было бы подумать, если бы призовые места присуждались при коллегиальном обсуждении. Но они определялись математически, по данным индивидуальной экспертизы, при этом допуск в финальную стадию производился на основании закодированных текстов. В итоге суммировались два комплекса впечатлений – текстуальные, безотносительно авторского имиджа, и театральные, когда личность автора интонационно и визуально восполняет представляемые тексты.

Так что вывод надо сделать другой: в Донецке, похоже, формируется литературная среда. А может, и новая донецкая литература.

Александр Кораблёв, профессор ДНУ

Ниже мы публикуем произведения авторов, занявших призовые места по результатам двух туров конкурса, исключив, к сожалению, тексты на украинском языке. Стихи и проза победителей в номинации «Детская литература» помещены в разделе «Они сошлись»

ВА



Екатерина СОКРУТА
Донецк

Улитка

Улитка честно носит с собой свой дом,
А в доме пьют, дерутся и матерятся.
Тропинка между лавочкой и прудом
Ей удается, в принципе, дней за двадцать.

И это, в общем, долго и тяжело,
Но чьи бы ноги мимо не грохотали,
Улитка, дабы сильно не растрясло,
Все избегает камешков и проталин.

В осенних лужах, думая, что кругом
Такие бесприютные есть равнины.
А у нее же дом, настоящий дом,
И коврик, и скамеечка у камина.

И пусть там кто-то вечно орет дурным
Нетрезвым гласом, или стрелять затеет –
На то и дом, чтоб в доме копился дым,
На то и дом, чтоб было, где стать взрослее.

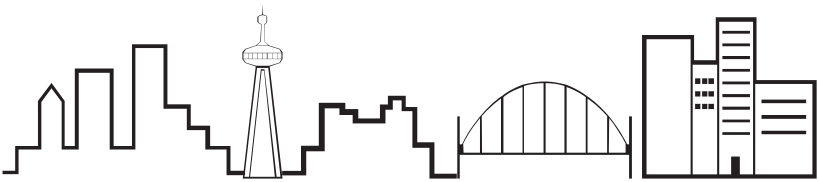
И как бы ни жужжали над ней жуки,
И сколько бы ни кричали ей вслед вороны,
Улитка знает – все они дураки,
Ну, просто невоспитанны и бездомны.

Но все-таки за пару дней до пруда
Ей снятся лес и поляна в ромашке мелкой.
Во сне она, конечно, летит туда,
Чтобы проснуться бабочкой-однодневкой.

Новое время

Мы – шпана промышленных окраин,
Результат невымышленных битв.
Кто не с нами – презираем нами.
Против нас – изловлен и разбит.
Здесь, куда ни глянь – повсюду рельсы,
Шпалы, лом, железные клыки.
От бензина – в лужах эдельвейсы.
От пожаров – в небе мотыльки.
Ржавая вода и дух осенний.
Скрип кроссовок, с насыпи – гурьбой.
В золотом меду большой Вселенной
Ложка дегтя с ржавою каймой.

Слышишь, мы горланим чушь, вдоль берега –
Вид наш нищ, оборван, всемогущ:
Эй, я – Бэтмен! Капитан Америка!» –
Мы – пророки новых райских кущ.
Кто не верит в чудо? – Ну-ка, бей его!
Темный лес и серый небосклон.
Там в лесу кукует счетчик Гейгера,
И ползет вдоль древних труб фреон.
Говорят, за теми, кто раскается,
Прилетят на шаре золотом...
Это сказка. Здесь она кончается.
Правда начинается потом.



Евгений МОКИН
Донецк

БОБОРЫКИН И ДРУГИЕ

Часть первая. НИКИТА

Это было в Советском Союзе.

Простая история: Никита, которому уже почти 18, таскается хвостиком за Ирой. И эта болезнь с детства. Хрупкая девочка с лошадиным лицом, которая едет в Москву поступать, закрепиться и жить там насовсем, потому что Луганск – это отстой, папа в трусах и окна во двор.

Никита тоже едет за ней в Москву поступать куда-то, неважно.

Она за последние мамины деньги снимает квартиру, покупает что-то одеться по-московски, вырабатывает говор.

Никита поступает в МГУ на физику, она в Мед не проходит, поезд стучит назад.

Не, они там один раз увиделись. Для неё это был дурной сон, а он, дурак, убежал.

Ира, умничка, мозги светлые, окончила Мед в Луганске.

Прошли годы – стала зам. гл. вр. в нашей психбольнице, это та, что за городом, помнишь? – там ещё напротив через трассу ипподром, лошадки скачут.

Никита, вот, кстати, бросил образование, с третьего курса вернулся домой.

Работал потом кем-то, книги находил такие, что мы читали и заворачивались!

Не пил вообще.

Он пришёл к ней в больницу, третий этаж, белая дверь.

Часть вторая. ЮРА

Боборыкин пришёл там полежать – откосить от армии.

У Иры наконец появился свежий человек. Она ему выписывала уколы, вызывала помощь, сидела рядом.

Каждый день потом развешивала по стенам свежие рисунки. Она покупала краски, гуашь, акварель, вызывала его из палаты и с удовольствием трогала. Она говорила – больной мой!

Она его сделала – хрупкая женщина с лошадиным лицом.

Часть третья. НИКИТА

Никита приходил сдаваться в КГБ раз в три месяца. Было такое здание с дверями, не помню улицу. Косило его здорово, и он это понимал. Оттуда вызывали машину и увозили в психушку. Там где напротив ипподром, ты помнишь.

Когда Никита выходил – это был праздник, потому что приглашал всех домой, маленькая его мама сидела в уголке, смотрела любящими глазами. А мы разбирали книги. И читали, сидя на корточках, каждый вслух. Дураки.

Ё моё.

Часть четвёртая. Ю БО

Он теперь по-хорошему больной человек.

Как-то в Донецке Приватбанк у него купил четыре картины. Денег не отдали.

Они так и висят в их поганом офисе.

А ещё, этот мой самый-самый друг чинил моему сыну велосипед и водил его за руку на первую в Луганске выставку неформальных художников и всё объяснял.

Часть пятая. ИРА

Она осталась хрустальной девочкой с тонкими ногами, с неинтересным лицом и с мамой в доме в частом секторе.

Мы как-то с ней пытались снять ей квартиру в домике с абажуром, вязаными салфетками и комодом в углу. И недалеко от центра ж. Она потрогала умывальник, постояла у окна. Ничего не произошло, а я так всматривался.

Часть шестая. ЖЕНЯ

Её звали Женя, круглый животик, белые, как мука, руки, детское курносое лицо, попа – луна. Она родила девочку.

Саша – девочка – бегала за Юрой на ниточных ножках, хватала бледные папины ноги полупрозрачными лапками.

Они кушали только овощи, спали на твёрдом и мятом – вегетарианцы, понимаешь. Религии ещё не было. Так, Кастанеда, Гессе, уринотерапия (шучу), бег по утрам, обливание по Иванову. Картошка по 12 копеек...

Хитрая круглая Женя.

Мнёт простыни и не любит целоваться. Бзик у неё такой.

Часть седьмая. ЛИЛЯ

Тонкие мостики через Луганку. Лиля перешагивает, оступается, шипит...

В правой – в трубочку стихи, а в левой занозы. Я её люблю так, что бегу в разные стороны и к реке, и к воротам....

Она помнит адрес! – Каменная , 9

Ты летала в дыму
и пропахла насквозь:
Я гербарии летние жёг.
Я полётную карту
повесил на гвоздь
И до звёзд приподнял потолок.

Ты крылом вороным
закрывала лицо,
Окунаясь в крахмальную сеть

И сухими губами ловила висок –
Чтоб убитъ.
И опятъ улететъ.

Улетая,
взгляни на меня с высоты;
Как бы ни был я снова далёк,
За тобой – улетающей –
тянется дым:
Я гербарии летние жёг.

А ещё была свадьба её где-то в прошлом от этого году, и я был дружком, держал, блин, венец, молчал так тихо. И в «Волге» назад вместе ехали.

Где я был?

И ночь, как будто.
Праздник на ветру.
Ведь звёзды в небе – значит небо чисто.
Тем, кто не спит, останутся к утру,
В росе –
хмельные всхлипы гармониста

В деревне свадьба.
Петухи орут,
Забыв о недорезанных собратьях...
Не бойтесь, не от зависти умрут
Подруги
В одноразовое платье
Обряженной...

Невеста по утру
Поднимет стопку,
вспухшими губами
Горя, как светофор.
И хор старух
Задвигает морщинистыми лбами:

«Да, было время:
Простынь на ветру
Японским флагом подтверждала девство.
А нынче вывесь – если не сопрут,
Так давеча дрались
и неизвестно
Кто пачкал...»

Выворачивают двор
Ногами полусогнутыми гости...

«Желаем счастья!», «Горько!»...
Приговор
Звучит в небрежно
выкрикнутом
тосте.

Потом у Лили отказала почка и мы с Юрой возили её к Иванову, кушали там, обливали водой. Потом она родила девочку Софию, маленькую, как мышка.

Закладки на потом

1.

София, совсем как Билли Холидей в детстве, простыла горлом и горестно хрипло вздыхала, копаясь в игрушках. Кнопочная девочка навсегда.

Порфирий Иванов к моменту повествования умер. С Юрой в Ольгинку мы возили Лилю к вдове. Там был по-хорошему культ: раннее утро – гимн здоровью (сл. и муз. по теме), адепты обливают себя водой из ведра и бегут завтракать. Великолепные каши!

Потом кто что может. Кто-то что-то строит, кто-то выталкивает из непроезжей дороги машину. Это было похоже на слёт раскаявшихся КСП-шников. Только как бы всерьёз.

Лилю это, конечно не спасло.

Она прекрасная поэтесса, именно так, потому что маленькая и абсолютная женщина, которой стихи идут, как украшение, которое хочется украсть. Наверное, у меня что-то осталось.

2.

Это всё 90-е годы.

Никита и Ира как-то исчезли вдруг из этой маленькой Ойкумены.

Он, выходя оттуда, работал грузчиком в магазине продуктов, так же удивительно находил нужные книги, но уже совсем плохо о чём-то говорил, а мы всё больше хотели курева из-под прилавка, т.к. это было смертельно насущно. Поверь!

Его больше не выпустили.

3.

Иру боялись. До такой степени все, что она позволяла всё. Хорошо, что на старости лет я не помню её фамилии. Вечером в парке она ВХОДИЛА к малолетно-зрелым пацанам, буйно пьющим пиво на скамейке, и раздевалась быстро. И наблюдала реакцию. Иногда её насиловали наспех. Дома она записывала в тетрадь, готовила диссертацию.

На каком-то дурном сборище бывших хиппи в мраморном пустом доме возле бывшего дворца бракосочетания мы на круглых ступенях пили шаровой коньяк из тяжёлых стаканов, и она плакала! И я с тех пор не боюсь женщин.

Тая ЛАРИНА
Москва

Мальвина

У Мальвины львиная грива синих кудряшек,
На чуть полноватых ляжках чулки в сердечках,
Она считает: мужчина должен быть обеспечен,
А девушка просто мила и предельно беспечна.
Так и живёт. Руки с мылом совсем не моет.
Крутит на пальчиках с брюликами колечки.
Конечно, бывает, что-то внутри заноет,
Но редко, несильно, и чаще всего под вечер.
Она улыбается всем – так, на всякий случай,
Мало ли что может завтра с тобой случиться?
Накрасишь ресницы, и губы... И станет так скучно:
Так глупо, что просто придётся пойти застрелиться.
На улице в семь ещё слишком светло и так гадко,
Ведь каждый, кто смотрит – видит насквозь твоё тело,
Душа протестует и прячется где-то в пятках.
(У кукол тоже есть души, но это не ваше дело).
Мальвина смеётся, покачиваясь на шпильках.
Громкая музыка, лёгкий коктейль – то, что надо!
Все говорят – у неё в голове опилки,
В сердце – копилка, а впереди – автострада.
Значит большая дорога в волшебный город.
Новые встречи, богатенький Буратино.
Немного противно, не молод... Капризничать нечего,
Голод не тётка, тётка не фея, жизнь не картина.
Жизнь не мультфильм и не сказка, скорее история:
Дым никотиновый, запах бензина, проносятся
Длинные улицы мимо, вот взять бы и броситься
Вон из машины, лететь по своей траектории –
Вверх, и всем телом чувствовать ласковый воздух,
Говорят, облака из нежнейшего тонкого шёлка...
Только всё это обман, никакого в нём толку.

Нужно смеяться и жить безо всяких загвоздок.
Просто спешить в Белый город по жёлтой дороге.
Просто любить первых встречных (все люди братья).
Ведь ей подарили такие длинные ноги,
Такие алые губы, такие красивые платья,
Что грех не использовать. Жить – так на всю катушку!
Однажды ей встретится принц на хромой кобыле,
Узнает, полюбит, спасёт и простит, что были
Другие, много других (всем нужны игрушки).
А он подберёт, отряхнёт от дорожной пыли,
И маленькой дочке посадит с утра на подушку.

Вверх

Теперь всё время приходится быть высоко:
Ходить на каблуках, распрямив плечи.
А раньше, помню, было совсем легко
Высыпать на пол цветные карандаши, лечь
И весь вечер рисовать разных смешных кошек,
Разглядывать мир почти, что из-под дивана,
Устраивать себе домик, ну понарошку,
Такой, из подушек. Сейчас это было бы очень странно.
Сейчас нужно знать английский и улыбаться
Всем, кому хочется строить глупые рожи,
А вдруг эти люди тебе пригодятся?
И эта, с кислым лицом, пригодится тоже.
Только когда ты лежишь на ковре в детской,
А над тобой проплывают разные тени,
Можно почувствовать, остро и очень резко:
Это взрослые придумывают привидений,
Сочиняют всякие сложные игры,
Потом, совсем как девчонки, плачут,
А на самом деле есть только эти тигры,
Нарисованные на обоях и в небе такой жёлтый мячик,
А все их дразнилки, считалки, водилки – ничего не значат,
Совсем ничего не значат.

Елена МОРОЗОВА
Донецк

ЛЕТИ, КАЗАК

– Набирай 15-63. Я у них в базе, – предложила подруга, протягивая мне телефонную трубку.

Мы засиделись допоздна. Домой теперь – только на такси.

Но я позвонила по другому номеру.

– Такси «Казак»! Добрый вечер! – бойкий девичий голосок приветствовал меня.

– Девушка, машину на Розы Люксембург, пожалуйста.

– Свободных машин нет... Есть только кони.

– Какие кони? – опешила я.

– Кони сегодня только в яблоках.

– А цена? – задала я нелепый вопрос, лихорадочно соображая, что все это значит.

– По счетчику: три гривны километр, – бодро ответила диспетчер.

Когда назревает авантюра, меня словно к пропасти подводят – душа улетает. Появляется зуд нетерпения, и я выпаливаю:

– Согласна.

Девушка приняла вызов:

– Через десять минут. Одна лошадь в яблоках.

Подруга смотрела на меня непонимающе.

Я рассеянно улыбалась.

Мы стояли внизу и по очереди вертели головами, не зная, с какой стороны подадут «такси». Октябрьские вечера особенно темны. Пространство блекло освещалось лишь желтоватым оконным светом, да метрах в пятидесяти от нас подслеповато горел фонарь. Но с неба – щедро, округлой полноводной луной, – Бог света на нас не жалел.

Вскоре из-за поворота показался всадник. Конь – очевидно, в яблоках, издали не поймешь – мирно трусил. Когда они приблизились, я заметила на оголовье лошади знак – шашечки, а на всаднике кепку и длинные сапоги.

– Такси вызывали?

– Вызывали, – откликнулась я, сделав шаг вперед. – На Театральный, пожалуйста... Только медленно...

«Таксист» сбросил веревочную лесенку и предложил мне руку. Я взялась за мозолистую ладонь и вскарабкалась наверх. Земля осталась далеко внизу. Последнее, что запомнила, – перепуганное лицо подруги. Я уцепилась за куртку «таксиста», и мы тронулись.

Лошадь шла шагом, но мне казалось, что мы мчимся галопом.

Наконец я немного освоилась и искоса стала посматривать по сторонам. Оказалось, что мы уже пересекли проспект Мира.

– И давно на фирме этот сервис? – спросила я, прочистив горло.

Ветер унес мои слова. Однако парень, оглянувшись, весело ответил:

– Недавно. Может, с месяц. Но я не верю, что он приживется... скучный у нас народ, бескрылый...

Мы замолчали. Положив правую руку на круп лошади, я почувствовала тепло и упругость ее мышц под ладонью. Хвост развевался в такт ритмичному шагу.

– Это ваш конь? Как его зовут?

– Мой, – я уловила нотки гордости в голосе. – Зовут его Скифос. В честь мифического коня... А вы знаете, из чего Бог лошадь создал? – вдруг спросил мой сосед.

– Если честно, не помню, – сказала вслух, а про себя подумала: а знала ли вообще?

– Из ветра!.. – парень приостановил лошадь, а та, вскинув передние ноги, фыркнула, словно что-то еще добавила от себя, а, может, подтвердила: да, так оно и было. Я уцепилась крепче за куртку «таксиста» и увидела, что мы уже выехали на проспект.

Цок-цок-цок – стучали копыта в ночи.

– Здесь налево? – переспросил он.

– Да, вон к тому подъезду, пожалуйста.

Упав в кресло, первым делом позвонила подруге:

– Все в порядке, я уже дома... А ты знаешь, из чего Бог лошадь создал? – И, не дожидаясь ответа, выдохнула: – Из ветра... Бог собрал в пригоршню немного теплого ветра, дунул в ладонь и сказал: «Лети!».

Через неделю мне снова довелось вызвать такси.

– Такси «Казак» слушает, – бойко произнесла диспетчер.

– Девушка, а коня можно? – затаив дыхание, я ожидала ответа.

На том конце трубки помолчали и печально произнесли:

– Ниссан, серо-зеленый металлик. Через десять минут.

Анатолий Кариков

Марьинка

***

Как с первых слов сшибает стих виски,
чиста зима отсутствием свободы,
двустопный ямб свалившейся тоски
колышет мир, снег делает погоду.

Узнай, в какие дни большой мороз,
в какие дни быстрее шага ветер,
в какие дни во человечий рост
завалит снегом. И наступит вечер.

На всех деревьях радостная тень,
зажги свечу, она углы рассветит,
в тебе, во мне запутается день,
век не осудит, вечность не заметит.

Коллаж Игоря Жука

Елена Кисловская
Дружковка

СВОЛОЧУНДРА, ИЛИ ЗИНКИНА УЛИЦА

Описываемые события действительно происходили в одном из городских поселков. Естественно, отображены они не с документальной точностью: изменены имена, добавлены вымышленные персонажи. И хотя данную историю нельзя назвать типичной для определенного города и поселка, произойти она могла в любом из них.

...Сволочундрой Зинку называли в поселке все от мала до велика. А всему виной был невыносимо язвительный Зинкин характер. Ее цепкие глаза не пропускали ни одной мелочи, будь то покосившийся забор, сорняк в огороде, пятно на юбке, вмятина на ведре... Перечислять то, что не соответствовало Зинкиному представлению, «как надо», можно было до бесконечности. И ведь не только увидит, а и замечание отпустит, да такое въедливое – хоть провались сквозь землю. Возражать Зинке было бесполезно – она спокойно и уверенно гнула свою линию, находя все новые и новые доводы, так что в итоге соперник вбирал голову в плечи и старался поскорее убраться восвояси.

Большое удовольствие доставляли жителям поселка Зинкины выходы на рынок. Точнее сказать, удовольствие получали те, кого она по тем или иным причинам не затронула. Для остальных в этот день торговля заканчивалась.

– Баб Мань! – раскатывался зычный Зинкин голос по рынку, и окликнутая ею сухонькая старушка дергалась и вжималась в прилавок. – Че это вы через раз людям перегон предлагаете? Какое ж дите здоровым вырастет на белой воде вместо молока? Ой, баб Мань, не простит вам Господь ваших прегрешений!

– Захарыч, а не совестно тайком от детей да от жены яйца у кур таскать? – адресовалась ее следующая реплика мужичку в засаленном пиджаке и с подозрительно красным носом. – Тебе ж твоя поллитра весь белый свет застит! Или уже позабыл, какую раньше мебель ладил? Гляди, как щас руки трясутся. Срам, да и только!

– Женщина, – останавливала Зинка покупательницу, направлявшуюся к румяной молодухе, торгующей творогом и сметаной, – вы сначала понюхайте то, что она вам предлагает. Эта мадама ни разу корове вымя не мыла.

«Мадама» от такого позора моментально вскипала и становилась свекольного цвета, но возразить было нечего – напраслину Зинка не возводила и свою корову содержала чуть ли не в стерильности. Бабы язвили, что она и копыта ей с порошком после пастбища моет. Естественно, такие «концерты» бесили всех.

– От язва чертова, – сплевывали под ноги мужики, стараясь после Зинкиных разоблачений не попадаться на глаза разъяренным супругам, до которых базарные новости долетали с телеграфной скоростью.

– У-у, с-сволочундра, – шипели бабы в Зинкину широкую спину, не рискуя вступать с ней в перепалку.

На заводе повторялась та же история. Каким-то непостижимым образом Зинка оказывалась в курсе всех событий, маленьких и больших, которые происходили в цехе: кто сколько деталей запорол, каким путем инструменты из кладовой перекочевывали на рынок... Но получали по заслугам только те, кто филонил, подворовывал, прогибался перед начальством. Промахи, допущенные по неопытности, неосмотрительности или из-за того, что мысли были заняты домашними неурядицами, Зинка словно бы не замечала, но порой оказывалась рядом именно тогда, когда ее помощь становилась необходимой. Тем не менее прозвище «Сволочундра» приклеилось к ней крепко-накрепко, и за каждым Зинкиным движением обиженные ею бабы и мужики следили так внимательно, как этого не удостаивались даже герои излюбленных «мыльных опер», чьи страдания пересказывались дома, на улице, на работе.

– Сволочундра-то опосля работы чтой-то долго дома не показывалась, – доверительно сообщала Петровна Никитичне в закатный час на лавочке у забора, усеивая землю вокруг семечной шелухой.

– Да ты че? – изумленно округляла заплывшие жиром глазки Никитична, забывая швырнуть в рот очередную порцию семечек. – Никак хахаля себе нашла?

И хотя позже выяснялось, что Зинка подменяла заболевшую уборщицу Валю, остроты интереса это не снижало. «Хахали», или «ухажеры», говоря местным языком, Зинку старались обходить подальше, хотя женщина она была видная – высокая, статная, с румянцем во всю щеку, да и хозяйкой слыла отменной – за двором и во дворе самый придирчивый глаз не нашел бы ни соринки, окна улыбались белоснежными накрахмаленными занавесками, огород поражал ухоженностью и распланированностью, Зинкины рецепты солений, печений, варений шли нарасхват. Но... Зинкиным требованиям, вероятно, очень трудно было соответствовать в полной мере. Белозубый широкоплечий красавец Петька, отчаянный выпивоха и гуляка, вылетел однажды как пробка из Зинкиной калитки после того, как, явившись к предмету ухаживания в нетрезвом состоянии и с чахлым кустиком ромашек для выяснения отношений, попытался фамильярно хлопнуть этот предмет по тому, что аппетитно округлялось ниже талии.

– Сволочундра – она и в Африке Сволочундра, – прохрипел незадачливый жених, поднимаясь с четверенек посреди улицы и отряхивая испачканный в пыли пиджак. Больше подкатывать к Зинке никто из мужиков не пытался.

Подруг у нее в поселке не было. Письма приходили редко, в основном из далекого уральского городка, откуда, поговаривали, Зинка была родом и где ежегодно проводила свой отпуск, перепоручив свою живность соседке, бабе Фене, которая, хоть и ворчала, но исправно ухаживала за коровой, курами, кормила кота Федьку, опасаясь вызвать недовольство Зинки по возвращении.

...Зинку недолюбливали многие и призывали на ее голову все возможные и невозможные напасти, но когда однажды по поселку разнесся слух о ее смерти, никто ему не поверил: существование Сволочундры казалось естественным, незыблемым и нерушимым.

Соседи вспоминали, что их беспокоил свет, горевший в окнах Зинкиного дома всю ночь, но зайти к ней не решился никто. Тревогу поднял случайный прохожий, обнаруживший странные пятна, похожие на кровь, на заборе, на распахнутой настежь калитке. Вызванный участковый нашел Зинку лежа-

щей с проломленной головой у стены в комнате. Наверное, только крепкое здоровье этой женщины позволило ей в таком состоянии добраться до дома и зажечь свет как знак беды и просьбу о помощи. Но его, к несчастью, не понял никто.

Хоронили Зинку всем поселком. Убийцу нашли через несколько дней. Им оказался поселковый дурачок Витек Латаный – такое прозвище ему дали за то, что он и в холод, и в жару не расставался с латаной-перелатаной фуфайкой, спал на ней и злобно оскаливал зубы, когда мальчишки в шутку пытались ее отобрать. Витек выдал себя сам: он скулил, как побитая собака, показывал на Зинкин дом и нечленораздельно объяснял, что кого-то ударил.

А произошедшая трагедия оказалась страшной в своей нелепости. Зинкина соседка, бабка Феня, которой та поручала присматривать за своим хозяйством во время долгих отлучек, уехала в село к заболевшей сестре и в свою очередь попросила Зинку похозяйничать. Зинка, естественно, безукоризненно выполняла возложенное на нее поручение и, заметив поздно вечером странную возню в соседском дворе, зашла через заднюю калитку посмотреть, кому это там что понадобилось. Ее взору явился Витек, деловито потрошивший бабкин погреб. От неожиданного Зинкиного окрика он дернулся, схватил лежащий на земле старый колосник и швырнул его в обидчика, сам же бросился наутек.

Витька задержали, и когда отбирали у него фуфайку, он извивался в руках милиционеров, выл, рычал, пытался их укусить. Проводивший осмотр сержант поднял ее с пола и удивился, насколько тяжелой она оказалась. Под каждой заплатой хранились сокровища Витька – мелочь и бумажные деньги, которые он выпрашивал в поселке и в городе у кого придется.

...На Зинкиных похоронах жители поселка вдруг вспомнили, как она появилась в нем с больной матерью – ей тогда было лет пятнадцать. А когда мать парализовало, девочка самоотверженно ухаживала за ней, ни к кому не обращаясь за помощью. Всплыло в памяти многих и то, как девушка билась в рыданиях, провожая одноклассника Лешку в Афганистан, как застыла потом с лицом белее мела у цинкового гроба, вернувшегося оттуда через несколько месяцев. Больше никто Зинку никогда не видел плачущей, но никто и не встречал ее с парнями. Позже

она стала работать токарем на заводе. Обиды, неприятности сносила молча, без жалоб, но училась давать достойный отпор. Вот с тех пор и стал вырабатываться закаленный в неурядицах невыносимый Зинкин характер. Хотя почему невыносимый? Никто не мог вспомнить случая, когда она хотя бы раз кого-то обидела понапрасну, облила грязью, сделала достоянием общественности факты чьей-то личной жизни. А вот в помощи действительно не отказывала никому, кто в ней нуждался, даже если об этой помощи и не просили. В далеком уральском городке, откуда Зинке приходили письма, жила ее тетка по матери. Переехать к племяннице она отказывалась наотрез: «Где родилась, там и умру», – но отпуск свой Зинка всегда проводила у нее, не считаясь с деньгами и обстоятельствами, да и, как выяснилось, регулярно посылала ей переводы.

Самогона на поминках было много, народ расслабился, языки развязались, каждый норовил внести свою посильную лепту в жизнеописание Зинки. Тогда, пошатываясь, расплескивая из граненого стакана мутноватую жидкость на стол и на соседей, поднялся Захарыч, которому частенько доставалось от Зинки, и толкнул речь:

– Я вам, граждане, так скажу. Сволочундра... прости, Зинаида Пална, выходит, была совестью нашей улицы. Вот я и предлагаю при вас всех назвать ее именем Зинаиды Палны Корытиной.

Народ пьяно загалдел. Находились и сторонники, и противники этого предложения, а окончательное решение постановили вынести на следующий день и на трезвую голову. Естественно, на следующий день кто-то больше думал о том, как бы опохмелиться, а кто-то так и не понял, о чем шла речь, и предложение Захарыча благополучно кануло в Лету. Странно все-таки устроена человеческая натура: тех, кого еще день назад большинство готово было растерзать, сегодня могут возносить на пьедестал и расхваливать на все лады. Жаль, правда, что происходит это зачастую после смерти.

...Прошло несколько лет, нашумевшая история стала забываться, но нет-нет, да и скажет кто-нибудь из сельчан: «На Зинкиной улице газ провели», «А вчера на Зинкиной улице народ реформу обсуждал»... Зинкина улица так Зинкиной и осталась.

Владимир КАДЕНКО

Киев

Поэт, прозаик, переводчик, драматург, автор песен. Лауреат международных литературных премий, в том числе имени Великого князя Юрия Долгорукого, учрежденной Союзом писателей России и правительством Москвы, Международной премии «Высота» (проза), «Литературна скарбныця» фонда СП Украины. Редактор отдела поэзии литературного журнала «Радуга». Автор книг стихов и прозы. Печатался в России, Франции, США, в том числе в «Вестнике русского христианского движения» под редакцией Никиты Струве.

Парис

Что Афродита Парису? – Опоила за яблоко ядом.
И без богини бесстыжей глаза у него помутились...
Добрым Париса вином царь Менелай угощает,
Песни заводят певцы. Нет, ничего он не слышит.

Жалкие стрелы Эрота в сердце впились, не поранив.
Что эти стрелы Парису, когда его грудь – пепелище?
Странник с царем говорит, но водит невидящим взглядом –
Ищет глазами Елену и заново сердце сжигает.

Ждет он желанного мига, страсти своей не скрывая.
Царь уплывет и оставит царство, и дом, и супругу...
Ведает пастырь троянский: лев подберется к добыче,
Знает и сам Громовержец: женщина стоит бессмертья...

Дальше и дальше от Спарты уносит Париса триера...
Что ему мир и война, и огонь, и надменная Троя,
Что ему вещие вопли Кассандры о гибели скорой.
Нет ему жизни, и смерти, и родины, кроме Елены.

Реймс и Кёльн. Между небом и землёй

Олегу Хожанову

Который день дожди вдоль Рейна шли
И не давали музыке прерваться,
Она не отрывалась от земли,
Как будто в каплях плакали шмели,
Не в силах от растений оторваться.

Расплёскивая голос по полям,
Кричал баркас моторкам на приколе –
Он вторил этим каплям, и шмелям,
И чуткой меди чёрных колоколен...

Но вдалеке – за далью, за рекой –
Узорных стен молчанием невольным,
Неодолимой памятью людской,
Французской и еврейскою тоской
Другой собор перекликался с Кёльном.

Предчувствием чудес дышала грудь,
Июнь был свеж. И мы пустились в путь...

То сквозь леса дорога нас вела,
То в пышных виноградниках змеилась,
И в каждом взмахе птичьего крыла
Угадывали мы Господню милость.

Врывался в окна летний холодок.
За новым поворотом перед нами
Показывался новый городок
Укромными, заветными углами.
Любой подвал, любой заезжий двор
Подсказывал: постой! Замри! Согрейся!
Негаданно в немолчный этот хор
Вплелись кривые переулки Реймса...

Нас обняла нездешняя печаль,
Нас приняли торжественные своды,
И всякий шаг в тяжелую скрижаль
Впечатывал рассеянные годы;

В окружностях прожилки жития
Былую жизнь спокойно окружали,
Святая Жанна, скорби не тая,
Дрожала под живыми витражами.

Сама собою отыскалась нить,
Чтоб мир и небеса соединить,

Чтоб даже я легко увидеть мог:
Здесь Дух живет, здесь обитает Бог.

Сонет

У ног Христа в чертогах Византии
Уже давно журчит чужой ручей,
Оклады снял султанский казначей
И новый век витии возвестили.

Всё глуше стон, всё дальше звон мечей,
Остыла кровь, и мертвые простили,
И месяц над крестом приколотили,
И солнце дней сменила тьма ночей...

Но не тускнеет свечка восковая,
В нездешний сад ведет ее огонь,
Взывая к нам, имен не называя.

Не помни зла, и памяти не тронь.
Люби врагов, живи, не уставая,
Пока теплом наполнена ладонь.

Прогулка в лесу

Еще к высоткам не приучен,
Перемежая тень и свет,
Лес был высок и многозвучен,
Как Пастернак последних лет.

Дивясь причудливым породам
Всего, что пело и росло,
Брели мы под древесным сводом,
Вдыхая свежесть и тепло.

Дорожка становилась круче,
Неспешно поднимались мы
Туда, где за травой колючей
Шумели хвойные холмы.

И на краю застыв невольно,
Смотрели мы из-под рябин,
Как накренились кровли Кельна
Над бездной марбургских глубин.

Ты помнишь день в пернатом гаме,
Дарованный, как похвала,
Когда под нашими шагами
В цветах Германия плыла.

***

Где в Рождество лебяжьей канителью
Вращала снег морозная вьюга,
В последний день апрельского веселья
Метель садов сомкнула берега.

Заполучая чувства из починки,
И мы спешим объятия сомкнуть.

В слепые тучи тычутся тычинки,
Тебе и мне указывая путь.

Туда! Туда! Не принимая пауз,
Не затворяя темного окна,
Пытливым взором взвешивает Фауст
Разъятые на строчки времена...

Но спит Марго, и юность ускользает,
И невозможно Фаусту помочь,
И нас с тобой неистово пронзает
Мгновенная Вальпургиева ночь.

Иоганн Генрих Рамберг, «Вальпургиева ночь», 1829

Юлия Беретенникова

Киев

Родилась в Кирове (Вятке) в 1976 году, живет в Киеве, окончила литературный институт, автор трех сборников стихов, печаталась в журналах «Радуга», «Наш современник», «Соты» и других, руководитель проекта «Полит. ua».

«...глубина памяти и чистота чувства заставляют нас сопереживать простому слову автора, чьё мастерство не нарочито – «алгебра» не затмевает «гармонии», но служит ей, становясь почти незаметной»

В. Каденко

***

Всё, что дано, я отдам без остатка.
Голос мой тих и талант невелик –
Этого мало: слова и тетрадка,
Песня, и шёпот, и радостный вскрик,
Осени, вёсны, и зимы, и лета,
Жизни биенье в горячей крови –
Вот моя дань, моя жалкая лепта,
Малая плата за чудо любви.

***

Нам давно не хватает тепла,
Облетает осеннее злато.
Я, наверное, поздно пришла,
Оттого и гляжу виновато.
Может, стоит побег совершить,
Вслед за птицами, в теплые страны?
Выйдем листья в саду ворошить,
Спрячем зябкие руки в карманы.
Друг от друга печаль затаим,
Осознав нереальность побега,
И, обнявшись, ещё постоим
На краю неизбежного снега.

***

И плакать нельзя, и не плакать нельзя!
Ни голос услышать, ни встретиться взглядом,
И день подступает под окна, грозя
Туманом, дождем и сплошным снегопадом.
Кто мне напророчил, кто наворожил
Тебя, моя нежность, тебя, моя радость?
Кто имя твое в мои губы вложил? –
В нем горечь мирская и райская сладость!
О как за тебя я боюсь и молюсь!
Наш город огромный мне тесен, как клетка,
Когда я к тебе сквозь решетки тянусь,
Как тянется к солнцу древесная ветка.
Уткнуться в плечо бы, зажмурить глаза,
Ветвями сплестись, и сростись, и остаться...
И плакать нельзя, и не плакать нельзя,
И не наглядеться, и не надышаться.

***

За два года поблёкла рыжая позолота,
Крылья вылиняли, стали пушком
на лопатках,
Губы треснули, голос сел от чего-то
(Влажность ли виновата?) да и локти
в заплатках.
Только дети, и нищета, и дурная слава,
И одна тревога, а время искать покоя.
Только что там светит, что согревает
справа?
И слева, помилуй Господи, что такое?

Песенки

ЦЫГАНСКАЯ

Жаль, что нельзя поехать слушать
Цыган в тоске!
Какая нежность держит душу
На волоске?
Не стало царственных привычек,
Прямых речей,
Не победить коробке спичек
Тьмы всех ночей.
На Невском полночь на исходе,
И нет огня,
И век Серебряный уходит,
Легко звеня.
Конвой ведет его. Едва ли
Дорогой в рай.
Поплачь о нем, цыганской шали
Сжимая край.

НЕМЕЦКАЯ

Как букварь, ладонь раскрыта
С черной точкою в судьбе.
Айне-кляйне Маргарита
Стосковалась по тебе.
Платье свадебное сшито.
Душу вечную губя,
Айне-кляйне Маргарита
Умирает без тебя.
Это имя не забыто,
Повторяй его в бреду:
«Айне-кляйне Маргарита,
За тебя сгорю в аду».

ЕВРЕЙСКАЯ

Побредем еще немного.
Вот звезда, а вот дорога,
Спит младенец на руках,
Снег таится в облаках.
Нам брести по свету вечно
Под звездой шестиконечной,
Спи же, звездочка моя!
Путь наш – в дальние края.
Я сама еще девчонка, –
Мать еврейского ребенка,
И глаза мои черны,
Неба звездного полны.
За спиной погони топот,
Пересудов вечный шепот.
Люди судят по себе,
Путь дается по судьбе.
Пусть они себе судачат!
Нам для крова и для плача
Все равно не хватит стен,
Майне таер, майне штерн.

***

Позовите сюда мудрецов и устройте
им пир,
Соберите поэтов на этот чудной карнавал:
Вот сидит за столом нелюдимый, угрюмый
Шекспир,
А смеющийся Бах окунает перчатку
в бокал.
Подождите чуть-чуть и при ровном
мерцанье заката
Положите три камня на место,
где ляжет Ли Бо.

Не забудьте позвать и хромого
безумца Сократа
(Я в последнее время все больше
боюсь за него).
Я боюсь за его сумасшедшие пьяные речи.
Он в фаворе у наших поэтов, но,
кроме того,
Он поставил судьбу на мои
ненадежные плечи,
Да все враз проиграл палачу.
Я боюсь за него.

***

Как по чистым доскам пола,
Тесаным, некрашеным,
Приходил святой Никола,
Ничего не спрашивал.
Не скрипела половица
У святого под пятой.
Попросил воды напиться,
Улыбнулся, как святой.
Отхлебнул совсем немного,
Поклонился, прочь пошел...
Я – за ним. Пуста дорога,
Месяц тоненький взошел.
А вернулась – пол и стены
Полыхнули серебром,
Брызнул свет проникновенный,
Окропил убогий дом.
И остался запах мяты
Навсегда под потолком –
Мятный дух печаль утраты
Исцеляет холодком.

С той поры не замерзает
Ни в какие холода,
Не цветет, не убывает
В кружке глиняной вода.
Ночью крыша, окна, двери
Серебрятся под луной,
И приходят к дому звери
Разговаривать со мной.

Юрий Химич. Зимний пейзаж

Даниил Чкония

Кёльн

Даниил Чкония – поэт, прозаик, переводчик, литературный критик – родился в 1946 году в Порт-Артуре, жил в Мариуполе, Тбилиси, Москве, с 1996 года – в Кёльне. Окончил Литературный институт имени М. Горького. Автор девяти книг стихов, многочисленных книг переводов поэзии и прозы с грузинского. Член союза писателей с 1976 года, ныне – член СП Москвы и Русского ПЕН-Центра. В 2005-2009 годах – главный редактор журнала русской литературы «Зарубежные записки» (Германия). В 2011 году за этот проект (совместно с соредактором Ларисой Щиголь) награждён дипломом Жюри и Оргкомитета Русской премии «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации». В 2006 году отмечен специальным призом 2-го Международного фестиваля русскоязычного зарубежья имени А.П. Чехова в Греции (Афины) – «За особый путь в творчестве и судьбе «Достоинство личности и культура». Постоянный председатель жюри конкурса молодых поэтов русского зарубежья «Ветер странствий» в Риме и член жюри Поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» (Бельгия).

В последние годы активно печатается в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Новый мир».

ЭКСКУРСОВОД или ПИСАТЕЛЬ ИГРАЕТ ДЖАЗ

Я вхожу в автобус, в котором уже разместились, как их здесь принято называть, русские туристы: бывшие советские немцы, бывшие советские евреи, живущие не только в Германии, но и в Америке, Израиле, Канаде, Австралии, а также украинцы из России, русские из Украины, узбеки из Киргизии, сибиряки и казахи – родственники и друзья русских немцев из Сибири и Казахстана... Такой вот постсоветский русский Вавилон.

Они знают, что самый дешёвый способ путешествия по Европе – автобусные маршруты русских фирм из немецкой земли Северный Рейн-Вестфалия. Кёльн – в трёх часах езды от Амстердама, Брюсселя, Люксембурга, Антверпена и других городов Бенилюкса, в шести часах езды от Парижа, в получасе

от начала маршрутов по долинам Рейна и Мозеля... Тысячи автобусов с русскими туристами везут гостей в города Германии, в Бельгию и Голландию, Австрию и Швейцарию, Италию, Испанию... Еженедельный выезд на отдых и экскурсии в Ниццу, Канны, Монако...

Кому в Нью-Йорке не известно, что на деньги, которые возьмут тамошние фирмы за недельный тур на Лазурный Берег, можно не только в Каннах отдохнуть, но и ещё за пару недель объехать едва ли не всю Европу?! Знают все. Условие одно: нужно в этой самой населённой части Германии, где живёт наибольшее число бывших советских, иметь друзей или родственников, чей гостеприимный дом станет стартовой площадкой вашего звёздного ралли по Европе. А у кого из жителей Томска или Бостона, Одессы или Торонто нет друзей или родственников в Германии?

Да вот и они, родственники, волнуются:

– Даниил, там, на десятом месте, наш племянник! Он в первый раз едет, языка не знает!..

Да всё он знает, улыбаясь, думаю я про себя, современный молодой человек, уж английский-то его везде, в конце концов, выручит, и не пугается он этой заграницы, как, даже живя за границей, всё ещё боится её старшее поколение.

Ну что, племянник? С чего начнём? Вот уже сопровождающая группу девушка представила фирму, выдала общую информацию, сообщила, что экскурсию ведёт гид, писатель... Какой такой писатель? Да не всё ли равно – какой! Но зачем-то же говорят, что – писатель?

Чего они ждут от меня? Я прошёлся взглядом по салону, заметил: эти были со мной вчера в Брюсселе, те – три дня назад в Люксембурге. А сегодня мы едем в Амстердам. Что общего? Да всё. Вся общая история «нижних земель», понизовья Рейна, Мааса, Шельды, долина Мозеля. Современные Нидерланды – Голландия – малая часть исторических нидерландских земель, а нынешняя Бельгия – мелкий осколок римской провинции, которая звалась Бельгийской Галлией.

Сейчас я начну рассказывать об этом, постепенно укладывая в сознание моих слушателей общую историю соседних

государств, и затем перейду к периоду, когда каждый из этих больших и малых народов стал обретать свой путь во времени и пространстве. И то, что люди, слушавшие меня вчера и позавчера, будут вновь вместе с другими слышать – в начальной части – знакомую информацию, это ещё полбеды. Тут я извернусь, что-то добавлю новенькое, о чем-то расскажу детальней, что-то малозначительное опущу.

Но ведь зачем-то им сказали, что гид – писатель. А я эту историю сейчас начну рассказывать в тысячный раз! Иными словами, я обречён на тоску механического пересказа. Вероятно, так выходят в тысячный раз играть один и тот же спектакль актёры. Может, их тоже сдавливает тоска бесконечного однообразия? Может, они уже тихо ненавидят эту пьесу? Но, вот, раздвинулся занавес, прозвучали первые фразы, спектакль пошёл – и зажили они – актёры – жизнью своих героев, и зал затаил дыхание, и пришёл актёрский кураж!

Разница в том, что театральный зритель избавлен от необходимости по три-четыре раза на неделе слушать одну и ту же пьесу, а экскурсант, активно проводящий свой отпуск в поездках, вынужден. Или?..

Вы, читатель, играете джаз? Большинство скажет: нет. Иные добавят: и не люблю. Я джаз люблю, но не играю. В детстве мне давали уроки игры на фортепьяно, но, как выяснилось, моя великая лень в миллионы раз превосходила мои ничтожные способности, если не признаться в их полном отсутствии. К чему я об этом? А вот к чему. Порой, поздоровавшись с туристами, с ужасом понимаю: следующие мои слова не потребуют ни капли эмоциональных затрат, ни доли умственного напряжения. Эту словесную жвачку можно жевать, вспоминая, что так и не позвонил сыну, а ведь давно хотел сговориться с ним вместе пойти на футбол, можно переноситься от факта к факту в своём рассказе, вспоминая, что на автоответчике слышал голос дочки – нужно и ей отзвонить, и, кстати, пора проходить техосмотр, для чего прежде следует заменить передние тормозные колодки...

«Удивительна история этого собора!» О чём это? Кто? Да это говорю я, отдельно от меня самого. Вы кого слушаете, до-

рогие гости? Гида, писателя, живого человека? Да это живой мертвец, передвижной магнитофон, компьютер, а писатель в это время размышляет, как давно он к собственному компьютеру с прямой писательской целью не подходил!

Нет, так нельзя!

Давайте сыграем джаз! В манере классического мэйнстрима. Какая там у нас тема? Амстердам, Голландия, Нижние земли? С чего начнём? Да, конечно же, со времён римского владычества! И с Кёльна. Это уже импровизация началась? – спросите вы. Нет-нет! – успокаиваю я. А связь-то какая? Амстердам, древний Рим, Кёльн? Связь самая прямая. Обозримая история Нижних земель начинается с прихода на Рейн легионов Юлия Цезаря, с борьбы варваров – кельтов и германцев – против римского владычества, с того, что из огромной римской провинции Галлии Марк Випсаний Агриппа, друг и зять императора Августа, выделил провинцию Gallia Belgica, а свою дочь и внучку императора выдал замуж за римского наместника и командующего легионами, резиденцией которого стал Oppidum Ubirorum – Поселение убиев, и так далее, тому подобное, со многими деталями и подробностями... Это, дорогой читатель, развитие темы. И под эту привычную музыку можно даже поразмышлять о тормозных колодках...

А если начать сразу с импровизации? Скажем, с девочки, которую зовут... Впрочем, с девочки мы начинали несколько дней назад. Тогда начнём с мальчика, который брат этой девочки... Например, так: на том, левом берегу (автобус как раз вышел на рейнский мост), располагались палатки римских легионеров. Рейн в этом месте разбегался на рукава, и сторожевые посты на омываемом рукавами острове внимательно следили за правым, восточным, берегом: не грозит ли оттуда новый набег германцев? Уж очень осмелели они после 9 года, после битвы в Тевтобургском лесу, где Арминий уничтожил три римских легиона и где нашёл свою гибель полководец Квинтилиан Вар.

Стук и скрежет, вскрики, стоны – Тевтобургской битвы гул. Пропадают легионы, их недобрый рок согнул. Был тоской небесной, синей, полон взгляд, а ныне – тускл. И над Варом встал

Арминий. Ох, коварен ты, херуск! Острый меч Квинтилиана полководцу входит в грудь. Рим, исходит соком рана! Рим, сынов своих забудь! Снова гости? Лес заманит легионов новых нить. И придет сюда Германик, чтобы кости схоронить. И горят протуберанцы, новый Бог парит, незрим! Поднимаются германцы, и встаёт блудливый Рим!

Здешнее германское племя убиев, уже, кажется, привыкло жить по римским законам. Вон как растёт их город! Возводятся укрепления, римские солдаты вместе с аборигенами начали строительство водопровода – с горного плато в город придёт родниковая вода... А какие дома возводятся на форуме по римским образцам! Отсюда, с речного берега, хорошо видны высокие строения.

Мальчик оборачивается на чей-то окрик: «Гай, посмотри, я вырезал тебе свисток!» Это старый легионер, с которым дружит мальчишка, вручает обещанное вчера. «Теперь, когда ты пойдешь в дозор, не нужно будет кричать в ответ на зов товарищей – свисти в эту деревяшку!» Мальчик доволен: у него деревянные щит и меч, и пусть его не возьмут в настоящий дозор, но всё же в войну солдаты с Гаем играют. И не только молодые, которые, несмотря на все тяжести службы в Первом легионе, ещё не перестали быть мальчишками. Стареющие ветераны возятся с ним, словно вспоминая своё далёкое детство где-нибудь на испанском Средиземноморье или на италийской Адриатике. Этот миловидный светловолосый мальчик, этот голубоглазый Гай им всем – и младший братишка, и сын, и внук... «Эй, Гай! – окликает его солдатик. – У тебя настоящий плащ легионера!» Пунцовые щёки мальчика разгораются ещё ярче, глаза сияют: именно этого он хотел, этого требовал – пусть ему сошьют настоящую солдатскую одежду по росту. «Мы сегодня выступаем в поход!» – гордо отвечает он. И солдаты подыгрывают ему, и приветствуют офицеры. Отец поощряет эти игры. И мать со вздохом соглашается: пусть привыкает к военной жизни – в этом его будущее. Наступит день – его отец, нынешний римский легат, под началом которого рейнская армия – восемь знаменитых северных легионов, легат, которому доверена провинция Бельгийская Галлия, любимый полко-

водец римских солдат и офицеров Германик, станет римским императором. Отец Гая – мальчик так гордится им! – уже популярен в империи, и делает стремительную карьеру, перескакивая через возрастные цензы. Ведь он – сын самого Друза, полководца, получившего после своей гибели от римского сената почётное родовое имя – Германик. Теперь молодой Германик с достоинством несёт это имя. Германика усыновил старший брат отца – Тиберий. Друз и Тиберий – пасынки императора Октавиана Августа. Божественный Октавиан умён и проницателен. Друз погиб, наследником будет оставлен Тиберий. Но он – жестокий, честолюбивый, коварный – не молод, не очень здоров, нужно позаботиться о завтрашнем дне династии. И Август, усыновляя Тиберия, потребует, чтобы Тиберий усыновил Германика – за ним будущее. Так что наш маленький Гай, растущий вдали от Рима, здесь на берегах Рейна, пусть и формальный, но внук императора. Да нет же – он кровный внук Августа. Потому что его мать Агриппина – дочь Марка Агриппы, зятя Августа и родной дочери императора. Вот тебе и Гай!

Однако же у него есть братья постарше, и кому-то из них суждено вслед за Германиком продолжить императорскую славу рода Юлиев-Клавдиев. А Гай станет римским наместником и полководцем. Но мальчик об этом, разумеется, не думает. Чего это там расплакалась одна из сестёр? Ох, уж эта Агриппина! Все только и говорят, что маленькая Агриппина – необыкновенная красавица. Гай любит сестёр, и тоже согласен, что Агриппина – красивая, но можно ли столько плакать! Да ладно, у него и своих забот хватает. Легионерскую форму ему пошили. А как же сапоги? Что это за поход в обычной обуви! «Хорошо, хорошо, Гай! – треплет ему щёки отец. – Будут тебе сапоги!» Спустя короткое время мальчик примеряет их. Кто-то из легионеров становится рядом с Гаем. «Давай, сравним! Смотри, Гай, вот мой солдатский сапог – кожаный, подбитый железными гвоздями – калига, а вот и твой – совершенно такой же, только маленький!» Мальчик бежит по лагерю, он хочет, чтобы все его увидели: «Глядите, какой сапожок!» Отличный сапожок, посмеиваются солдаты, и он, счастливый, бежит дальше. «У тебя большой сапог – калига! – объясняет он

седовласому ветерану. – А у меня маленький сапожок – калигула!» И он спешит к другим домам и палаткам. «Эй, Сапожок! Калигула!» – окликают его. И ещё ни он, ни солдаты, никто во всём мире не знает, что прозвище это приклеится, прилипнет к нему навсегда, что он войдёт в историю под этим именем.

Вскоре умрёт Октавиан. Императором объявят Тиберия. И откажутся северные легионы присягать на верность Тиберию. Они когда-то успешно повоевали под его началом, но запомнили его жёсткость. Разве он берёг их, разве помнил об их заслугах! Это его брат Друз ценил римского легионера, как ценит теперь молодой Германик! Не бывать Тиберию императором! Мало ли что думают об этом преторианцы в Риме! Они-то служат по шестнадцать лет и уходят на покой! А ведь некоторые из них прошли школу северных легионов! Пусть послужат, как мы, по двадцать лет, без единого дня отдыха. Нет войны – выходи на работу. Кто строит эти дороги, мосты, акведуки? Кто возводит крепостные стены и здания на преториумах провинциальных городов? А пройдет двадцать лет, разве отпустят их домой? Конечно, вексилляриев, израненных ветеранов-резервистов, не выгоняют на гражданские работы. Но ещё десять лет они проводят в лагерях, готовые в случае войны выйти на поле боя. Тиберий ли позаботится о них, выплатит им задолженность государства, даст ветеранам пригодную для хозяйствования землю? Северные легионы знают себе цену! Плюнут на дело своей жизни, откроют рейнскую границу, и хлынут тогда варвары, не только Галлию займут, доберутся до самого Рима, который забыл, похоже, о своих легионах...

Германик! Где Германик? Вот кто должен стать императором! Умён, образован, храбр – достойный сын своего отца – полководца Друза! Говорят, римской публике нравятся, написанные им пьесы и стихи на греческом и латыни. Да не в пьесах дело, братья! С Германиком мы ещё дойдём до Тевтобургского леса! Ещё отомстим германцам Арминия за легионы Вара! Кому-кому, а Германику небезразличны наши честь и слава, наше доброе имя и после смерти! Германика давай, Германика! – распаляется лагерь. Бунт набирает силу, а отца нет. Он занят сбором налогов по всей Бельгии, когда

вернётся в Город убиев, неизвестно. Страшно маленькому Гаю, плачет младшая Агриппина, потому что горят в ночи факелы, размахивают мечами и кинжалами солдаты, а самые горячие головы не унимаются: «А что Германик? Тиберий усыновил его, значит, сделает наследником, жена Германика – императорская внучка, все эти Юлии-Клавдии повязаны родством! Всех их на расправу!» Улучив мгновение, Сапожок выскальзывает из постели, пробирается к окну. В свете факелов мелькают лица. Многих он узнаёт, это же его друзья, и не разобрать, кто кричит, что лучшего императора, чем Германик, им не надо, а кто требует расправы со всем императорским отродьем... «Хватай мальчишку! – кричит один из разгорячившихся легионеров. – Пусть сначала легат расскажет нам, что он намерен делать!» Ужас охватывает Гая при виде рвущихся в дом солдат...

Он ещё не знает, что вернётся в лагерь отец, угомонит легионеров, захвативших маленького Гая в заложники, расплатится привезёнными из Бельгии деньгами, отправит на пенсию тех, кто отслужил по шестнадцать – как императорские гвардейцы – и более лет, наградит тех, кто предан императорскому дому – он сын Тиберия, он верен своему долгу и чести, – потому и накажет сурово зачинщиков. И снова всплеснётся его популярность, опять заговорит плебс в римских трактирах, что, всё одно, больной и стареющий Тиберий покинет этот мир, оставив корону славному Германику, и эти разговоры вызовут приступы честолюбивой ревности коварного и недоверчивого Тиберия. Маленький Калигула ещё не знает, что скоро покинет этот привычный рейнский город, – потому что Тиберий переведёт отца в сирийскую Антиохию и подстрекнёт тамошнего легата Гнея Пизона отравить Германика. Говорят, мол, это сплетни, но, может, так оно и было. Сапожок не догадывается, какая судьба ждёт его семью, не знает, что мать сошлют на остров Пандатерий, умертвят и объявят о её самоубийстве, юную Агриппину выдадут замуж за омерзительного консула Агенобарба, и она вскоре станет молоденькой вдовой с малолетним сыном, а старших братьев Гая объявят врагами римского народа и тоже умертвят...

О многом ещё не догадывается маленький Гай Калигула, и не понимает, что это за чувство недетской злобы и ненависти рождается в душе: вот, значит, каковы люди! Вот они, друзья-легионеры, игравшие с ним вчера в войну, а теперь требующие его жизни! Никому нельзя верить в этом мире! Может быть, даже самым близким. Все предадут, во всех ищи врага, и если хочешь сохранить свою жизнь и властвовать, держи их всех в страхе и повиновении, и убивай за малейшее подозрение.

Паранойя? Откуда знать маленькому Гаю, что пройдут тысячелетия, и врачи будут ставить ему такой диагноз. Он не знает ещё, что пройдёт школу ненависти-любви, осиротев и воспитываясь рядом с дедом, императором Тиберием, у которого не останется совершеннолетних наследников, кроме Калигулы, добившего или додушившего умирающего в муках старца, как гласит легенда. Но он запомнит эту ночь легионерского бунта и захочет, став императором, уничтожить северные легионы. Безумную мысль о мщении он оставит только потому, что его испугают возможным восстанием легионов, и он вернётся в Рим, не утолив с мальчишества затаённой злобы. А легионы будут радоваться, что сын легендарного Германика, сын легионов, как они его зовут, стал императором.

А потом, когда составят римские патриции заговор и убьют кровавого параноика Калигулу, он уже не сможет узнать, что вдовствующая сестра Агриппина, едва ли не первая красавица империи, дождётся гибели своей красивой и распутной соперницы, императрицы Валерии Мессалины, и станет женой императора – их с Калигулой родного дядюшки. И не узнает Калигула, как снова возродится надежда легионов: император Клавдий – родной брат Германика, а императрица – дочь легендарного полководца. И хоть негоже жениться на родной племяннице, но вот же и римский сенат принял закон, по которому подобные браки следует признавать действительными. Слава Агриппине! Дочь Германика помнит о городе, где родилась, о его солдатах и жителях. И вот по её внушению Клавдий дарует статус города с римскими правами и новое имя этому большому рейнскому поселению: Colonia Claudia Ara Agrippinensis – город с римскими правами, посвящённый

императору Клавдию у алтаря Агриппинцев, так следует переводить длинное латинское название города, в котором упомянуто имя династии Агриппины-младшей. И легионеры, и горожане хорошо знают, кому обязаны своим возвышением над соседними землями и городами, обретением полного римского гражданства, поэтому вскоре забудут имя дядюшки Клавдия и станут называть свой город проще: Колония Агриппина.

Что ж, прощай, маленький Сапожок! Ты не узнаешь, что город твоего детства в 50 году стал столицей новой провинции Нижняя Германия, не узнаешь о том, как складывалась жизнь германских племен на землях, входивших в эту провинцию, на нидерландских землях. Тебе неведомо будет про то, как добьётся неуёмная твоя сестра, жаждущая власти и почестей Агриппина-младшая, чтобы дядюшка Клавдий усыновил её мальчика от первого брака, как поест своих любимых белых грибов-шампиньонов Клавдий – он так любил их! – и супруга собственноручно приготовит начинённые смертельным ядом грибы... И как станет императором твой племянник, сын Агриппины, семнадцатилетний Нерон!

И не узнаешь, что править он будет почти так же, как правил ты, а потому и погибнет. И неведомо будет тебе, как после смерти Нерона настанет время гражданских междоусобиц, как в 68-69 годах сменят друг друга четыре императора – сначала Гальба и Отон, затем Вителлий и Веспасиан. Уже забудут Германика, потеряют надежду на Юлиев-Клавдиев северные легионы и выберут кёльнского наместника Вителлия императором. Конечно – кёльнского. Да, Колония, но со временем имя города преобразовалось – на разных языках – в Колон, Кёльн. И, отвлекая силы легионов, будет бороться за свою власть Вителлий, и, воспользовавшись гражданскими римскими неурядицами, поднимут восстание в Нижних землях предки нынешних голландцев, германские батавы. (Это их именем в конце 18 века назовут Батавской свою недолгую республику голландцы.) Но войска Веспасина, наместника в Иудее, возьмут верх, Вителлий погибнет. Веспасиан прославит основанную им династию Флавиев Первую.

Прощай, маленький Гай, герой нашей импровизации! Разве тебе интересно, как избавил ты экскурсовода, сочиняюще-

го эту новеллу для своих экскурсантов, от мыслей о замене тормозных колодок? Да и пора сделать остановку – пассажиры отправятся в туалет. Самое время напомнить им, как построил Веспасиан общественные уборные в Риме и как взимали стражники плату за посещение. Как возмутился сын Веспасиана Тит: не унизительно ли императору брать за это деньги?! Кто ж не знает этой истории: Веспасиан подносит к лицу Тита монету, «сделанную на моче», интересуется, пахнет ли она... С тех пор мы владеем постыдным знанием – деньги не пахнут. «Идите, идите, – иронизирую я, – там вас ждёт стражник современного Веспасиана, не забудьте оставить монетку!»

А потом автобус отправится дальше, и я расскажу ещё об одном кёльнском наместнике, а впоследствии удачливом императоре Траяне, а может быть мы ещё поимпровизируем на другие темы, ведь история нидерландских земель богата событиями не только времён римских провинций. А потом мы сходу – как старые короли джаза – въедем прямо в тему: в город Амстердам.

Но прежде – ещё один короткий виток импровизации.

Футбольный болельщик со стажем, думаю, поймёт меня: с некоторых пор болельщицкая жизнь осложнилась. Раньше было просто: чемпионат мира – болеем за советскую сборную. Правда, зная, что, увы, в определённый момент её остановят и до финала она не доберётся, готовили себе дополнительную порцию позитива, болея, скажем, за великих импровизаторов – бразильцев. С клубами сегодня даже веселей – болей в украинском первенстве за свой «Шахтёр», а в российском, например, за «Спартак». Но начинается чемпионат мира, и это уже душевная драма: и россиянам победы желаешь, и украинцев в обиде не хочешь оставить, и белорусы не чужие, как и все прочие, бывшие свои! А тут ещё, противу привычки драть глотку за любимых бразильцев, нужно и ставших своими немцев поддержать!..

А мне, дорогие коллеги-фанаты, совсем тяжко. То голландцы на поле, то бельгийцы, и за них душа болит. А тут ещё маленький Люксембург маячит. В кои-то веки забьёт мяч европейскому гранду – счастье!

Ну, а с какого такого перепугу, спросите вы меня, за этих-то болеешь? Объясню. Но речь, в общем-то, не о футболе. Просто, за годы, что пришлось водить экскурсии по этим странам и городам, с ними сроднился. Они перестали быть для меня чужими, абстрактными – эти бельгийцы или голландцы. Я их люблю за одни их качества, ревниво настаивая на том, что у них есть лица необщее выраженье. Могу пожурить за дурные привычки и необидно поиронизировать над ними, как только над своими и возможно. Ещё бы! За это время я столько о них узнал, прочитал, услышал, я так в них вгляделся, что полюбил их и принял сердцем.

Мне так хочется, чтобы мои слушатели узнали, почувствовали, тоже полюбили эти города и страны, как полюбил их я. Хочется, чтобы они лучше поняли немцев, бельгийцев, голландцев, их соседей.

Например, этих непостижимых французов.

Вам кажется, что вы побывали в Париже, осмотрели Лувр, посетили Версаль и уже всё о них знаете? Французский шансон, парижская мода, парфюм, сыр, вино... Нет, с этими французами всё ещё следует разбираться!

Вспомните, напроказничал американский президент в Овальном кабинете с практиканткой, вся Америка на ушах стояла! А французы, похоже, не станут голосовать за мужчину, у которого нет официальной любовницы, причём, как в том анекдоте, «наша должна быть лучше!»

Вы с утра позавтракали вчерашней горбушкой? Тсс!.. Упаси Бог, француз услышит – он вас запрезирает! Вы так низко пали в его глазах, выпив кофе без свежей утренней булки! Ниже падать некуда! Разве что, употребив плохое вино, но с человеком, который пьёт посредственное вино, говорить и вовсе не о чем. А сыр вы едите прямо из холодильника и утверждаете, что знакомы со вкусом французского сыра? Нет уж, не поленитесь за полчаса до еды вынуть сыр из холодильника: вспотев и обретя комнатную температуру, он отдаст вам свою истинно сырную душу!

А вы твердите, мол, уже побывали в Париже и знаете всё про него и Францию. Но соберитесь снова! Экскурсионная

программа – это замечательно! Однако, получив свободное время, спросите у гида, где здесь, на Монпарнасе, кабачок с настоящими блинами, настоящим сидром, настоящими французами, а, возможно, и с живой музыкой – аккордеонистом в классическом берете?

Но причём здесь французы? Да это я так – всё ещё импровизирую. Я, конечно же, о бельгийцах, или в данном случае – о голландцах. Просто разыгрывается воображение: я их такими вижу, моих героев, и хочу, чтобы вы их тоже представили очень зримо – умных, бездарных, храбрых, трусливых, благородных, жадных, лгущих, красивых и уродливых, но живых и страдающих! И пусть эти импровизации-монологи не записаны пером, но, возможно, они оправдают слова, сказанные утром сопровождающей группу сотрудницей турбюро: гид, писатель. Какой такой писатель? Да какая разница – какой! Похоже, писатель... И дело вовсе не в тормозных колодках.

Татьяна ИВЛЕВА
Эссен

(Из новых стихов)

Три ангела

Безрадостны прогнозы по весне
И ненадёжна почва под ногами...
Виной не дождь, похоже, это с нами
Неладно что-то, как в тяжёлом сне.

Из колбы ада выплеснута муть,
Палач ночной тоски казнит удушьем.
Три ангела спасают наши души,
Рискуя в адской мути утонуть.

В Армагеддоне силится душа
Преодолеть отчаянья химеру,
Три ангела на помощь к нам спешат,
Три ангела – Любовь, Надежда, Вера.

* * *

На снегу сыром и квёлом,
в стае вялых голубей
шустрый, дерзкий и весёлый,
бесшабашный воробей.
В кучах уличного сора
ищет крошки. Цель ясна:
силы копит! Значит, скоро
в город явится весна.

* * *

Всё проходит. Всё проходит.
Так устроен белый свет.
Вот и лето на исходе.
Бабье лето – бабий век.

Что ты, что ты, друг мой, по́лно!
Раньше срока не тужи.
Исчезают в море волны
И в пустыне миражи…

Всё меняется в природе,
Но верны твоей судьбе
Свет звезды на небосводе
И моя любовь к тебе.

* * *

В безвременье, над домом разорённым,
Над бедной жизнью скомканной моей,
Взошла звезда – нежданно, озарённо –
Из хаоса осколков и теней.

Её внезапный свет проник мне в душу.
Я знала – не случаен этот свет,
И знала, что невольно я нарушу
Твой праведный, о Господи, завет.

Не возжелай… Твои запреты правы.
К чужой душе приставлена звезда.
Но, Господи, страшней Твоей расправы
Одно лишь – с ней расстаться навсегда.

Оригами

Виктору Харику

Опальный снег похож на плесень.
Уносит талая вода
И сон, и явь, и звуки песен,
Уже забытых. Навсегда.

Заброшен на задворках рая
Охрипший старый патефон.
Ещё мелодию играет,
Но никому не нужен он.

Вода несётся по планете,
С собой планету унося.
Дождей нейлоновые сети
Собой накрыли всё и вся.

Бумажной птицей оригами
В заплесневелых облаках
Лечу с намокшими ногами
В насквозь промокших башмаках.

* * *

Стремительно уходят поезда,
насквозь пронзая старые вокзалы...
Уходят вопреки. И навсегда.
В январский дождь.
В закат прощально-алый.

Но остается новая любовь,
стихийная, как слезы на ресницах,
нежданная, как две строки стихов
на чистой, только начатой странице.

Отчий дом

С чего бы это вспомнилось о том,
Как пахнет свежевыбеленный дом?
В стакане ландыш радостно цветёт,
Гардина устремляется в полёт,
Благоухает яблочный пирог,
Как Бог, высок и светел потолок.
Там – мама у окна кого-то ждёт...
И ушки на макушке держит кот.

Я помню: ни рублём и ни куском
Меня не попрекали в доме том.

* * *

Я в памяти дотла сожгу
Случайно вспыхнувшую встречу
И тайну слов, и тихий вечер
На том, на дальнем берегу...

И на обломках странных строк,
Которых смысл чужим не ясен,
Мне грустно улыбнётся Блок
И вздохом свет свечи погасит.

Несбывшемуся другу

Мой старый, мой бывший, несбывшийся друг,
Полвека промчалось над нами бескрыло
С тех пор, как обиды замкнувшийся круг,
Я не разомкнула, не переступила.

Любовь не была к нам обоим добра,
И были надежды щедры, но напрасны.
Мы больше не ищем добра от добра.
Мы с праздника, бывший мой друг, не на праздник.

И всё же на сердце легко и светло –
Ни жалобы нет, ни вражды, ни упрёка.
Всё в мире проходит. И это прошло.
Осталась лишь память сухого урока.

Заснеженной ночью, в канун Рождества,
Догадка о прошлом меня посетила,
И я поняла, что была не права,
Когда на прощанье тебя не простила...

Спасибо, что после разжатия рук,
Не пре́дал, не сеял вражду между нами.
Спасибо, мой бывший, заклятый мой друг,
Что мы разошлись, но не стали врагами.

Рождество в Париже

Серый абрис парижской дороги
Акварелями снега окрашен.
В зимних сумерках, как полубоги,
Мчат такси мимо скверов и башен.

Ошалев от грохочущих будней,
Накануне Рождественской сказки,
Смолк Париж в ожидании чуда
Или просто счастливой развязки.

Елена МОРОЗОВА
Донецк

БЕДУИНКА И АНГЛИЧАНКА[1]

У меня в доме в напольной кадке растёт пальма.

Смотрела я на неё, смотрела, и захотелось мне на Красное море в Египет. Собралась и поехала.

Каждый день со стороны дикого пляжа к забору отеля, где я поселилась, приходила бедуинка.

Местная жительница. Она садилась на горячий песок, раскладывала вокруг себя расшитые блёстками платки и ждала покупателей.

И каждый день старая англичанка, постоялица отеля, с трубкой во рту прогуливалась мимо торговки. Она интересовалась ценами, щупала товар, накидывала на плечи, но ничего не покупала.

---

[1] Здесь и в рассказах автора, размещённых в разделе «Они сошлись», – рисунки Евгения Мокина.

Но однажды бедуинка не пришла. Старая англичанка, как обычно, прогуливалась вдоль моря.

– Как жаль, что торговки сегодня нет, – сказала она расстроено. – Хотела купить у неё шейный платок. Ведь завтра я уже улетаю.

На следующий день я заметила, что бедуинка, разложив товар, энергично машет мне.

– Где та старая женщина? – спросила она.

– Улетела домой в Англию, – ответила я.

Бедуинка покачала головой.

– Как жаль. Завтра мы уходим кочевать. Я пришла ради неё. Хотела отдать ей платок за полцены.

А море оказалось вовсе не красное, а синее, и даже не синее, а бесцветное. А вот гора у моря, как коржик медовый, – красная. И нет на ней ни единой пальмы – лысая гора.

Марта Коган
Вупперталь

Брошенная обитель

Светлане А.

Когда-то жизни полоса
здесь шла иначе:
Детей звучали голоса
и лай собачий,
Мужские слышались басы,
и смех счастливый,
Текли минуты и часы
неторопливо.
Дела дневные, шум и гам
и тихо – ночью.
Доверчиво у женщин там
глядели очи.
В какой-то день исчез их дом,
живой и чудный,
И стало пусто в месте том,
где было людно.
(Как будто разом все ушли –
и не вернулись
иль на другом краю земли
от сна очнулись.)
И поросла земля травой,
а так же дикой
Малиной с мелкою листвой
и ежевикой.
От шумных улиц далеко,
машин и смога...
Дышать и думать так легко
под дланью Бога.

И ангел мой, сложив крыла,
здесь отдыхает,
И, как сильна бы ни была,
боль утихает.

Корова

Я большая рыжая корова
Обожаю дом, семью, покой,
Тело моё нежностью налито,
А живот подобен колыбели,
Где я нянчу будущих телят,
Мысли мои вязкие, как жвачка,
Поступь медленна, не суетлива
И в глазах покорность и печаль.
Под хозяйской твёрдою рукою
Я стою доверчиво, не зная,
Что в ней скрыто –
Ласка или нож.

Кошке Куке

Ведёшь себя со мною так,
Как будто я – заклятый враг,
Следишь, прицелясь,
И вид твой, Кука, жутковат:
Из-подо лба – стеклянный взгляд,
Отвисла челюсть.

Мечта тебя погладить – дым,
Швырнула к лапам я твоим
Свои дипломы
И вьюсь служанкой пред тобой:
«Вот здесь твой стол, тут водопой,
Хозяйка дома!»

Но иногда кричишь в слезах
И носишь куколку в зубах,
И ужас у тебя в глазах –
Людей прости ты!
Не я тебя к врачу несла,
Гуманна цель его была:
Палач не вытравил дотла
Твои инстинкты...

Тебе, недобрый серый зверь,
Открыла я однажды дверь
В дом пригласила.
Не сладилось: мы – не друзья,
Но за тебя в ответе я,
Поскольку приручила.

Из цикла «Эра звонков»

1.

Живём во Времени. Оно течёт сквозь нас,
Взрывая память шлейфом размышлений,
Подробностями сорванных мгновений,
Печалью наших вслед глядящих глаз.

Меж ухом и плечом сжимая телефон,
Отщипываем Времени кусочки,
Пока оно тихонько на носочках
Уходит, обратясь в вечерний звон.

По городам и странам нас несло,
Но Время за верёвочку вело,
И кто-то попросил за нас у входа,
И, не убавив скорости и хода,
Оно счастливые нам отпустило годы,
И это лучшее, что сделать нам смогло.

2.

Вальсируют цветы, мелькают листья,
Раскрыты лепестки, как губы в смехе,
Изгибы ножек их в движенье быстром
Скользят по краю травяного меха.

Танцует луг. Трезвонит птичье пенье.
Узоры пишет паутины волос.
Среди сверканья музыки, цветенья
Звучит твой мягкий и спокойный голос,
Что пахнет маем, свежею травою
И радостью беспечной и бездонной.
И полнятся глаза мои весною,
И бабочки садятся на ладони.

3.

Звоню. Душа на ниточке трясётся.
В ответ: «Ну что тебе с утра неймётся?»
Кляну своих желаний оголтелость,
Ах, если бы тебе вот так «неймелось»!

4.

Тебе мне нечего сказать,
На сердце – стынь и тишь.
И потому ты мне опять
Сегодня не звонишь.

Сама молчу я, и мой дом,
Как хмурая вода.
Мы в эту воду не войдём
С тобою никогда...

5.
Листаю телефонные счета
Простые цифры – кто звонил, когда,
И током бьет – вот этот номер твой.
Шептались мы тихонечко с тобой.
Вот – утром ранним. Этот был дневной
А вот – беседа наша в час ночной.
Сокровища бесценные мои,
Сложились вы в часы, сложились в дни.

Оркестр в курортном парке

Л.К.

Ах, белые скамеечки –
перила с завитушками,
Бад-Киссинген качается
на солнечных листках.
Фонтаны – струйка к струечке,
что ранило – притушено,
И вальсы стрелки двигают
на августа часах.

Мелодии скрипичные
ласкаются котятами,
И запах розы – розовый,
и лета малахит...
Дневник, где строфы зимние –
тяжёлые, невнятные,
Забытый на скамеечке
страницами шуршит.

***

Вдруг на ходу остановишься,
И жить без тебя не можешь,
Хватаешь листок и ручку,
Чтоб выдохнуть это словами.
Пусть кто-нибудь прочитает
И скажет: «Плохие стихи»,
А тот, о ком я думаю,
Скажет: «Не обо мне».
Главное – это выдохнуть.
И тогда уже можно дышать.

Рисунок Ирины Александровской

Светлана ФЕЛЬДЕ
Леверкузен

О ФРАНЦУЗСКОЙ БЕЗАЛАБЕРНОСТИ, КАЗАХСКОМ ГОСТЕПРИИМСТВЕ И НЕМЕЦКОЙ ПЕДАНТИЧНОСТИ

Вот как разумный человек может провести неделю отпуска? Если не планируется, например, полежать на песочке у моря. Вариантов много. Я остановилась на более доступном, полезном и приятном: пообщалась с подругами, на которых никогда нет времени, провела несколько дней с сыном, с которым редко вижусь по причине того, что он учится в другом городе. И решила поехать в Париж на полтора дня. Тем паче, что туда как раз приехала делегация, в которую входили мои друзья из «Казахстанской правды» и друг, работающий на телевидение Казахстана. Билеты заказала за месяц вперед, гостиницу – тоже. Скромная такая, аккуратная гостиница, но преимущество перед более фешенебельными очевидное – в десяти минутах ходьбы от Монмартра. В общем, приехала. Повезло крупно – в качестве портье в тот вечер обслуживала посетителей девушка по имени Василиса, родом из Воронежа, парижанка со стажем в восемь лет. Она, небрежно извинившись, поведала о том, что свободных комнат нет. Пардон, не поняла я, номер-то зарезервирован. Да, конечно, но дело в том, что большой наплыв народа, а вас еще не было, вот мы и сдали номер. Но вы не огорчайтесь, мы вам нашли другую гостиницу, даже денег на такси дадим – утешала Василиса.

В этот момент в вестибюле возник молодой человек приятной наружности, который приехал забрать меня на репетицию оркестра, прибывшего из Казахстана – его попросили приехать вышеупомянутые друзья. Одним словом, решив не усложнять и без того странную ситуацию, я отправилась с Искандером – так зовут молодого человека, родом из Тбилиси – в объятия друзей. Заодно – на репетиции – насладилась голосом

Днишева – который, как всегда, был великолепен. Ну вот, а теперь небольшое отступление.

О менталитетах. Конечно, все люди разные и рассказать что-то о народе «в целом» очень и очень сложно, но я попробую.

Слова «менталитет» и «ментальность» прочно вошли в наш обиход. Эти термины произошли от латинского слова mens, что в переводе означает «ум, мышление, рассудок, образ мыслей». Немецкое die Mentalität переводится вдобавок как «образ мыслей, склад ума». Понятие менталитета соотносится с используемым в Германии понятием «формы жизни», под которыми понимают методы социального поведения, укоренившиеся в исторической традиции. Конечно, менталитет нации (народа) оказывает воздействие на ментальность. Он определяет стереотипы поведения и психологию каждой личности. Происходит это как на сознательном уровне: «так меня воспитали», «я видел, что так поступали родители», «так у нас было принято»,так и на бессознательном типа – «впитал с молоком матери».

Вернувшись из Парижа, я спросила себя: а как мы, русские, выглядим со стороны?

Вот что ответили мне мои знакомые – коренные немцы. Цитирую: первое – русские чрезмерно целеустремленные и хотят добиться в Германии успеха. Может быть, это и есть русский менталитет. Второе – русские не могут долго ждать итога, это и есть их менталитет. Третье – русские неряшливы, бесхозяйственны, не экономны. Мужчины любят пить водку. Меня возмущает, что их дети громко разговаривают, собираются группами в сквере перед домом, вместо того так чтобы пойти в специализированный культурный центр на соседней улице. Четвертое – меня поражает способность русских многократно влюбляться. Я знаю, что в глазах русских это положительное свойство, и оно связано с их большой эмоциональностью. Мы – люди сдержанные. И, в общем, холодны в проявлении чувств к женщине. Мы строим партнерские отношения и поддерживаем их иногда очень долго, однако не влюбляемся в женщин «по уши». Возможно, это и есть разница в менталитете.

Потом задумалась о немецком менталитете. Вот коротко: это – исключительно трудолюбивый народ. Немецкий рабочий может 30 лет вкручивать гайки в одну сторону, и даже не подумает, что в его работе что-то не так. Кстати, вы ж понимаете: наш строитель будет возводить новые дома, воплощать разнообразные дизайнерские проекты, но, придя домой, обязательно напьется, станет рвать на себе рубаху и жаловаться жене, что «души в его работе нет». Немцы – страшные консерваторы. Третья черта немца как представителя нации – честность. «Украсть», «взломать», «убить» – все это, конечно, происходит и в Германии, но рядовой немец точно знает, что за все в жизни надо платить и что «на халяву» ничего не бывает. Поэтому если на рынке ему вместо десяти яиц положили в пакет одиннадцать, что обнаружилось только дома, то он вернется назад и вернет яйцо хозяину. Помимо честности, не чуждо немцам и понятие чести. Когда-то один сумасшедший проникся идеей о захвате мира. А мир, как известно, без жестокости захватывать нельзя. С тех самых пор в Германии не было ни одного новорожденного мальчика, названного именем Адольф. А пострадавшим в годы Второй мировой войны Германия до сих пор выплачивает денежные компенсации. Еще? Аккуратность и педантизм во всем. Без комментариев. И без счета. Еще? Пунктуальность. Экономность немцев граничит со скупостью. Эта нация воистину умеет экономить на спичках. Сверхчистоплотная нация! За любой «посторонний» человеческий запах запросто могут уволить с работы.

Впрочем, не взирая на то, что в поговорке «Что русскому хорошо – то немцу смерть» эти две национальности противопоставляются, в реальности же все-таки есть в нас и общее. Слышали ли вы когда-нибудь о том, как студенты или рабочие Германии вышли с транспарантами на демонстрацию в поддержку движения какого-нибудь «Гринписа»? Думаете, у них нет экологических проблем? Да полным-полно, как и в любой другой промышленной стране. Просто всех немцев отличает невероятное послушание, сродни христианскому. Послушные чиновники послушно ходят на работу, как говорится, от звонка до звонка. Послушные подданные легко мирятся со всеми

тяготами судьбы, которые им преподнесло государство. Равно как и русские. Хотя не исключено, что истоки этого послушания и смирения разные: у них – привычка к порядку, у нас, думаю, – пофигизм и надежда «на авось».

А теперь о французах. Ну что я могу о них сказать? Совсем немного: при слове «француз» нам немедленно представляется остроумный сердцеед с бутылкой шампанского подмышкой и комплиментом на устах, а слово «француженка» давно стало синонимом «женственности». Французы – страстные патриоты. Они влюблены в свою страну и считают ее лучшей в мире, безумно гордятся своей культурой – даже комиксами про Астериска или Супердюпона. Французы – очень рациональная нация. Разум, логика, умение рассуждать остроумно и красиво, хорошее образование – это то, что они ценят в людях. Они обожают правила и инструкции, однако сами же им подчиняются далеко не всегда – например, французские водители считаются одними из худших в Европе, потому что легко игнорируют правила дорожного движения. Впрочем, правил вежливости не игнорируют – пешеходов тут пропускают всегда.

Французы – народ легкий. И ни из чего не делают проблем.

И вот как раз с этой чертой мне удалось познакомиться вплотную. Тут самое время вернуться к началу моего рассказа. Точнее, к моменту, когда Искандер привез меня в предложенный Василисой отель – в сопровождении моих казахстанских друзей. В принципе, предполагалось, что я оставлю чемодан в номере, и мы все погуляем по вечернему городу. В результате после осмотра предложенной комнаты, напоминающей притон понятно для какой категории, а в вестибюле сидели личности вполне криминального вида, к тому же ключ от номера портье найти не мог, мы решили поискать другой ночлег. Свободных номеров не оказалось нигде, а те, что еще были вакантны, по карману разве что племяннице миллионера. После двух часов скитаний Искандер отвез меня в начальное место дислокации, где спустя полчаса пререканий на тему «и чего вам надо», «подумаешь, трагедь», портье выдал бумажку со штемпелем отеля и написал: дескать, мадам Фельде не могла у нас ночевать, ибо номеров свободных не оказалось. А предложен-

ная нами альтернатива была отвергнута клиенткой по причине отсутствия ключа от комнаты.

Сей документ я и предъявила немецкому турбюро, занимавшемуся поездкой.

Да здравствует немецкая честность – через два дня на мой счет перевели деньги за несостоявшуюся ночевку и надбавили энную сумму за нанесенный моральный ущерб. А еще турбюро высказало свое «фе» отелю: если вы не в состоянии принять наших клиентов, то мы с вами сотрудничать впредь не намерены.

Да здравствует казахский менталитет – мои друзья потеснились, и я смогла переночевать в их комнате, что было гораздо приятнее, чем сидеть на вокзале или на лавочке на улице.

Да здравствует французский менталитет – французы действительно очень галантны. И хотя не любят немецкий язык, никто из представителей мужского французского пола не проявил по отношению ко мне некорректности или невежливости, когда я на чистом немецком интересовалась, как пройти к музею керамики.

Мораль? Если честно, не знаю. Монмартр был прекрасен, общение с друзьями насыщенным, а возвращение в Германию впервые показалось мне счастьем. Наверное, сказывается привычка к порядку: здесь такого происшествия с гостиницей не может быть по определению.

Впрочем, немцы вряд ли бы потеснились...

Абсолютно русский подход к ситуации – прокомментировала мнение моя немецкая приятельница.

Фото Сергея Полякова

Евгений КАГАН
Дортмунд

Мавзолей
(«Культ» – «оттепель» – «перестройка» – «стабилизация»...) [1]

На каблучищах и котурнах
(на мавзолеях и не жди!) –
у стен кремлёвских, там, где урны,
приподымаются «вожди».

Истории столь плотоядно
вдруг раскрутилось колесо,
что лишь во зло – и... вплоть до яду! –
почти поверилось во всё.

Одолевая все помехи,
в суть не дающие войти,
припоминаем смутно вехи
на историческом пути.

---

[1] С любезнейшего разрешения старшего товарища моей юности и молодости, одного из первых и главных учителей моих в поэзии Серёжи Борщевского (ставшего впоследствии знаменитым украинским переводчиком испаноязычной литературы, равно как и профессиональным дипломатом высокого ранга и драматургом – Сергеем Ефимовичем Борщевским) автор использовал в предлагаемом читателю тексте посредством как прямого цитирования (хотя и в несколько изменённом виде), так и для соответствующих собственных вольных (или, скорее, – невольных?!) – злободневных – реминисценций – несколько – представляющихся всё ещё (может быть, даже – и к сожалению!) актуальными – строчек из школьного стихотворения Сергея, посвящённого разоблачению культа личности Сталина. Автор как бы принял от старшего товарища эстафету поэтического осмысления и освещения данной темы сообразно современному историческому моменту, хотя каждый из нас продолжает по-своему разрабатывать её и далее в своём творчестве. (Так, Сергей только что написал одну и перевёл с испанского другую пьесу с аналогичной, в целом, проблематикой). Проблематика эта остаётся, впрочем, увы, вечной... Выражаю Сергею Ефимовичу Борщевскому глубокую сердечную признательность за трогательную чуткость в отношении давно и безуспешно его догоняющего младшего товарища.

«Вопрос о культе был поставлен
и Сталин был разоблачён
после того, как мёртвый Сталин
улёгся рядом с Ильичём».

В последнем видя тоже тонкий
(хоть не кровавый и жестокий),
по-сталински коварный ход, –
нетривиальные уроки –
извлёк? – трезвеющий народ?..

Ведь каждый с болью ужасался,
вняв разновидностям греха,
как «вождь» при жизни дорывался
быть рядом с плешью Старика.

Что ж, – мавзолей покинул Сталин?!..
...Потери – водкою залей.
(Трезвей лишь с ней, хоть – злей! – и станем,
весь! – упраздняя мавзолей).

В честь умирающей коммуны;
иных (божественных) идей, –
поизбавляться бы от мумий!
Попревращаться бы в людей!

«Вожди» же, бывшие людьми, –
не зная власть отдать кому бы, –
по жизни – превращенья в мумий –
ждут, нравам следуя родным?..

Стабильность не войдёт в ЗЕНИТ –
где оттепель пошла на убыль.
А впрочем...
«Что ему Гекуба?»
...Не о́тдал власть вождь СПАРТАКУ бы! –
похлеще СССР и Кубы, –
«застоем» новым знаменит...

На внуков не подняв очей, –
поймём тогда и – пожалеем, –
зачем, – тиранами взлелеян, –
остался мавзолей; зачем
не распрощались с мавзолеем...

1962 – 2011

Риэлтор, или: Воспоминание (Неэротический рассказ-быль)

Память...
Объектив – и: «телевик».
(Пусть... немало счастлив позабыть – и я!..).
...Дело было в славных «нулевых».
«Нулевых» – годах. (А не: событиях!).
Высветила память те из них
(в них! –
событья – опишу – та-а-ки-и-и-е! – вам!..),
в коих... стойкий... жар любви – возник, –
в антураже – мая. Рая. Киева!
Только в этом городе родном;
в Питере, Одессе да Париже я
(Вене и Москве!) – «вовне» ль; под крышею ль, –
как девчонки попадались рыжие, –
изредка испытывал подъём.
И одна тогда (миниатюрная!..), –
то ли: май (что многим – невдомёк);
то ль: весна пришла... архитектурная! –
забрела ко мне на огонёк.
...В Украине не было ни... вэлфера[1].
И концы с концами чтоб свести,
девушка работала риэлтором.
Хоть могла бы – в театре. – Травести.

[1] Вэлфер – название одной из форм социальной помощи в США в недавние годы.

Вечно – при блокноте и мобильнике, –
как: собкор Ваш, – чуткий на звонки!
(Вы – терпите! Сказываю быль, никак!), –
звонко наминала каблучки.
...В этот вечер, в полночь преходящую, –
плюнув на цейтнот, – мы, в поздний час,
время провели... по-настоящему.
(Собственно... уже... по многу раз!..).
Оптимистка, – дьявольски усталая, –
вправду разошлась – поотдохнув.
Задышала полно грудь невпалая –
при подходах – к ложу ли; окну ль...
И... пускай предстану... еретически
(сказано ведь: вправду – разошлась!), –
сцен немало было эротических.
...Только – не о них ведь мой рассказ!
Ибо в середине всей эротики, –
у окна ль, на старом канапе ль:
только разомкнулись сны и ротики, –
стала посетительница... петь.
Пела хорошо, и – с пониманием:
голо-систо; складно: на коне!
...Я вдруг вспомнил о хорах Германии.
Даже: клубах бардов, – наконец!
Но... не только! Три часа уж пробило!
Три – в ночи!! (Не просто: «три – как: здесь»!..)
И – хоть не Германия, а – Родина, –
мысль – пробила: «Що ж-такы мы робымо?![1] –
Ведь и здесь... соседи... тоже... – есть!..»
...На лице моём... взялась растительность, –
тут же начинавшая... седеть.
Что же делать – с милой посетительницей?
Как – поёт! Да... лучше б ей... не – петь...

[1] «Що ж такы мы робымо?!» (укр.) – «Что ж это мы делаем?»

То есть – петь!.. – коне́чно же, коне́чно же...
Удовольствие и польза – петь!
(Сам Илья Ильич вон даже – Мечников! –
утверждал...) Но... только... не... теперь!..
Дорога мне – гостья и – особенна.
Но... ловушка! – «Ничого робыть!..»[1]
Ведь – не время! – Каллас или – Собинова!..
Как-то это надо... перебить!..
И побрёл я в комнату соседнюю,
где стоял... обычный телефон.
И – вмешался в песню предрассветную –
петушком! – мобильника трезвон.
И – схватила – «хэнди» – ненаглядная, –
вся – вниманье: ню и ну! – порыв!..
И – волнуясь внутренне изрядно, – я –
голос – изменил! – заговорив.
...И сегодня – продолжаю каяться!
Цвет лица мой стал... белее стен.
– «Девушка, – спросил я, – Вы... такая-то?
И – квартирный знаете обмен?»
– «Да, – она ответила, – такая-то!..» –
голосом... грудным и... травести:
то – скандированно – так; а то... стаккато! – так...
Ей – серьёзной! – даже... не икается:
«Ваш обмен – могу я провести!»
...Вправе – не поверить! – нарисованным –
каждый! – обстоятельствам – вполне.
Но... огромна! – заинтересованность –
выжить! – конъюнктуры на волне.
– «Девушка, – язык вдруг развязался мой, –
а какой берёте Вы процент?..»
...И – вот тут! – невесть откуда! – взялся вдруг... –
да! – грузинский! – кажется, – акцент:

[1] «Ничого робыть!» (укр.) – «Нечего делать!» («Ничего не поделать»; «Ничего не поделаешь»).

«Дэ-вушка, – назвал её по имени
(голос – глух; невмоготу – терпеть:
сердце – бьётся! – огненно-полыменно!), –
правда лы, шта лубитэ ви пэт?»
...Голос встречный – сам – как будто песня был!
(Нотки удивления – не в счёт!):
«Правда! А – откуда вам известно?..», – мол...
«Тех, кто... это знал... – наперечёт...»
– «Дэ-вушка, – нэ надо вам па-моч лы, –
шта́бы – вмэстэ! – думат а́ дэ-лах,
пэсны – пэт (я тожь-е – па́лу-но́чнык!), –
в тры – па́ ночы! – и... – в чу́жь-их! – да́-ма́х?»
«Кто такой вы? Мой – откуда?.. – номер?..
Кто его вам дал?.. Вы... просто... хам!»
...Я – давлюсь от смеха! (Чуть не – помер!).
А... «мой» голос – отвечает! – сам:
«Эта са́вэршэнно нэсущэствэнно!
Фантомас лы; ка́мыссар лы Жюв...
На – па́сколку – дэвушка ви чэсная...
Сталин – ма́ё ымя.
Вам – скажю!»
...Дверь раскрылась с шумом!
Кулачками
выбит был не только телефон.
...Кто любил, – те знают, право, сами –
как сюжет дальнейший, так и... фон.
Кто – не знает... Пусть-таки – не станет, –
проклиная автора тайком, –
при своих камланьях: «Аве, Сталин!» –
получать по морде кулачком...

«Русскоязычные»

(Послание дружбы)

«...Чьим-то промыслом здесь собрались мы.
Приблудились из дальних краёв.
Борем архе- и др. эгоизмы,
совершенствуя Эго своё.

Ловим кайф с пенным пивом баварским,
арендуя в лесничестве дом.
С европейским – не русским! – коварством
повседневные счёты ведём.

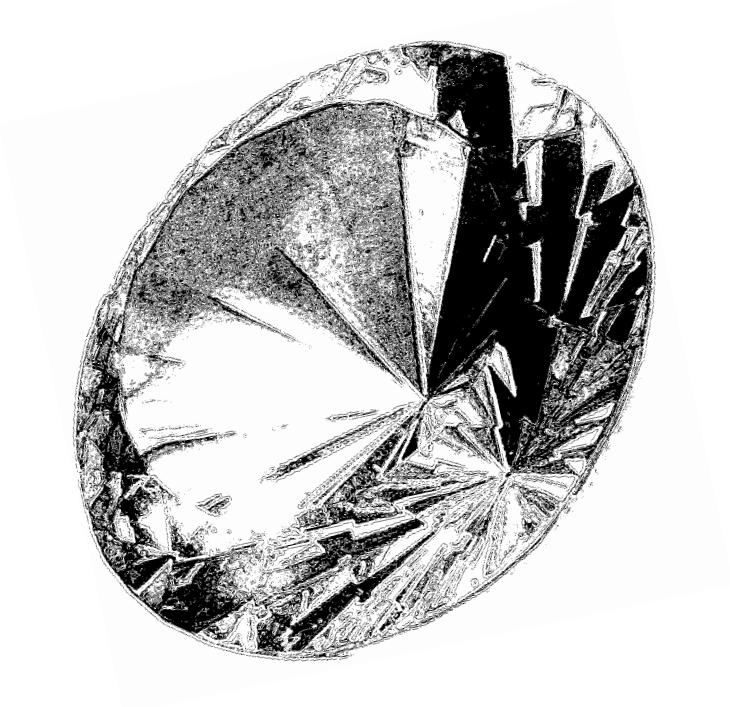
Путешествуя – в Рим ли, в Израиль
(сознавая: ни – в рай, ни – из рая!..), –
белый хлеб с упоеньем жуём.

...Ан не зря и на свете живём?», –

старый «Паркер» меж пальцев натруженных
зажимая при свете луны,
сочиняю послания дружбы
из Германии – горной страны.

Не аскет. Не агностик. Не сталкер.
Не особо страдаю в жару.
Но – бывая: то в кайфе, то в Хайфе, –
всё не выше Голгофы живу.
И Реки обнажённую отмель –
отмель Времени, – чуя межу, –
протрезвевший булгаковский ротмистр, –
ложным прелестям впредь – не служу!

Лёд и пламень



Василий БЕТАКИ
Париж

С НЕВОДОМ ПО БЕРЕГУ ЛЕТЫ

(Продолжение. Начало в 11 выпуске)

7. Между молотом и наковальней. Александр НЕЙМИРОК[1]

Когда множество индивидуальных судеб идёт в силу обстоятельств общей дорогой – это уже отрезок истории. И он обычно находит своего поэта.

И вот, чтобы показать изнутри Германию времени Второй мировой войны глазами русского человека, и не пленного, а живущего среди немцев, есть у нас только один поэт – Александр Неймирок.

Родившийся в 1911 году в Киеве, он в десятилетнем возрасте был вывезен через Крым родителями в Белград, где вырос и окончил университет. Там же работал лесным инженером. Был членом НТС (Народно-трудовой союз российских солидаристов) со дня его основания в 1930 году.

Во время войны поэт проживал в Берлине, служа по лесному ведомству, и занимался подпольной работой – организовывал снабжение нелегальной печатной продукцией НТС русских военнопленных и «восточных рабочих», т.е. угнанных на работы в Германию людей.

В 1943 году он был арестован как член запрещённой в то время в Германии русской организации и до конца войны сидел в гитлеровских лагерях. Из лагеря Дахау его освободили американские войска. Потом Неймирок работал в Международном бюро розысков лиц пропавших без вести в дни войны

[1] Уточнённые биографические данные предоставлены главным редактором германского журнала «Литературный Европеец» Владимиром Батшевым. (См. его «Биографическую справку»).

(всё это оно описывает в своей книге воспоминаний «Дороги и встречи»).

А. Неймирок – один из организаторов литературного ежеквартального журнала «Грани» и член его редколлегии с 25 номера и по 61. Затем до самой смерти (в октябре 1973 года) он работал одним из редакторов на радио «Свобода» в Мюнхене. Был очень образованным человеком, знал языки: сербский, хорватский, французский, немецкий, английский, итальянский, польский, украинский.

Мне довелось познакомиться с Неймирком в Мюнхене в 1973 году, спустя неделю после моего приезда в Париж и всего за три дня до его внезапной смерти от инфаркта.[1]

Александр Николаевич был невероятно живой собеседник, с превосходной памятью. И то, что он не сумел написать вторую часть своих мемуаров, – значительная, как я думаю, потеря для нас. Большая часть стихов Неймирка написана в дни войны.

То было в годы, о которых суд
Едва ли даже правнукам под силу,
Казалось, что народам вскрыли жилы.
И хлынула...
Но яблони цветут,
Гудят шмели...

Две концлагерных державы столкнулись, и в этом аду люди, оказавшиеся между молотом и наковальней, искали тропки, чтобы выжить в этом мире сражений, тюрем и скитаний. Русский в Германии, человек, глаза которого не были замазаны ни сталинской, ни гитлеровской пропагандой, чувствовал себя утлым челноком между двумя океанскими волнами...

«Жизнь, всё-таки немыслимо цепкая штука!» – заметил Неймирок в одной из своих статей.

[1] Тогда я уже давно (еще живя в СССР) был «подпольным членом редколлегии» того же журнала «Грани», и после смерти Неймирка главный редактор журнала Н. Б. Тарасова назначила меня заведовать поэзией, так что я как бы унаследовал его обязанности.

Вот так, вот так – вокзальный острый дым,
Вот так, вот так сумятица вагонов,
Всегда, всегда в мельканье перегонов,
По всем, по всем пристанищам земным...

Эти колёсные ритмы, эти повторы в начале строк, эту безнадёжную музыку судьбы слышали и эмигранты 20-х годов, и беглецы из фашистских лагерей годов 40-х, колесившие по вздыбленной Европе... Как сказано по иному поводу в Евангелии, «у лисы есть нора, и гнездо у птицы, только сыну человеческому негде голову преклонить...»

Ища «путей между сдвигающимися стенами» люди выдыхались, и только дружба малой горстки подпольщиков удерживала их в этой жизни. В маленькой поэме «Октавы» А. Неймирок пишет:

...Где масляное солнце там и тут
К земле ласкается с тягучей лестью,
Гуляя по берлинскому предместью...
……
И всюду домики из рафинада,
(Когда, куда ударит с неба смерть?)
Жасминами усеянная жердь
Ломает геометрию ограды.
А радио – фанфары, водоверть...
И тут же – марширующее стадо,
Окурки подбирающий старик,
И – Raeder muessen rollen fuer den Sieg.

Мне ль вас забыть, весёлые друзья,
Вас, спутники во вражеской столице?
Я помню вас, я вижу ваши лица,
Я слышу речи... Впрочем. Что же я?
Всё не о том. Вон тусклой вереницей
бредут... О хлебе тихо говорят...
Их тоже помню. В валенках, босые...
По улицам Берлина шла Россия.

Это был ещё не тот лик России, который Берлин увидел два года спустя... Но этот лик её для поэта особый: сострадание всегда порождает поэзию куда более истинную, чем фанфарные фразы. Но тут в поэзию врывается жестокая действительность: ведь поэт, говоря словами Маяковского, «и в жизни был мастак»: он, естественно находясь в глубоком подполье, был одним из важнейших звеньев той цепочки людей (русских и немцев вместе!), которые с головокружительной изобретательностью помогали советским военнопленным бежать, легализоваться и даже устраиваться на работу под видом «угнанных» в Германии 42-43 годов!!!...

А вот как выглядит в стихах Неймирка Берлин, окружавший его и его друзей:

Держа равненье непоколебимо,
Как серый строй вильгельмовских солдат,
На сумрачные улицы Берлина
Громады тусклолицые глядят.

И гением курфюрстов бранденбургских
Второе двухсотлетие дыша,
Томится в них, как в вицмундирах узких,
Суровая германская душа.

Кирпично-красных протестантских кирок
Пронзают колокольни облака,
По ним с земли дряхлеющего мира
Струятся ввысь тревога и тоска.

О, вдохновенье пасмурных элегий,
Свинцовый Шпрее сосен и болот!
Как будто по сей день профессор Гегель
Здесь по утрам на лекции идёт,

И учит дух искать всеевропейский,
И видеть в том судьбы предвечный суд,
Что полицейский здесь – не полицейский,
А философски зримый абсолют...

Я (повторяю) больше не знал ни одного русского поэта – свидетеля тех времён на той стороне, который передал бы нам мысли, картины, образы, возникавшие в душе русского поэта в Германии, как это сделал А. Неймирок.[1] И в данном случае дело даже не в качестве поэтики, а в ценности свидетельства.

Позднее, уже в послевоенное время, поэт написал одно из лучших своих стихотворений, с точностью, с сожалением, но и с иронией показывающее внутренний мир «Ди-Пи» – «перемещённого лица», как официально называли тогда тех неприкаянных, бывших пленных, которые и вернуться в СССР не могли под страхом 10 или 25 лет лагерей как минимум, и на Западе прижиться тоже не могли, чаще всего просто в силу слабости характера или полной неспособности выучить какой-либо язык... Приведу это стихотворение полностью:

Ди-Пи

Давным-давно он заколочен.
Давным-давно в нём нет души,
Теперь – попроще, покороче:
Бараки. Визы. Барыши.

Был кол, а на колу мочало
Сиди, смотри из года в год,
Куда, в какую Гватемалу
Идёт бесплатный пароход...

А был он полон... Был он светел...
Да что в том толку! Вон из глаз...
Чужой язык. Слова на ветер.
Изо дня в день. Из часа в час.

[1] Впрочем, был ещё один – советский военный разведчик с родным немецким языком, «капитан вермахта» («Штирлиц задолго до Штирлица»), а впоследствии – ленинградский поэт Игорь Ринк.

А вот ещё один портрет современника, этот – постарше на поколение. Этот из первой, белой эмиграции. Этот – человек, потерявший себя, ибо погряз в довольно жалком быту.

Так жить, так жить, обманывая годы,
По вечерам прихлёбывая чай,
Под тяжестью изношенной свободы
Друзей поругивая невзначай...

……

Скорбеть о прахе дедовских усадеб,
Гвардейских шпор воображая звон,
Вести учёт чужих рождений, свадеб,
Дней ангела, крестин и похорон.

……

Так жить, так жить, затерянным в лукошке,
Где призраком быть жизнью суждено,
И смерть придёт. Тоскливой драной кошкой
Мяукнет и царапнется в окно...

Этот персонаж, кроме химерической памяти да ещё всё того же мещанства, принесённого им на Запад так бережно, тоже ничего не видит. Он не из тех, кто отступал с оружием в руках.. Он – устроенное Никто, так же, как предыдущий – неустроенное Никто... Один живёт в мире мелкой корысти, другой в мире химер.

Но оба они чужды поэту, не представляющему себе, как можно просто жить в такое время и не принадлежать СОПРОТИВЛЕНИЮ...

Да, конечно, как говорил ещё кто-то из древних греков, несчастен тот народ, который нуждается в героях. Но бывают всё же периоды, когда без героев никак не обойтись.

Вот концовка его последнего стихотворения «Памяти Пётефи», обращённого к героям Венгерской революции 1956 года:

... И трепещет и нарастает
Белы Бартока клёкот и гул,

Безумное небо рдяным пожаром
Над Будапештом взметённым горит,
Руку простёрши буйным мадьярам,
Шандор Петефи говорит.

(1972 г.)

Может, стихи эти слабее более ранних, но они свидетельствуют о том, что поэт до последних дней жизни был вечным бойцом...

А ещё в шестидесятых годах Александр Неймирок писал (стихотворение написано около знаменитой скалы Лореляй на Рейне):

...Ведь смотря на утёсы живые,
Что сказаньями напоены,
Друг, мы только о ней, о России –
До отчаянья...

8. «Безумные всадники гибнут в седле». Илья РУБИН

Имя поэта Ильи Рубина известно сравнительно немногим читателям. Рубин не напечатал в СССР ни строчки. Он поэт и не питерский, и не московский (хотя и жил в обоих этих городах), потому что первая публикация Рубина состоялась в журнале «Время и мы». Тогда этот журнал издавался в Израиле. Затем – уже посмертно – вышла там же книга его стихов и прозы. Стихи, однако, почти все написаны еще до эмиграции, в самом конце шестидесятых – начале семидесятых годов.

Я так хочу, чтоб научились Вы
Насвистывать, пока я повторяю:
Уж нет бунтовщиков на площадях Москвы,
А я и в смерти Вас не потеряю.

Неуловимый привкус XIX века, интонации старинного романса, словно вполголоса спетого. Не называя, не формулируя, Рубин передает со всей возможной точностью чувства человека, расстающегося с родным миром и уходящего в пространство, в неизведанность широкого мира...

Исчезла горечь памяти моей,
Людских сердец непрочные союзы…
Они печальны, как судьба медузы
На лоне этих штормовых морей.

Там, где моё поколение стихом «бури и натиска» (точнее ведь это будет, чем слякотное слово «оттепель»!) хохотало или ревело, он – поэт поколения «тайной свободы» (или т.н. «тихих лириков»?) зыбко, едва заметно переходит от улыбки к горечи.

Сдержано, полушепотом – о Москве:

И станут мной бедны ее соборы,
И станут мной печальны острова…

Сам поворот мысли характерен для его поколения: неожиданная и старая как мир мысль о том, что все, созданное человеком, нуждается в нем. (Старая английская поговорка: «Красота – в глазах смотрящего»). Рубин всегда верен поэзии «вполголоса» даже тогда, когда его стихи строятся на явном гротеске:

Об этой нежности не стоит горевать,
Войду в приемную, где секретарши грубы,
Отдам чиновнику свое лицо и губы,
Не смея зеркало по имени назвать.

Это – из стихотворения «Хозяин». Название тем более важно, что самого «хозяина» – нет в стихах. Нет его вообще. Это – вездесущая, но не имеющая очертаний сила, злая, но безликая. Точнее – безличная.

А мне о нем и думать не годится –
Я – только гиря на его весах…

Жуткое и точное обобщение – ведь если каждый чиновник имеет всё же какие-то черты, то Хозяин лишен их, он – сама система жизни. Обезличенная совокупность каких-то действий, которая везде и нигде. Но при всей призрачности своей – она-то и есть Хозяин. Это – та самая «познанная необходимость», которую Энгельс (мрачная шутка!) назвал «свобода».

Порой гротеск Рубина принимает более персонализированные формы. Вот – сухумский обезьяний заповедник:

В тени сикомор и бананов
Жестокий Господь сотворил
Печальный разврат павианов
И страсть кривоногих горилл.

Какой же – гротеск? Простое описание... Но не будем спешить.

Когда после этих строк возникает «женщина в белой панамке», то естественная читательская инерция ждет от автора продолжения: словно бы обезьяний дух должен окрасить стихи до конца, ждем осуществлении гротеска, и еще начало последней строфы совсем недалеко от того, чтобы вот-вот сравнить и себя с орангутангом…

Мы с нею купались и ели,
И вечером были в кино…

Картина в людском плане – явно пошлее, чем про обезьян. И вдруг, снегом на голову, две последние строки:

И ангелы божьи летели
Как бабочки в наше окно.

Так вот он – гротеск, но гротеск навыворот! Уродство предопределено, и вдруг оно преодолевается – и словно роза вырастает на мусорной куче... Гротескность в том, что среди всеобщего обезьянства, где уж лирики никак не ждешь, в курортной банальности вдруг вспыхивает искра лирического, освященного...

Но если это так – зачем название стихотворения «Горечь памяти»? А оттого, что автор не «на ловлю счастья и чинов» уехал, а оттого, что ему было немыслимо себя чувствовать каждый день причастным к тому, что творят государственные павианы от его имени – ведь он – тоже... «Если не можешь противодействовать, так хотя бы не участвуй...»

А родина ни в чем не виновата,
Средь кукольных полей просторно танкам,
Идут вперед рязанские ребята,
Разваливая ляжки китаянкам...

Найдется немало «патриотов», которые и теперь скажут, мол, «злопыхательские строки». Но поэт, к сожалению, ошибся только в географии. А как – не говорю уж о Германии[1] – как вели себя освободители в Польше? Спасители – в Венгрии? Не дожил поэт до позора Афганистана...

Как писал некогда Михаил Светлов: «...Советские трубы затрубят: «На Запад!» / Советские пули дождутся полета, / товарищ начальник, откройте ворота!».

«Нет!!!» – это Рубин против Светлова – не навести свои порядки где-то хоть в Гренаде, а хоть бы не участвовать в преступлении, если нельзя помешать ему.

Там, как на Марсе, – горы да каналы,
Но пушки наши – словно телескопы,
Но жалости не знают генералы,
Но высоты не ведают окопы,

[1] См. книгу Льва Копелева «Хранить вечно».

Как в Праге страшно. Вновь прощенья нету,
В который раз остановиться поздно.
Лежит под нами мертвая планета,
И трупы женщин холодны, как звезды.

Я не случайно сравнил эти стихи Рубина с «Гренадой» Светлова – это стихи-антиподы. Там – никаких сомнений у автора, что он может свои советские порядки штыком наводить в чужой земле. А у Рубина – ужас перед возможностью соучастия в преступлении, именуемом «братской помощью».

Что назвать гуманизмом – каждый решал тогда сам для себя.

Когда Илья Рубин умер, ему было 35 лет. Блоковские «И страсть, и ненависть к отчизне» в его стихах достигают высшего накала, хотя он и говорит вполголоса. Дух Апокалипсиса роднит поэта с блоковской лирикой. Образ Содома – живой, сегодняшний образ – мира, гибнущего за его грехи.

Безумные всадники гибнут в седле,
Останется полдень, чтоб землю сушить,
Останутся женщины – саваны шить
Останутся выть белоглазые псы,
В холодные звезды уткнувши носы.

Обречённость неправедного мира порождает некое парадоксальное общество одиночек. Это люди, предназначенные сохранить духовное достояние человечества (как у Брэдбери в романе «451 градус по Фаренгейту»), сохранять культуру в горящем и рушащемся мире, – так шаман гибнущего пещерного племени должен был хранить огонь, унести его в другие места, но не утратить. Отсюда у Рубина во многих стихах символический мотив бегства:

Я так бежал, что спотыкались губы,
Припоминая ремесло коня,
Свистали флейты, надрывались трубы,
Я так бежал, что не было меня!

Экспрессионистическая образность, доводящая всякий раз до полного самоотрицания образа, создает вихреобразное движение стиха, словно бы вопреки традиционному ритму строк, спокойному пятистопному ямбу – одному из самых неторопливых русских размеров: ведь им написано, к примеру, такое медлительное медитирующее стихотворение, как «Вновь я посетил...» И этот медлительный ритм взрывается в смертельном столкновении традиционной мелодики с вопящей живописью сюрреализма!

...Я так бежал, что поднимались трупы,
Припоминая ремесло живых,

Не дай мне, Боже, умереть во прахе,
Мой одинокий бег благослови.
Я так бежал, что спотыкались плахи,
Припоминая ремесло любви.

Этот бегущий из Содома и оглядывающийся на Содом, и становящийся соляным столбом человек, вечный странник, над которым один Бог властен, этот хранитель огня видит... Он зрячий. Он знает, что таят улыбчатые маски. Он знает, что

Всегда найдется тень свободы,
как филин в лысом парике –

которая себя и объявит истинной свободой.

Кто они – эти хранители огня? Есть ли у них признаки, по которым их можно было бы отнести к тому или иному классу или народу, или хотя бы профессии? Никогда.

Но эта тяжкая обязанность делает человека причастным ко всему добру и злу мира.

И если жертва – это я,
То почему палач спокоен,
И почему его рукою
Начертана строка моя?

А потому, что сказано: «Вы – соль земли, а если соль потеряет силу, как снова сделать ее соленой?» Любое безумие бесовства может происходить тоже по вине «хранителей огня» – такова основная мысль поэмы Рубина «Революция»

Разбуженная бессмысленная стихия первыми уничтожает тех, кто ее пробудит, кто захотел «быть как боги». И неважно, рушат они вековые культуры или строят вавилонскую башню. Это – одно и то же.

Массовое безумие, однако, всегда преобразуется в массовый «порядок», в котором нет места личностям, а есть только строй роботов. Сегодня ты говоришь:

Выхожу на улицу и стреляю по освещенным окнам.
Приказываю:
Сегодня ликвидировать всех поэтов,
Завтра – художников, скульпторов, музыкантов,
Назначаю себя верховным комиссаром всея Руси.

А потом вот что происходит:

Они как жезла требуют ружья,
Уже расстрелян и низложен я,
Уже калеки тянут кулаки,
Чтоб исправлять мои черновики!

Так оно и происходит – самоубийство культуры. Самогашение огня. Оно неминуемо с тех пор, как стали мы забывать, о чем говорит нам искушение в пустыне.

«Нас тот же ветер отпевал», – говорит поэт. И стих его становится снова ритмичным, экспрессивным, стремительным:

Очередями воздух порван,
И поезда издалека
Вонзают станции, как шпоры
В мои кровавые бока,
Уже мешочники пируют,
Искусство брошено за борт,

И полоумные хирурги
России делают аборт,
Уже людей боятся люди,
Деревья просят топора,
Уже деревня голой грудью
Бросается под трактора…

Невероятная сжатость этих образов дает картину глобальную и точную. Сама композиция поэмы – по принципам сонаты, но не мелодические средства, а вся последовательность картин подчинена этому строю.

У поэтов бывает предчувствие своей судьбы. В книге Ильи Рубина есть цикл под названием «Дуэль». Стихи о Пушкине, о Маяковском, о Пастернаке и… о Гамлете. Всё это дуэли. Дуэль с веком, дуэль с Каином вне себя или с Каином в себе…

9. «До шуток ли нам, Царское Село?» Зоя АФАНАСЬЕВА

А вот случай, из всех мной описанных, самый «крайний». Поэт мало кому известный, кроме своих ровесников, Зоя Афанасьева. Я имею в виду под её «ровесниками» В. Кривулина, В. Ширали, Е. Игнатову и других, относящих себя к так называвшемуся в шестидесятых поколению «Тайной свободы». В отличие от всех упомянутых и многих других, стихи которых изредка всё же «проникали в печать», Зоя Афанасьева за пределы газетки города Пушкина ни разу не вышла.

Только в семидесятых годах её стихи стали появляться в «Континенте», «Гранях» и «Стрельце», то есть почти во всех литературных журналах эмиграции. И ни одной публикации в СССР.

Традиционный царскосельский дух, лирическая стихия золотого века сливаются в её стихах с отблесками акмеизма. Но прежде всего чувствуется духота недвижных семидесятых:

Тлетворен воздух Царского Села,
Тяжеловесна стала Каллипига,
Несет меня та самая квадрига,
Что Чаадаева с ума свела
Под грохот маршей Царского Села.

Как скользко и тоскливо собирать
Цветы на камероновом паркете,
В лощёном, лицемерном менуэте
Не стоит о подножке забывать,
И светские улыбки собирать...

Забыто Богом Царское Село,
Преступен лик распутного мессии,
Над троном императорской России
Потешно петушиное крыло.
До шуток ли нам, Царское Село? [1]

Сама память этих мест, города, в котором жива та блистательная эпоха русской культуры, становится горькой. Лиризм этой горечи – главная пружина, развивающая, разжимающая с виду камерные и такие спокойные строфы Афанасьевой. Родство с тем, что и поныне кружится в воздухе, ставшем тлетворным, не декларируется, оно грустно осознается. А вместо титанов прошедших времен – измельчание, которому противостоит пресловутая мандельштамовская «тоска по мировой культуре».

А вот петушиное крыло над троном – это вам не двуглавый орел, это Россия XX века с крыльями, на которых далеко не улетишь. Империя шутовская... Хлестаковское оно, это петушиное крыло вместо орлиных крыльев. Империя Хлестаковых тем и страшна, что более удушающая на деле, чем чугунная с орлом, николаевская...

[1] Все стихи, которые цитируются тут, приводятся по текстам, опубликованным в русских эмигрантских журналах «Континент», «Грани» и «Стрелец».

Петербург классический, тяжкий, в стихах Афанасьевой оборачивается почти смешной своей стороной, ее ирония – лермонтовская «насмешка горькая обманутого сына над промотавшимся отцом». Над своим поколением и над веком.

Бога Феба печальные спицы,
Паутина над заревом лет,
Золотой европейской столицы
С горьким привкусом диалект,
Диалектики вольные воды –
Смертоносной цикуты вино…
В тонкой капсуле семя свободы
От рожденья мне было дано…

Это семя свободы – как липовый пух носится в воздухе города, над его парками, над вольнодумством его аллей... Оно неуничтожимо:

Этой нити теперь не порваться,
И дрожит на конце узелок.
В жгучем сумраке трех реформаций
В изголовье горит Козерог.

Два века культуры России, сконцентрированные в этих аллеях, видятся под угрозой опошления. Отсюда и следующие стихи, в которых лиризм и ирония – защитный механизм – отталкивают друг друга, но и повязаны: вот двустишия, где строка лирическая всякий раз далёкой, даже едва заметной, рифмой скована со строкой иронической: так же символ русской культуры – Царское Село сковано с «ленинградским» опошлением ее:

Здравствуй, мой предок, маэстро Джакомо Кваренги!
Лысый уродец в лисьих мехах нараспашку,

Русский Версаль, голубая мечта экскурсантов
Ворс на коврах и роса на цветочных партерах,

Тени гусаров и марши военных курсантов
Стойка буфетная – белое море портвейна…

Вторая тема, проходящая через все стихи Зои Афанасьевой – внутренняя свобода, та, которую ни отнять, ни купить. Она – ценнее свободы видимой, физической:

Мне говорят «свобода».
А что мне делать с ней?
Толочь ли в ступе воду
Среди трудов и дней?

Упоминание тут невозмутимого и уравновешенного Гесиода с его незыблемыми правилами жизни, изложенными в поэме «Труды и дни» – это отталкивание от размеренного существования и ощущение своей кровной связи с теми, кого поэт называет «вечными странниками», а то и «пиратами» – многие стихи Афанасьевой обращены, в частности, к друзьям-эмигрантам.

Я не кричу «останьтесь!»
И савана не шью,
С моих небесных станций
Вам позывные шлю.

Раскол между телом и духом, почвой и странничеством, близкий к волошинским мотивам, выразился особенно ярко в цикле «Стихи к В.Б» («Стрелец» №3 за 1985 год).

Не мне глядеть в глаза семи морей,
Гляжусь в одно-единственное море,
Как в зеркало слепой судьбы своей –
Не говори, любимый, о Босфоре…

Полускрытые цитаты играют тут важную роль: они связывают строки Афанасьевой с теми, которые органично и незримо вливаются в ее стихи, напоминая о стихах других поэтов:

Подводным рифом ранена ступня,
Бродяжий посох вдруг не расцветает,
Тень судного спасительного дня
Над кельей чернокнижника витает.

Искусственность границ, нелепое разделение мира приобретает трагическое звучание. Образы города, порой пружина стиха. А порой только фон. Они становятся условными. Современный мир приобретает черты начала пушкинского века, как в романах Окуджавы – век на век наложился так, что порой и не поймёшь, где ты. Вернее – к о г д а ты.

И вместе с тем – точное ощущение семидесятых, когда все мы (да и «они»!) чувствовали себя не в своей одежде.

Я выпала сегодня из гнезда
Нелепого пристанища Петрова.
Воскресная опавшая звезда
В руке горит рождественской обновой...

Когда теряешь – пусть и случайно, и ненадолго – драгоценный дар двойного зрения, стихи звучат и глуше и горше:

Прошлое нас не мучает,
Времени мрачен спектр,
В небытие дремучее
Движется твой проспект...

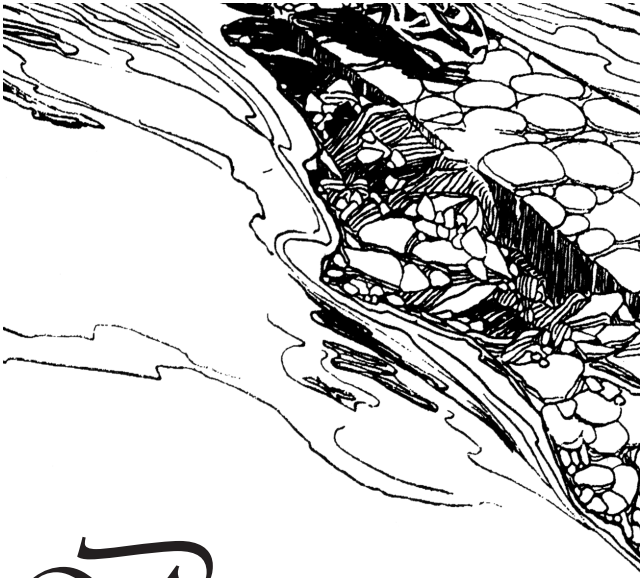
Многие из этих стихов по жанру послания. Послания к тем, с кем автору уже не встретиться н и к о г д а, как казалось многим ещё в начале восьмидесятых годов, никогда... Отсюда безнадёжность многих «эпистолярных» стихов Зои Афанасьевой.

Конечно, мы знаем, что рукописи не горят. Но всё же...

Сам факт существования таких стихов-посланий, пересекавших границы в обоих направлениях, говорит о том, что главная цель гигантской машины, управлявшей железной

шторой, границами на замке и прочими прелестями, назначение коих было – отрезать подневольную литературу от ее свободной части, – эта цель не была все-таки достигнута никогда. Русскую литературу никак и никому не удалось разрезать на «там» и «тут».

(Окончание следует)

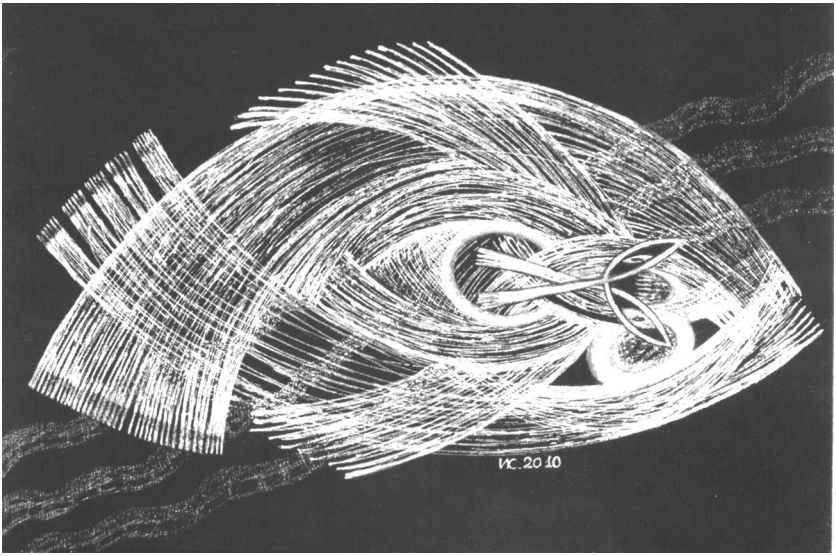


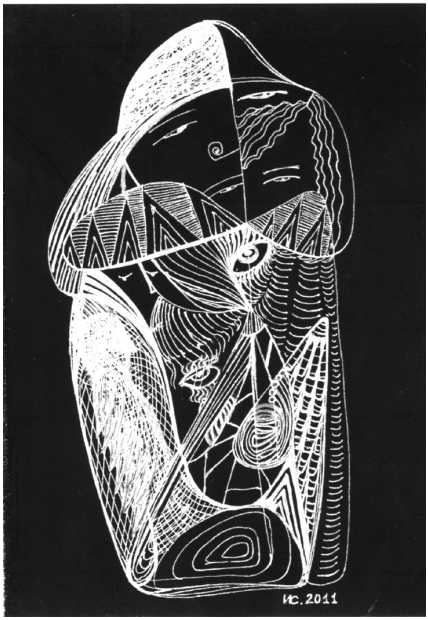
Волна и камень

Вернисаж

Ирина Слободяник
Днепродзержинск

Ирина Слободяник родилась в 1959 году на острове Сахалин в семье офицера. Журналистка и поэт, для которой творчество не ограничивается работой со словом. Её стихи так же графичны, как и рисунки, что объясняет особенности таланта Ирины. Первая большая серия графических работ, выполненных цветными гелиевыми ручками, появилась накануне III тысячелетия и названа, соответственно, «Миллениум». Но наиболее автор приблизилась к раскрытию внутреннего мира, когда использовала «изнанку» черно-белой гаммы. Тогда-то она и пришла к выводу, что ослепительная, сияющая на черном фоне белая линия – совершенна для графики. Таким образом создана серия работ «Из подсознания» (2010-2011 г.г.).



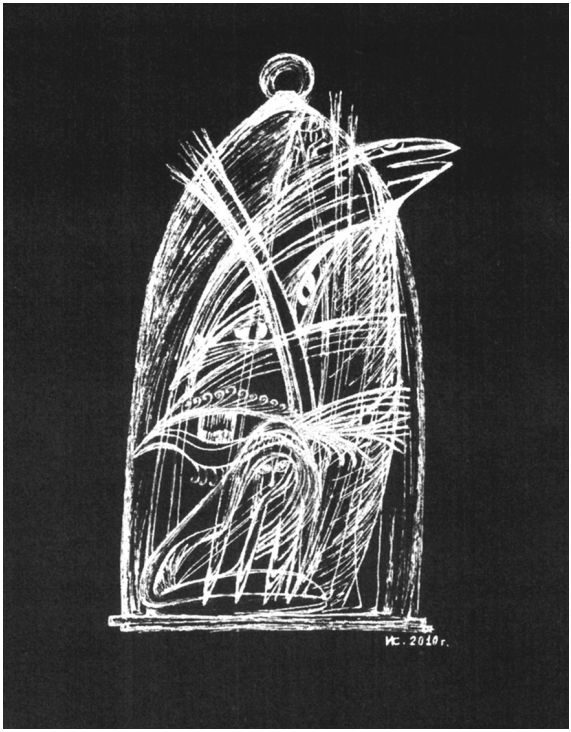


Рембо и Верлен

Сомбреро

← *Рыба*

Улитки (посвящение С.Панасенко)



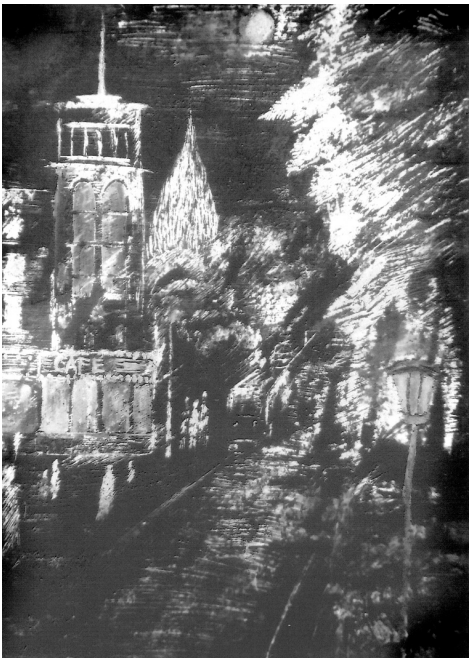
Клетка

Мария Слободяник

Днепродзержинск

Любовь к творчеству передала своей дочери Марии её мама – Ирина. Маша учится в 10 классе общеобразовательной школы и в выпускном классе художественной школы. В свободное от учебы время много читает, что определило ее особый путь в искусство: в арсенале юной художницы и интерпретация одной из самых любимых книг «Синяя птица» М. Метерлинка, и красочное оформление произведений Н.Гоголя, М.Старицкого, О.Гончара, русских и украинских поэтов. Мария рисует с четырех лет. В раннем возрасте она начала участвовать в областных и международных конкурсах юных художников. Имеет более 50 грамот и дипломов. Автор нескольких персональных выставок. Осенью 2011 года в театре-студии «Десятый квартал» состоялось открытие совместной выставки «Дуэт» Ирины и Марии Слободяник.

Женщина с цветком (Ожидание)



Ночной Днепродзержинск

Фонарь

Правая часть триптиха «Плин часу»

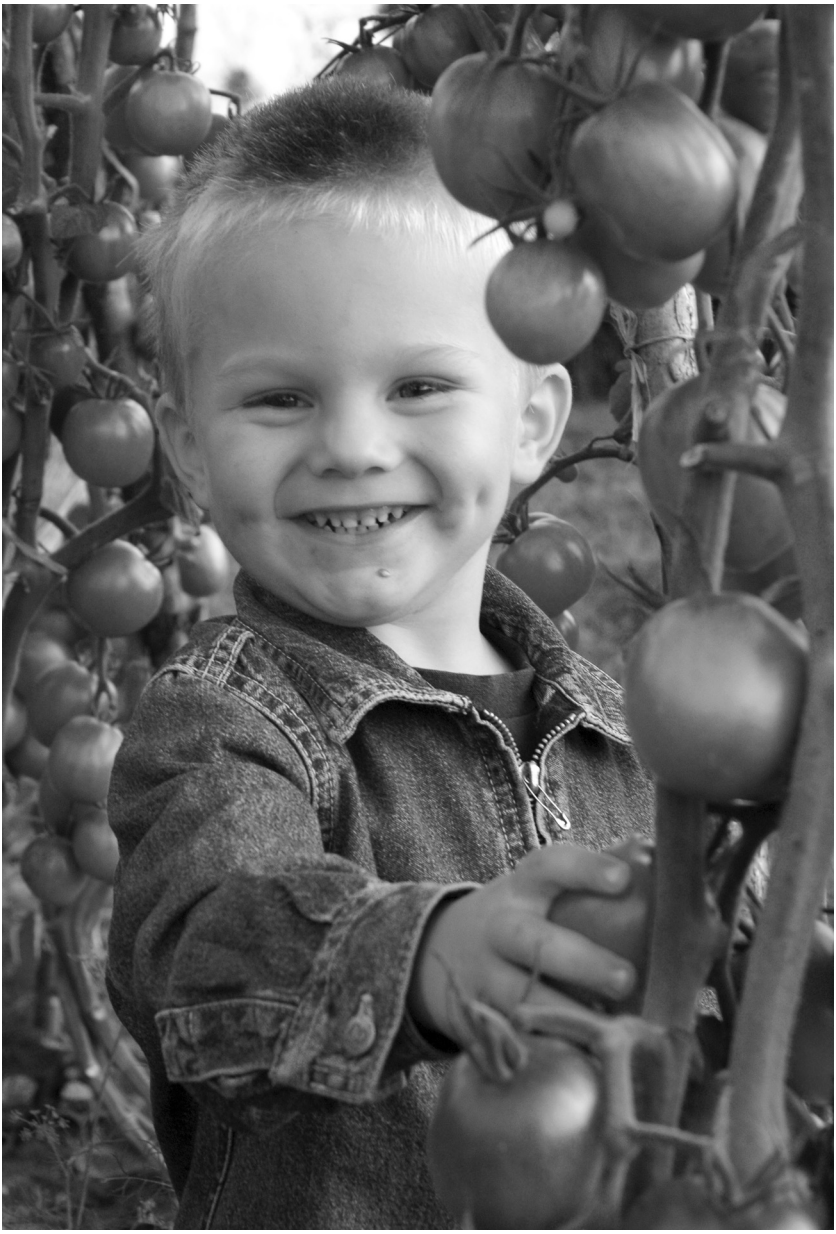
Из цикла «Отражения»

Валерий Гольшейдер
Вупперталь

Член Союза фотохудожников Украины, Отличник народного образования, лауреат Всеукраинских и Международных фотоконкурсов и кинофестивалей Валерий Гольшейдер в городе Новоград-Волынский руководил народным фотоклубом и детской фотостудии «Блик». За десять лет жизни в Германии организовал несколько ярких фотовыставок.

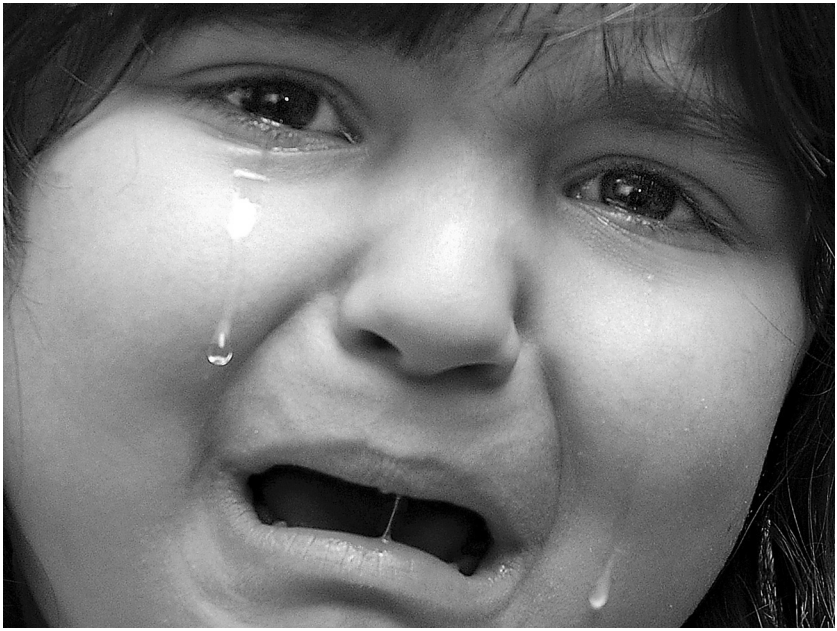
Игре все возрасты покорны

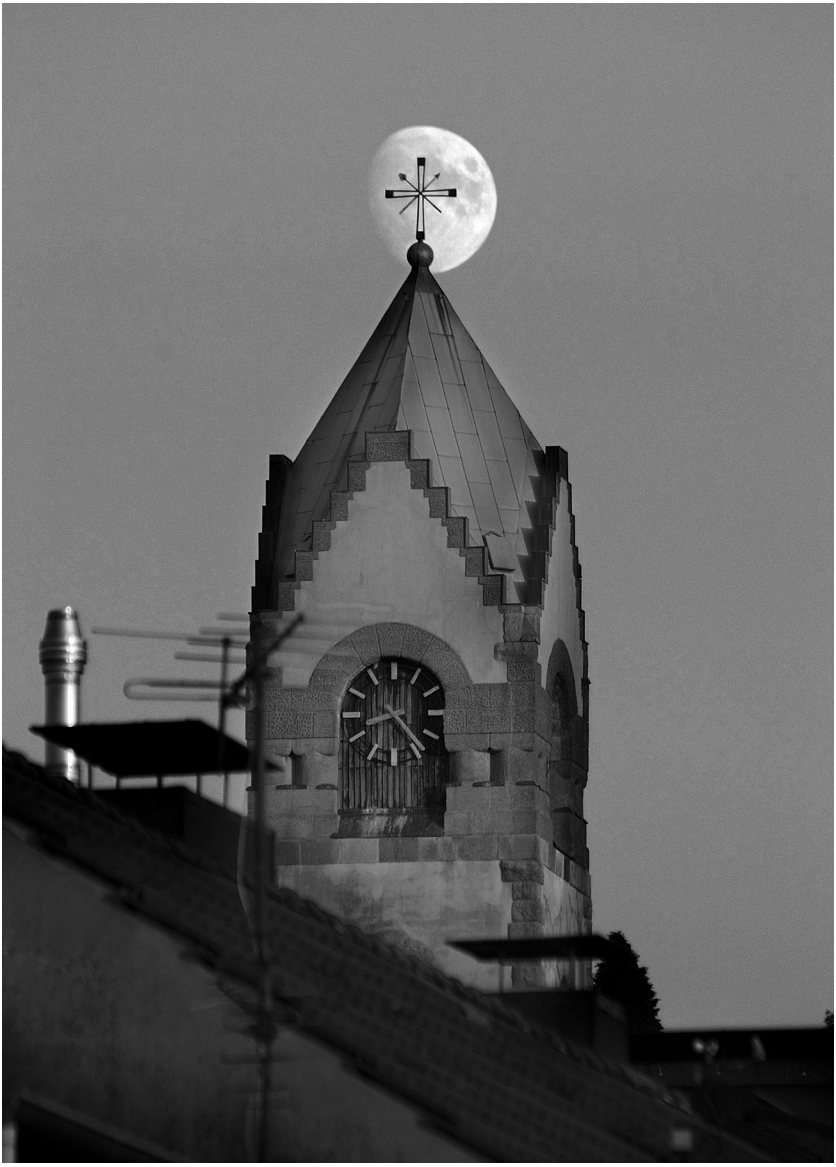
Поминальная молитва



Рыцарь Томатного ордена

«Если бы видели, как ее обидели…»





Прикосновение

Колючий закат

А пива не завезли!

В ожидании Дон Кихота

И все ее печали под темною водой…

Хогвартс: первый курс

Они сошлись

Валерий Воскобойников
Бохум

ДЕВОЧКА, МАЛЬЧИК, СОБАКА

(Окончание. Начало в 11 выпуске)

Записка

На следующее утро Саша вышла из дома минут на десять раньше, чем обычно. Ей было не по дороге, но она пошла мимо дома, где жил сеттер. И вдруг увидела их обоих – и сеттера, и Антона.

Они медленно шли вдоль улицы, а потом Антон присел на высокое каменное крыльцо и положил ладони на виски. Он посидел так довольно долго, наконец, встал и медленно пошел дальше. Но на следующем крыльце он снова присел.

«Заболел!» – поняла Саша.

Теперь ей стало ясно, почему сеттер вчера был голодным и просился на улицу.

Как глупо, что девочки и мальчики живут сами по себе. И девочка не может просто подойти к мальчику, чтобы сказать самые обыкновенные слова и сделать обыкновенное доброе дело.

Саша могла бы, наверно, догнать сейчас Антона и сказать, чтобы он спокойно шел домой. Сказать, что она сама может гулять с сеттером все дни, пока Антон выздоравливает. И потом – в следующие дни – тоже готова была гулять с удовольствием. Но вдруг в ответ на эти слова Антон посмотрит на нее презрительно и скажет что-нибудь обидное. Она бы наверняка умерла после такого позора.

И в результате больной человек едва брел по улице, превозмогая себя из последних сил и присаживаясь на каждом крыльце, а она – вполне здоровая девочка – отвернулась от него и заторопилась в школу.

Но уже на первом уроке она придумала записку для Антона. И не только придумала, а даже написала ее. Причем писала дважды, потому что сначала написала так:

«Уважаемый Антон!»

Но такое обращение показалось ей нелепым, и она переписала все на новый листок.

«Мальчик!

Болей, пожалуйста, спокойно и не выходи из дома. За твоей собакой мы будем ухаживать.

Твои друзья».

Потом Саша приписала вопрос: *«Скажи, пожалуйста, как ее зовут? (Твою собаку.)»*

Эту записку она отнесла сразу после школы, не заходя домой, и приколола ее кнопкой к стене над местом, где стояла миска сеттера.

Ответы

Днем голова у Антона болела так же, как и утром. И температура была вчерашняя – тридцать девять и две. Мама оставила лекарства, еду и уже давно была на работе. Так уж получается, что врач больше ухаживает за чужими больными, а на своих родных детей времени у него остается мало.

После утренней прогулки с Булем Антону стало совсем плохо. Но и сейчас, днем, надо было обязательно Буля навестить.

Антон встал с постели, и его качнуло. Но он все-таки оделся, достал из холодильника еду, которую оставила для него мама – гречневую кашу и сосиски. Суп он решил съесть сам, а кашу с сосисками переложил в полиэтиленовый пакет. Затем налил, как обычно, воду в бутылку и пошел на улицу.

Идти по улице было ему тяжело. От каждого грохота и даже от каждого собственного шага в голову ударяла боль, и он старался нести свою голову осторожно.

Теперь он думал, что зря никому в классе не сказал о сеттере. И главное, Коле Кудлаеву. Сейчас помогли бы ему. А теперь

уже поздно... Или был бы у него Друг такой, которому бы любую тайну доверить можно было, и он бы являлся на помощь по первому зову...

По лестнице Антон поднимался с трудом. И уж совсем глупо – ему было никак не развязать веревку. Руки плохо слушались, а конец веревки крепко затянулся. Все-таки он развязал, вошел к Булю, покормил его, погладил. Буль почувствовал еще утром, что хозяину плохо, у него даже у самого вид стал грустным. Антон совсем не представлял, как они пойдут сейчас гулять. А идти надо было. Вечером могла прийти домой мама, и тогда выйти на улицу будет невозможно...

И когда Антон повернулся, чтобы взять поводок с ошейником, он наткнулся на записку! Как он ее сразу не увидел – было непонятно!

Сначала он страшно испугался. И лишь когда прочитал второй раз, понял смысл.

А сначала, как и в тот раз, когда он обнаружил конфеты и котлетные крошки, первым желанием его было схватить Буля и бежать. Бежать в другой дом, в другую квартиру, на ту самую дачу, наконец, в Тарховку.

Но сейчас бежать было трудно. Даже шел-то он еле-еле. А потом, в записке ясно же было сказано – «твои друзья».

На полу во второй комнате Антон уже давно видел огрызок карандаша. Сейчас он поднял его и написал на том же листке:

«Мою собаку зовут Буль. Я буду болеть три дня. А за еду потом заплачу, сколько она стоит».

Он еще подумал, подписываться или нет. И решил подписаться:

«Антон Иванов. Если что, мой домашний адрес такой: Колокольная улица, дом 11, квартира 16. Иванову Антону».

Он повесил ответ туда же, в последний раз погладил Буля и пошел домой.

Дома он проглотил таблетки, съел суп и лег в постель.

А вечером мама из почтового ящика вынула конверт. На конверте кроме адреса было указано: *«Иванову Антону (лично)»*.

А внутри была такая записка:

«С Булем мы погуляли и его покормили. Он передает тебе привет. Ты болей, сколько надо. А про деньги не думай.

С. и П.».

Антон прочитал записку, вложил назад в конверт, спрятал под подушку и спокойно заснул.

Братья Сергей и Павел

Саша, когда писала эту записку, долго сомневалась, как подписаться. Можно, конечно: «Саша и Сергей Васильевич». Но Антона такая подпись могла бы испугать, она это понимала. И тогда она решила засекретиться, вместо «Саша и папа» поставила лишь буквы.

Три следующих дня Саша выходила из дома раньше обычного, выводила Буля на прогулку, угощала бутербродами, а потом бежала в школу. Вечером они вместе с папой кормили сеттера как следует, и снова гуляли. Буль радостно встречал их. И неизвестно, как он, а Саша к такой жизни успела привыкнуть, ей эта жизнь нравилась, и отвыкать от нее не хотелось.

...У Антона высокая температура держалась все эти дни. Каждое утро, встряхивая градусник, мама корила себя одним и тем же: что же это она – думает лишь о чужих больных, а своего родного ребенка, единственного сына так запустила. Бросает на весь день одного без всяческого ухода и доброго слова. Да и на здорового остается у неё времени едва-едва. Вот он и ходит непонятно где. И какие-то странные истории случаются, например, с этим пальто. И давала мама по несколько раз на дню сама себе торжественное обещание каждое лето теперь проводить вместе с сыном, оставить вечернюю работу на «скорой помощи», а по выходным ездить с ним куда-нибудь за город.

«Вон и складной диванчик ему уже мал, – думала мама, – хоть и называется этот диванчик подростковым, а приходится на нем спать, подогнув ноги. А я и не замечала этого». Она

уходила по утрам в больницу, и сердце у нее болело настоящей болью за родного своего сына. Все думала: «Как он там ест, регулярно ли пьет таблетки, хорошо ли укрывается одеялом, не ходит ли босиком по полу». И много еще о чем думала мама эти дни. Антон тоже много о чем думал во время своей болезни. Главные его мысли были о Буле.

И конечно, хотелось ему разгадать, что за друзья подписываются буквами «С. и П.». Записки приходили ему каждый вечер, и под каждой стояла эта подпись.

«Наверно, Сергей и Павел – два брата, – думал Антон. – И вежливые».

Он уже понимал, что такая жизнь для Буля, которую он устроил – весь день в пустом холодном доме, – не годится. Да ведь Антон и прежде считал ее временной.

И теперь он решил, что если братья С. и П. попросят перевести сеттера в их квартиру, Антон не откажет им. Они будут гулять с сеттером втроем и втроем кормить его.

Антон решил, что как только вылечится, сразу придет к Булю и оставит записку с предложением встретиться и все обсудить.

Он уже и записку придумал:

«Большое спасибо за Буля. Жду вас в этой комнате завтра в семь вечера».

Отступление в прошлое

Саша со своей мамой была незнакома, хотя мама её – человек известный: Саша о ней даже слушала однажды передачу по всесоюзному радио.

Она знала о маме лишь по рассказам двоюродной сестры Оли да по некоторым словам папы.

Когда-то Сашин отец дружил с очень хорошей девочкой.

Они сидели вместе за партой, начиная с шестого класса до конца школы.

А потом они поступили в разные институты, но дружба продолжалась. Они и жили недалеко друг от друга.

Однажды, уже на четвертом курсе, Сашин отец уезжал на летнюю практику. И подруга пошла его провожать. Что-то она такое забыла дома и забежала на минуту назад, а Сашин отец остался на улице с рюкзаком. Минута превратилась в пять минут, и когда подруга выбежала из дома, она увидела, что Сашин отец весело разговаривает с какой-то симпатичной девушкой.

В то время подруга считала, что Сашин отец имеет право только с ней разговаривать так весело.

– Ах вот как! – обиделась она, увидев симпатичную девушку. – Оказывается, у тебя есть еще люди, которые могут тебя проводить, а у меня есть другие неотложные дела. Меня, между прочим, пригласили на очень интересный фильм. Так что я иду в кино с одним знакомым, а провожают тебя пусть те, кто так весело с тобой разговаривает.

Сашин папа попробовал объяснить, что эта симпатичная девушка не провожающая, а тоже – отъезжающая. Они учатся в одной группе и вместе едут на практику. Но бывшая подруга слушать не стала, а быстро зашагала в другую сторону.

– Странные у тебя подруги! – сказала папе симпатичная девушка.– Бросают в самые важные минуты. Я бы, например, так не поступила.

Подруга и папа были в том возрасте, когда люди думают, что самое главное – ходить по жизни с гордо поднятой головой. Они не знали тогда, что если идешь, высоко задрав голову, то обязательно кого-то не разглядишь, на кого-нибудь наступишь, на чью-нибудь жизнь. И часто этой чьей-нибудь жизнью будет жизнь того, кто ближе всех.

Это потом папа убедился, что лучше ходить с душой, обращенной ко всем людям, прислушиваясь к их словам и взглядам. А когда идешь с гордо поднятой головой, то многого не замечаешь, потому что прислушиваешься больше к собственной гордости.

И ещё в том возрасте и папа, и подруга не догадывались, что если поступаешь кому-то назло, то чаще оказывается, что поступил назло самому себе, себе же и сделал плохо.

С гордо поднятой головой, обидевшись на подругу, папа поехал на вокзал. Назло ей не написал с практики ни одного письма, хотя раньше, когда они расставались, писал каждый день.

На практике было весело. Весь день ходили с приборами по лесам и лугам, делали планы местности, а вечером у костра пекли картошку и пели песни. Всех веселее пела песни та симпатичная девушка.

Когда папа вернулся с практики, ему сказали, что бывшую его подругу видели в кино с каким-то молодым человеком. И когда бывшая подруга подошла к папе на улице, он не стал даже с нею разговаривать, потому что по-прежнему считал, что надо ходить по жизни с гордо поднятой головой.

Если с человеком дружишь и не можешь без него жить, то видишь его постоянно, даже если он живет на другом краю города. А если он стал тебе неинтересен, то вы можете не встречаться годами, хотя ваши дома и стоят на соседних улицах.

После того как папа Саши узнал, что бывшая подруга собирается выйти замуж за того, с кем ходила в кино, он не встречался с нею годами.

Он тоже решил жениться на симпатичной девушке, которая весело пела у костра песни. Они как раз кончали институт. И скоро у них родилась Саша.

Тут выяснилось, что молодые Сашины мама и папа совсем разные, противоположные, люди.

– Мужчина должен быть бродягой. Он должен отрастить бороду, ходить по лесам с топором, открывать неизведанные места, вечерами петь у костров песни, – так говорила мама. – Ты же, как книжный жук, сидишь в своей квартире да гордишься тем, что умеешь вкусно сварить суп. Оставь чтение детям и старикам, дочку отдадим бабушке – пусть воспитывает, а мы поедем в тайгу осваивать новые места. Молодые люди должны своими ногами топтать землю.

Больше всего Сашиной маме по-прежнему нравилось вечером после трудного похода сидеть у костров и петь песни.

Папа говорил другое:

– Я хочу открыть детям красоту родной земли, и поэтому буду преподавать географию в школе. Я хочу научить их не только топтать свою землю, а еще и беречь ее, а для этого я должен читать много книг. Воспитание своих детей нельзя доверять другим. Я не кукушка, а родной отец, и хочу воспитывать свою дочь сам. А варить вкусный суп и украшать квартиру я люблю, потому что зачем жить плохо, если можно жить хорошо и красиво.

Папа тоже любил посидеть у костра – но в выходной день, после рабочей городской недели.

Их споры кончились тем, что мама оставила навсегда Сашу в городе при папе, а сама уехала открывать новые места для человечества.

Она пробивала просеки там, где до нее не было никаких тропинок. По диким, неизведанным местам она проходила первой.

А папа был обыкновенным школьным учителем. И хотя уже через месяц в классе, куда он приходил, любимым предметом становилась география, хотя институтские преподаватели знали, что если на приемных экзаменах человек удивляет глубиной географических знаний, значит, он, скорее всего, папин ученик, сам папа был человеком незаметным. О нем, правда, была однажды статья в журнале «География в школе», но этот журнал, кроме педагогов, никто не знает.

Конечно, Саше иногда хотелось увидеть свою маму, хотя бы на минуту. Но хотелось ли этого знаменитой маме – Саша не знала. Возможно, мама была увлечена своими подвигами и ей просто некогда вспоминать, что где-то в городе у нее растет дочь. По крайней мере, писем ни папе, ни Саше она никогда не писала.

Зато папины супы, котлеты и другую домашнюю еду Саша обожала. И лучшим другом ее был собственный отец, что тоже бывает нечасто у одиннадцатилетних девочек.

Отец Антона

Много лет назад мама Антона дружила с одним человеком. Человек тот учился в шестом классе, и она сидела с ним за одной партой. Она была с ним вместе во всех следующих классах. А после школы мама поступила в медицинский, потому что давно мечтала стать врачом, а ее друг – на географический, потому что любил книги о путешествиях.

Они продолжали дружить дальше, и виделась каждый день. А потом неожиданно поссорились.

Теперь-то мама понимает, что тогда она вела себя как глупая девчонка, хоть и был ей двадцать один год, а тогда была уверена, что права она.

Друг уезжал на практику со своими однокурсниками, а мама пошла его провожать, только по дороге забежала домой. Выбежала – смотрит, а с ним уже девушка стоит из его институтской группы и собирается та девушка ехать вместе с другом на практику. И разговаривает так, будто это ее друг, а вовсе не мамин.

Маме обидно стало, и она решила проучить ту девушку, показать, что значит настоящая дружба.

– Если тебе есть с кем идти на вокзал, а я не нужна, – сказала она, – так я не пойду с вами, а пойду в кино.

Мама думала, что друг сразу начнет уговаривать ее, но он промолчал. И мама пошла по улице.

Каждую секунду она ждала, что друг бросится за нею, окликнет ее, она сразу повернется, бросится ему на шею, и они вдвоем поедут на вокзал, а та развеселая девица догадается, наконец, что лишняя здесь.

Каждое мгновение мама ждала, что друг позовет ее, ведь они дружили столько лет, она была готова сразу откликнуться на его зов, но друг не позвал. Он постоял немного с веселой девушкой, а потом они вместе поехали на вокзал.

Мама же спряталась за газетным киоском и проплакала целый час. Она потом прибежала на вокзал. Только поезд, конечно, ушел.

Она думала, что друг напишет ей письмо с практики, он всегда писал ей, когда они расставались. Она постоянно бегала к почтовому ящику, но ящик был пуст. И мама решила, что друг изменил своей бывшей дружбе и с той веселой девушкой стоял он не зря.

Он вернулся в город, мама подошла к нему, чтобы поздороваться, но он даже отвернулся – так стыдно ему было перед мамой.

А мама любила его, только о нем и думала.

Чтобы друг понял, кого он теряет, мама специально прошлась мимо его окон под руку со знакомым своей подруги. Но другу было уже все равно, и маме скоро сказали, что он женится на той веселой девушке.

Тогда и мама вышла замуж за знакомого подруги, потому что знакомому она была очень дорога.

И скоро у них родился Антон.

Но мама не переставала думать о своем бывшем друге.

Увидела его однажды издалека с маленькой девочкой в коляске и подумала: «А могла бы это быть наша дочка, или бы сынок был у нас – Антон».

И отец Антона это чувствовал и постоянно мучился.

– Ты меня совсем не любишь, – сказал он, наконец, однажды, – а любишь по-прежнему бывшего друга. Я знаю, что ты о нем только и думаешь. И дальше нам жить так невозможно. Мы только мучаем друг друга. Если ты согласна, я уеду навсегда в другой город.

Мама была согласна, и он уехал.

С тех пор отец Антона и живет в Москве. Иногда он приглашает в гости Антона, в Москву на каникулы, в свою новую семью. И мама говорит, что года через два Антон может съездить. А пока, если бы они встретились на улице, то прошли бы мимо: отец не узнал бы сына, а сын – отца.

Встреча

Наконец температура у Антона спала. И хотя мама не разрешала ему выходить из дому, едва она сама пошла на вечернее дежурство в «скорую помощь», как Антон собрался к Булю.

На улице темнело, воздух был тихий и влажный.

Антон поднялся по лестнице к двери и вдруг увидел, что она не привязана, а веревка висит на ручке.

Он распахнул дверь, уже в испуге, и никто не бросился ему навстречу.

Буля в квартире не было.

«Обманули! – подумал Антон.– Притворились братьями, а сами украли. Наверно, давно украли, а записки писали, чтобы я из дома не вышел».

Он выскочил было на лестницу, чтобы бегать по улицам и искать сеттера, но потом решил вернуться в квартиру, чтобы все окончательно выяснить.

Поводка и ошейника на подоконнике не было. Но зато миска наполненная свежей водой, стояла на своем обычном месте. Пол вокруг был подметен, а в углу стоял веник.

Вряд ли воры стали бы наполнять миску водой и приносить веник, подметать пол.

Антону стало спокойнее. Скорее всего, братья не обманывали его, а просто как раз сейчас гуляют где-то с сеттером.

Он прикрепил к стене записку с приглашением встретиться и пошел на улицу.

Можно было подождать и в квартире, но Антон не мог спокойно ждать, он хотел скорее увидеть Буля. Он вылез через дыру и стал высматривать прохожих: нет ли где братьев с сеттером?

Братьев не было.

Он пошел медленно по тротуару, часто оглядываясь на огороженный дом – вдруг братья появятся сзади. На углу неожиданно прямо на него наткнулись высокий мужчина и та самая девочка, Саша. А между ними шел Буль! Саша держала

поводок в правой руке, и Буль спокойно шел у ее ног. Антон встал у стены, молча уставившись на них и не зная, что делать дальше.

Но тут Буль дернулся, бросился к Антону и принялся лизать его в щеки, даже сбил шапку.

Девочка тоже остановилась рядом и стала улыбаться, и высокий мужчина улыбнулся, а потом сказал:

– Вот и встретились. Здравствуй, Антон!

Союз дружбы

В первые минуты Антон молчал. Саша и Сергей Васильевич тоже молчали.

Разговаривал один Буль.

Он то снова прыгал вокруг Антона, то обращался к Саше, как бы желая их познакомить.

– Отойдем к стене, – предложил Сергей Васильевич.

И они отошли. А потом медленно направились к огороженному дому.

– Хороший у тебя сеттер. Я все детство мечтал о таком. Тебе его подарил кто-нибудь? – спросил Сергей Васильевич.

И тут Антон про все рассказал. Никому не рассказывал, а почти незнакомому человеку – открылся. Да еще и девочка тоже слушала. И как ездил на дачу к Булю, и почему у себя дома его не поселил. Промолчал Антон лишь о пальто.

Но Сергей Васильевич сам догадался.

– Где же ты деньги берешь на прокормление? – спросил он удивленно. – По виду тебя миллионером назвать трудно. Когда в твоем возрасте у моего друга также примерно жила овчарка, она съела у нас все – фонарики, фотоаппарат и даже пальто. Я уже ботинки предлагал продать, чтобы ходить в тапочках. У тебя, наверно, тоже началась такая полоса, тем более ты один.

Антон лишь кивнул, грустно улыбнувшись.

И тут Сергей Васильевич сам подошел к главному. Антон даже сжался, даже руки задрожали от волнения, когда начался об этом разговор.

– Я вижу, ты человек, которому можно доверять. Нам с Сашей тоже можно верить. Правда, Саша?

Саша серьезно согласилась:

– Правда.

– Я предлагаю тебе союз дружбы. Пусть твой Буль живет в нашей квартире, у нас места хватит. А ты будешь приходить всегда, когда сможешь, и сколько угодно гулять с ним. Хочешь – и с нами вместе, хочешь – один. Когда как получится. Сеттеру только лучше будет от больших прогулок. А в этом доме (они как раз подошли к огороженному дому) – сам понимаешь – условия жизни даже не собачьи. Ты не спеши, ты подумай.

– Я согласен,– ответил Антон.

– Тогда пошли к нам в гости, – обрадовался Сергей Васильевич. Они свернули к Владимирскому проспекту, и тут мимо них медленно проехала «скорая помощь». В машине рядом с шофером Антон увидел маму. Мама тоже увидела их, всех троих вместе с Булем, и лицо у нее стало удивленным и испуганным одновременно. Но если бы Антон в этот момент смотрел не на маму, а на Сергея Васильевича, он бы заметил, что лицо у Сашиного папы стало вдруг похожим на мамино – оно тоже сделалось одновременно испуганным и удивленным.

Антон подумал, что машина сейчас же остановится и мама прогонит его с улицы домой. Он уже приготовил слова, чтобы уговорить ее. Антону было нужно всего десять – пятнадцать минут! Но, к счастью, у мамы был срочный вызов, и машина не остановилась.

Фотографии

Никогда в жизни Антон не ел таких вкусных котлет. А про суп, который они сделали все втроем за пятнадцать минут, он

и не слышал прежде. Не знал, что такие супы бывают. Сергей Васильевич назвал его «Гость на пороге», а вообще-то это был старинный таджикский суп. Сергей Васильевич сказал, что его готовили еще во времена великих людей – Авиценны, Бируни и Омара Хайяма.

– А варили его тогда в каменной посуде, – добавил он.

– Мы каждое воскресенье едим новый, неизвестный прежде суп, – сказала Саша, когда Сергей Васильевич вышел с кухни на минутку к телефону. – Папа собирает их рецепты и пишет книгу о старинных супах разных народов.

Антону на кухне поручили чистить луковицу.

Иногда к дверям подходил Буль и удивленно смотрел на них.

Буля сразу поместили в большой прихожей. Саша принесла ему мягкий коврик, и Антон скомандовал:

– Место!

Буль с удовольствием улегся на коврик и стал следить глазами одновременно за всеми людьми.

– Я-то боялся, что ему будет у нас непривычно, а он лег так, будто всегда здесь спал, – засмеялся Сергей Васильевич. – Ты знаешь, прежний хозяин был умелым дрессировщиком и очень хорошим, уравновешенным человеком. Ведь собака почти всегда перенимает характер того, кто ее воспитывает.

Антон вспомнил веселого небритого, но говорить о нем не стал. На стенах в коридоре и комнатах висели большие фотографии. Антон сразу заметил их, как вошел в квартиру, только сначала стеснялся рассматривать. На фотографиях был один и тот же сюжет – восход солнца. Но происходил восход в разных местах. Здесь была Нева, с отражающимся на волнах шпилем Петропавловки, и была, лесная поляна, где солнце просвечивало сквозь деревья, и были еще озеро, асфальтовая дорога, старинная церковь, лошади, пасущиеся в поле, а солнце играло на их спинах.

Теперь, после общей работы и особенно после обеда, Антону стал проще, и он начал рассматривать фотографии.

– Их тоже папа делал, – объяснила Саша. – Фотографией он в молодости увлекался. – И Саша принесла Антону несколько тяжёлых альбомов.

Антон подумал, что там семейные снимки. А что интересного в фотографиях людей, с которыми не знаком. Но там оказались самые настоящие художественные работы. Ведь Антон сам уже два года фотографировал виды природы и жизнь животных, поэтому альбом он стал смотреть с удовольствием.

– Некоторые папа снимал, когда еще в школе учился. Вот эту как раз, – сказала Саша, когда Антон перелистнул очередную страницу.

А на фотографии была снята его мама. Антон сразу ее узнал, хоть и было ей тогда лет четырнадцать, а не как сейчас – тридцать три. Волосы у мамы были длинные и развевались от легкого ветра. Она была одета в летнее платье, стояла среди цветов с соломинкой у рта. А на конце соломинки висел большой прозрачный шар – мыльный пузырь. И в пузыре отражались цветы, солнце и школьник, фотографирующий маму.

– Правда, красивая девочка? – спросила Саша. – Я на нее очень люблю смотреть.

На следующей фотографии тоже была мама. Ласточкой, в солнечных лучах, она летела в воду, а в небе в это время над нею, такой же ласточкой, пролетал самолёт.

– Эта фотография была на международной выставке, – объяснила Саша. – Везет же людям, родились – и сразу такие красивые, правда?

– Да, – согласился Антон.

Он не знал, признаваться ли ему, что на фотографиях его мама. Да и все, что с ним происходило в эти часы, было так неожиданно и странно, что он окончательно одеревенел. Ни слова не мог сказать, ни подняться и сесть за стол по-человечески. Стал двигать стул – уронил. Хотел пересесть на диван – сам чуть не грохнулся, потому что усаживался мимо.

– Папа с этой девочкой всю школу дружил, – сказала Саша тихо.

А может быть, и не тихо, просто это Антону так показалось. Хорошо, что вошел в комнату сам Сергей Васильевич.

– Если тебя устраивает жилище для Буля, то вот ключи от квартиры: их тут два, но мы обычно закрываем на один, на стальной.

Антон вместе с Сергеем Васильевичем попробовал, как работает ключ в замке, а потом Сергей Васильевич сказал:

– Завтра у Саши музыка, она придет часов в пять. Я тоже задержусь. Так что, если сможешь, приходи сразу из школы. А про еду, пожалуйста, не думай: у нас с Сашей гора еды остается каждый день.

Можно слона держать, не только сеттера.

Антон вышел на лестницу, и Буль немедленно выскочил следом.

– Иди на место, Буль, – сказал ему Антон, – это – тоже твои хозяева.

Буль вернулся на подстилку, а Саша присела около него и стала его гладить.

Дома Антон сразу взял альбом с маминими фотографиями. Таких, какие были у Сергея Васильевича, он не нашел. Зато нашел самого Сергея Васильевича. На всех классных снимках он сидел рядом с мамой. Весь вечер Антон представлял, как станут они теперь вместе с Сашей ухаживать за Булем. Или поедут, например, в воскресенье в лес.

Это было удивительно: все, о чем он думал в это лето, получилось вдруг само собой, за несколько часов.

Хорошо, что он не проболтался насчет мамы, когда смотрел на фотографии. Конечно, ему хотелось бы спросить маму про Сергея Васильевича. Ведь ясно, что тот мамин школьный друг и есть он. Но спросить об этом маму было невозможно.

Иногда, когда Антон видел особенного человека – очень сильного или очень доброго и веселого, – он думал: «Мне бы таким стать».

И сейчас, в этот вечер, он хотел быть точно таким, как Сергей Васильевич. Хорошо тем, кому везет с отцами.

Он уже спал, когда пришла мама, только проснулся на секунду, но она проговорила шепотом:

– Спи, спи!

Он и заснул снова.

Это было хорошо, потому что он мог бы не удержаться и стал бы маму расспрашивать или бы, наоборот, мама начала спрашивать бы его, с кем это он ходил по улице вместе с собакой?

Учитель географии

– Пришёл, наконец! – сказал Коля Кудлаев, когда Антон вошел в класс в первый день после болезни. – А я твою собаку каждый день вижу, с девчонкой и с каким-то дядькой. Ты чего мне тогда не дал об этом рассказать?

– Я от мамы скрывал, – сознался Антон. Но сознался он лишь наполовину, потому что не стал объяснять ничего про Буля.

– Ты что, с этой девчонкой знаком? – стал допытываться Коля.

– Мы с ней дружим, – сказал Антон коротко. – И с ее отцом тоже.

Коля посмотрел на Антона удивленно и уважительно. Пока еще никто в их классе с девчонками не дружил, даже если сидел с ними за партой.

– А Федор Степанович на пенсию уходит, – стал рассказывать он классные новости,

Это Антона расстроило. Потому что Антон любил географию больше всех предметов. А Федор Степанович преподавал именно ее. Часто он читал им на уроках дневники знаменитых путешественников. Дневники обожали слушать все. И если звонок прерывал чтение, класс был готов остаться после уроков, чтобы дослушать Федора Степановича.

– А кто вместо него будет?

– Не знаю, говорят студентка какая-то, практикантка.

На первом уроке была математика, и оказалось, что Антон сам по учебнику в своей комнате прошел даже дальше, чем в классе. Он помог Коле решить уравнение и задачу в самостоятельной работе, и тот вздохнул с завистью:

– Везет тебе, ты способный. – Коля снова вздохнул и добавил: – А я зато к рисованию способный.

Рисовать Антон не умел вовсе, и с Колей он согласился.

На перемене они гуляли с Колей около лестницы, и вдруг в дальнем конце коридора Антон увидел Сергея Васильевича!

Сергей Васильевич шел по коридору к ним.

«Неужели о пальто узнал! – подумал Антон со страхом. – Зря я не рассказал им все до конца! Или еще что-нибудь случилось».

Сергей Васильевич подошел к директорскому кабинету и скрылся за дверью.

Только что все было спокойно и хорошо, а теперь стало – хуже не придумаешь. Страшных мыслей было множество.

Может быть, Сергей Васильевич пришел, чтобы рассказать о пальто директору. А директор вызовет маму и прикажет сдать куда-нибудь Буля. Или вдруг ночью Сашину квартиру обокрали воры, а Сергей Васильевич решил, что они воспользовались ключами Антона.

– Смотри, как это просто! Прыгаешь два раза на правой ноге, потом раз на левой, – не отставал с разговором Коля Кудлаев.

Но Антон не понимал, о чем Коля говорит, он думал только о Сергее Васильевиче.

Прозвенел звонок, и Антон решил схватить портфель и бежать куда-нибудь подальше. А потом перейти в другую школу.

Но тут из кабинета вышли уже директор, Сергей Васильевич и старый учитель географии. Они о чем-то весело разговаривали. И Антон подумал, что наказывать можно и с веселым лицом.

Он убежал в свой класс и сделал вид, что читает на своем месте очень важное. Оставалась еще крошечная надежда, что они пройдут мимо класса, что у них просто есть общие дела.

Но дверь распахнулась, и директор вошел. С ним вошли старый учитель географии и Сергей Васильевич.

Сергей Васильевич весело осматривал всех, кто стоял около парт. Антон, наткнувшись на его взгляд, хотел шагнуть вперед, уже воздух вдохнул, чтобы во всем признаться самому – рассказать об истории с пальто. Но Сергей Васильевич лишь подмигнул ему, почти незаметно, и перевел глаза.

И в это время бывший учитель сказал:

– Здравствуйте, дети. Через несколько минут я с вами попрощаюсь совсем, а пока представляю вам вашего нового учителя географии Сергея Васильевича. Сергей Васильевич когда-то учился в нашей школе и был моим учеником. Уверен, что вы полюбите друг друга.

Директор школы на слова старого учителя согласно кивал. А сам Сергей Васильевич смотрел не строго, а скорей весело и слегка улыбался.

Старый учитель поклонился классу, и они вместе с директором вышли в коридор.

– Прошу садиться,– проговорил Сергей Васильевич и достал из портфеля книгу знаменитого полярного исследователя Нансена.

– На каком месте вы остановились в прошлый урок? – спросил он. – После опроса я хочу почитать вам эту книгу дальше.

После уроков

– Так это же твой знакомый, с которым вы гуляли! – удивился Коля Кудлаев. И всю большую перемену он только это и повторял.

А после уроков Антон подошел к Сашиной квартире и стал открывать дверь ключом.

Вниз по лестнице кто-то бежал. Антон испугался; вдруг подумают, что он лезет в чужую квартиру.

Но человек, который спускался вниз, на него даже не посмотрел.

Антон прошёлся с Булем, минут пятнадцать гулял с ним в садике, а потом привёл его назад в квартиру и как следует захлопнул дверь. Конечно, в квартире жить Булю было намного лучше.

А когда Антон подошел к огороженному дому, у него чуть не произошла странная встреча.

Он вдруг увидел, что в дырку через забор пролезает тот самый веселый небритый человек. В руке у небритого была веревка.

Антон встал у дома напротив, чтобы посмотреть, зачем полез в дыру небритый.

– Ты кого тут выглядываешь? – спросил его Коля Кудлаев. Его как раз послали родители за очередным батоном.

– Да так, человека одного.

– Чего-то у тебя много тайн появилось! – обиделся Коля и пошел к площади в булочную.

Но только он отошел, как к Антону приблизился милицейский сержант Петренко.

– Горло не болит? – спросил сержант. – Не кашляешь? Ты смотри, много по улице не гуляй. Мама твоя мне говорила про пропажу. И как это у тебя вышло, кто хоть на скамейках сидел, ты заметил?

Антон хотел ответить, что не заметил, но сержант неожиданно отвернулся от Антона и стал смотреть в сторону огороженного дома.

А смотрел он на весёлого небритого, который показался в дыре.

– Не нравится он мне, – сказал сержант Антону. – Я его часто стал встречать на наших улицах.

Сержант подошел к весёлому небритому и громко спросил:

– Гражданин, вы что в этом доме потеряли? Или вы здесь жили?

– Я-то? Да, я здесь жил, – согласился небритый.

– Нет, гражданин, вы здесь не жили, – серьёзно ответил старшина Петренко. – Я здешних жильцов знаю всех – по именам и фамилиям.

– Да я случайно, я тут собачку ищу, рыженькая такая. Говорят, один мальчишка ее тут держал, в пустом доме. У меня стащил и прятал...

– Никакие мальчишки собак в этом доме не прячут, – строго сказал сержант. И он был прав, потому что Буль жил теперь у Саши и Сергея Васильевича.

Конечно, Антон мог бы поправить милицейского сержанта. Но промолчал.

Мама и Саша

Вечером Антон гулял вместе с Сашей и с Булем. Сергей Васильевич остался дома готовиться к завтрашним урокам. С Сашей разговаривать было легко.

– Ты какое мороженое любишь? – спрашивал Антон.

– С орехами и шоколадное.

– И я тоже! – удивлялся он.

– А ты рисовать хорошо умеешь? – спрашивала Саша.

– Совсем плохо.

– И я тоже! – смеялась Саша,– рисовать не умею.

– Я фотографировать тоже люблю, – говорил Антон.

– Я знаю, – отвечала Саша, – я тебя видела, как ты на крыше троллейбуса ехал. – Они вспомнили этот случай и стали хохотать. На таких смеющихся, на них и наткнулась мама Антона.

– Вот ты где! – сказала она тоже весело. – А у меня последнее дежурство кончилось. Ой, какая симпатичная собака. Здравствуй, девочка, – сказала она Саше. – Очень у вас красивая собака.

Саша смотрела на маму Антона, не отрываясь, а потом тихо, почти шепотом ответила:

– Здравствуйте.

– Я пойду домой, дошивать пальто, а ты слишком не задерживайся, – сказала мама Антону.

Она улыбнулась Саше и повернулась к дому.

– Это твоя мама? – спросила Саша, медленно выговаривая слова.

Хотя, что тут было спрашивать – и так ясно, что мама.

Антон понял, что Саша узнала ее.

Они шли молча к садику, и у самого входа Саша сказала:

– Твоя мама училась в одном классе с моим папой. Ты знаешь?

– Знаю, – ответил Антон.

– Я только сейчас ее узнала. Живем на соседних улицах, а только сейчас заметила. А ты вчера догадался, когда фотографии у нас смотрел?

– Догадался.

– А раньше ты знал об этом?

– Нет.

– И я – нет. Я только сейчас. – Саша помолчала, а потом сказала еще: – У тебя очень красивая мама. Я бы хотела на нее походить.

...Когда Антон вернулся домой, мама стала примерять на нем пальто.

Она почти всю одежду себе шила сама. Только времени у нее не хватало. А сейчас она перешивала свое старое пальто для Антона.

Он стоял около двери, а мама отошла к окну и просила его медленно поворачиваться.

– Эта девочка с собакой учится в твоем классе? – спросила она так, будто спрашивала о какой-нибудь мелочи.

– Нет, она близко живет.

– Хорошая девочка. Повезло ей с собакой... и с папой тоже повезло. Я раньше знала ее папу.

Опять три девчонки

В это воскресенье должна была приехать Сашина сестра Оля.

Днем Антон зашел к Саше, и они вывели гулять Буля. Потом Антон и Буль остались во дворике, а Саша пошла в булочную

за конфетами и пирожными. Антон с Булем обошли дворик кругом, постояли у деревца и пошли встречать Сашу. И вдруг видит Антон: Саша стоит в углу подворотни, а около нее три девчонки.

«Наверно, одноклассницы», – подумал Антон. Он только удивился, что у Саши лицо было отчего-то хмурым. И держала она сетку с конфетами и пирожными за спиной, а девчонки тянули к ней руки.

Но еще больше он удивился, когда подошел ближе и услыхал их разговор.

– Дай сетку, а то до смерти защекотим, – говорила девчонка повыше.

– Или в подвал затащим и запрем вместе с крысами, – сказала девчонка потолще.

– Или краской лицо тебе разрисуем, – сказала девчонка обычная.

И тут Антон встал рядом с ними. Он узнал их. Когда-то весной они уже запирали прохожих в доме напротив Сашиного. А сейчас вернулись после лета и снова принялись за свои дела.

– Я вас сейчас сам в подвал запру или краской разрисую, – сказал он.

Даже Буль понял, что девчонки эти – враги, так зло проговорил свои слова Антон. Буль неожиданно зарычал басом.

Девчонки сразу отбежали, а та, что повыше, прокричала:

– А если собака укусит, я скажу, кому надо, понял?

Антон сделал вид, что хочет бежать за ними, и тогда девчонки разбежались в разные стороны, чтобы их догнать было труднее.

– Ну их, – сказала Саша, – все равно их теперь не поймаешь. Чуть все пирожные мне не помяли.

И тут Саша присела на корточки перед Булем и поцеловала его в нос.

– Спасибо, Буль.

Они шли по проспекту, солнце их пригревало тихонько, а они несли конфеты, пирожные и вели вместе Буля. И Антону

неожиданно показалось, что когда-то с ним происходило уже такое: словно однажды, когда, неизвестно, он уже спасал Сашу на улице, а потом она вот так присела перед Булем и точно, как сейчас, поцеловала его. И они пошли вместе по улице.

Но когда это было – Антон не понимал и не помнил.

Гости

Собралась Оля в гости к Саше. Надела новое платье с красными карманчиками на голубом фоне. Очень она себе понравилась в зеркале. Платье делало ее взрослее, а лицо и руки казались особенно загорелыми.

Вместе с родителями она прошла сначала через парк Лесотехнической академии, пошуршала желтыми листьями, которые падали на дорожки. А потом села в троллейбус – прямо до Сашиного дома.

Саша открыла им дверь сама, а следом за нею неожиданно просунулась собачья голова.

– Это еще кто такой? – удивился Олин отец.

– Это Буль, – объяснила Саша.

Буль сел в углу прихожей и стал вежливо радоваться гостям – помахивать хвостом и следить, как они раздеваются.

– Такая же собака была на нашей улице! – почти закричала Оля. – Помните, с ней ходил слепой человек.

– И, правда, собака-поводырь слепого. Я еще удивлялась, что у нее красный крест на спине. Я её часто у магазина видела, – согласилась Олина мама.

– Рыжие сеттеры вообще нежно любят хозяев. Это из истории известно, – подтвердил Олин отец.

– Я всегда любовалась, как они шли с тем слепым человеком, собака так оберегала его. А потом куда-то пропала, – вновь заговорила Олина мама.

А Оля вспомнила, что недавно видела точно такую же собаку в электричке с хулиганом, который вместе с тремя девчонками запер ее в доме.

Она вошла в комнату и вдруг увидела того самого – хулигана. Хулиган сидел на стуле у окна и читал книгу.

– Здравствуй, мальчик, – сказала Олина мама. Хулиган встал и вежливо поздоровался. Вид у него был испуганный; наверно, он тоже узнал Олю.

– Это Антон к нам привел Буля, то есть не привел, – Саша замолчала на несколько секунд, потому что запуталась, – не привел, а это наша общая собака.

– Недавно я читал одну историческую книгу, – сказал Олин отец, – там говорится об общем слоне. Три семьи в Индии купили себе слона. И в древних племенах собаки тоже принадлежали не одному человеку, а всему племени.

«Что ему тут нужно! – думала в это время Оля об Антоне. – А вдруг это и правда он украл у слепого собаку и здесь тоже что-нибудь задумал украсть».

Она решила обязательно рассказать про все Саше и позвала ее в другую комнату.

– Я его знаю! – зашептала она Саше, кивая на Антона, которого видно было сквозь щель в двери,

– Откуда? – также шепотом спросила Саша.

– Откуда-откуда! Это он меня тогда запер!

– Он? – удивилась Саша.

– Он, конечно! Я же говорила: три девчонки и он. – Оля увидела, что Саша улыбается, и совсем рассердилась. – Ты что, с ума сошла, что его в гости позвала. Он же у вас украдет что-нибудь. И эта собака тоже, наверно, краденая. Наверно, он её у слепого с нашей улицы украл.

– У какого слепого? Ему ее на даче подарили.

– Это он вам так сказал, а сам украл.

–Да ну тебя! – Саша тоже разозлилась. – Его мама с моим папой еще в школе дружила. Поняла?

Оля спорить не стала, только сделала многозначительное лицо: «Не веришь, сама убедишься».

А Саша испугалась, вдруг Антон догадается, о чем они шептались за дверью. Но Антон, к счастью, не слышал.

Тут вышел Сашин папа с кухни. Он уже полчаса назад крепко закрыл дверь, чтобы кухонные запахи не распространялись по квартире. Папа приготовил мясо по-гамбургски, испек в духовке картошку и поджарил кабачки.

Все это, красиво уложенное, он внес на большущем блюде.

– Пища богов! – засмеялся Олин отец. – Ни у кого в нашем городе не бывает такой роскошной еды.

– Ой, как это готовится? Хоть бы рассказал, – как всегда, попросила Олина мама.

И Сашин отец, как всегда, ответил;

– Самые простые продукты и еще кусочек любви.

Все сели за стол. Слева от Оли был Антон. Но она так и не сказала ему ни слова. Он тоже старался не смотреть в ее сторону. Но потом, когда Сергей Васильевич стал показывать фотографии, которые сделал Антон, она начала верить Сашиным словам, что он не вор и не хулиган. Потому, что зачем вору и хулигану фотографировать пчелу на цветке и каплю росы на лесной паутине.

Оля уже начала было уважать его, но тут настроение ей испортил папа.

– Видишь, Оля, какой способный мальчик. Уже занимается искусством. А тебе бы все телевизор смотреть да детективы читать. Даже посуду маме не моешь.

Кому приятно, когда тебя так принижают в присутствии других людей. Поэтому настроение у Оли снова стало плохим.

Антон ушел раньше ее. Он сказал, что скоро мама вернется из больницы и к ее приходу надо согреть чай.

Олин отец при этих словах многозначительно взглянул на дочь.

Надо так надо

Вечером, когда Саша и Сергей Васильевич остались одни, Саша рассказала ему половину того, что говорила Оля. Про Антона она, конечно, не говорила. Зачем повторять глупые

речи. А про слепого человека и про то, что у него прежде была точно такая же собака, рассказала.

– Саша, так, возможно, у этого человека Буля просто украли, – разволновался папа. – Это надо узнать, Саша.

Она и сама так думала и Антону собиралась завтра утром сказать. Конечно, не очень-то хотелось расставаться с Булем. Но с другой стороны, что они, укрыватели краденого, что ли?

– Надо повесить объявления на этой самой улице Пархоменко, – сказал папа.

Утром, когда Антон пришел, как всегда, гулять с Булем, Саша вышла вместе с ним.

У Антона в лице все изменилось, когда она стала говорить ему про слепого человека. Саше и самой, едва она начинала думать, что вдруг Буля придется вернуть, плакать хотелось. Особенно сейчас, во время разговора с Антоном.

Но Антон молодец. Сначала он сел на каменную тумбу около подворотни и сидел так, глядя в землю и прижимая Буля. Но потом поднялся и проговорил:

– Надо так надо. Когда поедем объявление вешать?

– Ты подожди, мы еще не придумали, как его написать. И ведь их несколько штук надо,

– Давай придумаем, – сказал Антон пустым голосом. – Давай.

И тут он не выдержал, всхлипнул, оставил поводок Саше и побежал в подворотню.

Саша ходила несколько минут около этой подворотни. Она подумала, что лучше не бежать следом за Антоном: от жалости люди еще больше плачут.

И правильно. Антон скоро вышел оттуда и, стараясь казаться веселым, проговорил:

– Пошли быстрей к тебе. А объявление можно в стихах написать:

«У кого однажды сеттер потерялся, словно ветер?»

Стихи были не очень складные, но Саша грустно улыбнулась им.

Объявление

«Тот, кто хочет узнать о рыжем сеттере по имени Буль, может позвонить по телефону: 252-24-64».

Такие объявления висели на улице Пархоменко в разных местах – на столбах и стенах.

Антон составил их сам, а ездили наклеивать они вместе с Сашей. На этой улице дома стояли, словно в лесу – среди старых кленов, берез и лиственниц. Саша сказала, что в прежние времена здесь были парки и дачи, а потом, когда строили здания и прокладывали улицы, деревья сберегли. По одной лиственнице на высоте третьего этажа даже белка прыгала, и на нее никто особенно не смотрел, потому что все привыкли. Только вдруг из окна просунулась чья-то рука, белка подскочила к ладони, взяла орех и унесла его на другую ветку, там она присела и начала есть, придерживая орех передними лапами.

– В хорошем районе Оля живет, правда? – сказала Саша. – Я бы здесь тоже хотела жить.

– У нас дом тоже красивый, – ответил Антон.

И Саша с ним согласилась.

Телефонные звонки начались в тот же вечер.

– Здравствуй, – заговорил мужской голос. – У меня пропала собачка Пусик. Маленькая, веселая, вся белая и лохматая. О ней вы ничего не знаете?

– Бюро собачьих услуг? – спросила женщина. – Я хочу помыть свою овчарку, а она не дается. Не могли бы вы помочь?

– Алё, алё! – кричала другая женщина. – А квартиру менять вы не хотите?

Последний звонок был в два часа ночи.

– Я вот сейчас ваше объявление прочитал, – сказал басом человек, – и подумал, что этого Буля вы, наверно, около магазина подобрали, А рядом с Булем вы продуктовой сумки не обнаружили? Там арбуз был и деньги...

Саша всем вежливо отвечала: «Не слышали. Собак не моем. Квартиру не меняем. Сумку не находили».

Звонки продолжались и следующие несколько дней. Но про самого Буля никто не спрашивал.

Они пошли вдвоем

Гуляли Антон, Саша и Сергей Васильевич с Булем по Дмитровскому переулку, вышли на Колокольную улицу, а им навстречу – мама Антона.

Так они и остановились друг перед другом.

– Здравствуйте, – сказала Саша.

Но мама Антона ей ничего не ответила. Потому что не слышала.

Потому что смотрела только на одного человека. А этим человеком был Сашин папа, Сергей Васильевич.

– Ты? – сказала мама Антона.

– Здравствуй! – сказал ей Сашин отец.

– Как давно я тебя не видела! – сказала мама Антона.

– А я тебя видел, только боялся подойти.

– А ты бы подошел. Я бы обрадовалась.

– Ну, вот я и подошел...

– А я обрадовалась.

Мама пришла в себя и оглянулась по сторонам. Только теперь она заметила, что рядом стоит ее сын Антон и дочь Сергея Васильевича, девочка Саша.

– Антон, ты пока погуляй с собакой, – проговорила она.

– Да-да, ты тоже, Саша, погуляйте еще с Булем.

Мама Антона и Сергей Васильевич отошли в одну сторону, а Саша с Антоном и Булем пошли назад, в другую сторону. Когда они оглянулись на своих маму и папу, взрослых людей, их близких на Колокольной улице уже не было. Возможно, взрослые люди заспешили на Невский, как во времена юности, они решили пойти вместе в кино, но билетов не достали и зашли в кафе-мороженое. Там они ели мороженое из металлических вазочек, запивали горьковато-сладким, очень вкусным манда-

риновым соком и, как во времена почти забытой юности, молча смотрели друг другу в глаза и улыбались.

А Саша с Антоном и Булем медленно возвращались домой.

– Как ты думаешь, о чем они сейчас говорят? – спросила Саша. Антон еще плохо знал жизнь взрослых и потому ответил:

– Наверное, про нас.

– Нет, – сказала Саша, словно она уже сама побывала во взрослой жизни, – они говорят друг про друга.

В этот вечер мама пришла домой не скоро. Такой веселой Антон ее никогда не видел. Она расхаживала по комнате, распевала и часто останавливалась перед зеркалом.

Сергей Васильевич, по Сашиным наблюдениям, наоборот, был очень задумчив. Он сел в своей комнате за письменный стол у окна и стал курить, одну сигарету за другой. Это было особенно удивительно, потому что курить Сергей Васильевич бросил почти двенадцать лет назад, с тех пор как родилась Саша. И курил он сейчас ту самую пачку, которая пролежала в столе больше одиннадцати лет.

Саша прошлась тихо по коридору, но Сергей Васильевич не повернулся к ней, может быть, даже и не заметил.

И еще один человек в этот вечер тоже был очень взволнован.

Милицейский сержант Петренко сначала увидел на улице Антона с девочкой и высоким человеком. Они вели на поводке красивую рыжую собаку. Уже тогда у сержанта Петренко слегка кольнуло сердце. Потому что тайной мечтой сержанта было, чтобы Антон дружил только с ним и больше ни с кем. Но еще больше, еще неприятнее кольнуло сердце сержанта милиции, когда он увидел маму Антона, докторшу Нину Федоровну, вдвоем с тем же высоким мужчиной.

До этого вечера сержант Петренко надеялся, что однажды во время чаепития докторша скажет ему:

– А стоит ли вам от нас уходить? Давайте пить чай вместе каждый день. Соединим наши комнаты в одну квартиру и бу-

дем жить вместе. Ведь вы такой умный, серьезный и хозяйственный. Антон давно вас любит, и я, честно сказать, тоже.

Это была самая-самая тайная мечта сержанта милиции, и ей не суждено было сбыться.

Человек он был смелый, но очень застенчивый. Ведь и отважные люди часто бывают застенчивыми. И даже на чай к докторше сержант Петренко не решался заходить чаще, чем раз в два месяца.

А сейчас он почувствовал опасность.

Подозрительный человек был этот высокий мужчина. Сначала с мальчиком ходил, а теперь докторшу обхаживает. А Нина Федоровна человек доверчивый.

«Надо бы у него документы проверить, – подумал сержант Петренко. – Лицо знакомое, а где я видел его прежде – не вспомнить».

Звонок

А в квартире Саши в это время зазвонил телефон. Папа по-прежнему сидел в своей комнате, ничего не замечая. И трубку сняла Саша.

Это была Маргарита Ивановна.

Саша Маргариту Ивановну не любила.

Иногда она приходила к ним в дом и начинала разговаривать как хозяйка.

– Серго, – говорила она папе, – я убеждена, что вы неверно воспитываете Сашу. Она предоставлена сама себе, как дикарка. Я бы из нее вылепила чудесное растение!

Быть растением, которое лепит Маргарита Ивановна, Саше не хотелось. Хорошо хоть, папа в ответ лишь тихо посмеивался.

Раза два в месяц Маргарита Ивановна звонила, приглашала папу в кино, он всегда соглашался и немедленно уходил и возвращался поздно, когда Саша уже спала.

И сейчас она тоже хотела пригласить в кино папу.

– Сашуля, запиши, пожалуйста, на папином календаре начало сеанса и место, где я жду нашего Серго.

Саша захлопнула свою дверь, чтобы папа не слышал, и ответила в трубку:

– А папа придет не скоро.

– То есть как не скоро? Почему не скоро? Он сегодня должен сидеть дома и ждать моего звонка! – Маргарита Ивановна даже рассердилась.

– А папа... он женится. – Саша сама не знала, почему у нее вырвались именно эти слова. Но когда слова вырвались, она почувствовала, что сказала правду. Оказывается, она могла бы даже точно назвать человека, на котором папа скоро женится. И человеком этим была совсем не Маргарита Ивановна.

– Что? Что ты сказала? – Маргарита Ивановна спросила это странным, скрипучим голосом и, не дожидаясь ответа, повесила трубку.

Прошел час, и невзрослые люди легли спать.

А два взрослых человека – отец одной девочки и мать одного мальчика – в памяти своей, в мечтах своих все еще шли по улице, взявшись за руки, говорили без конца, перебивая друг друга, перескакивая с пятого на десятое, вглядываясь в лица друг друга и узнавая друг друга заново.

Последнее испытание

За всю неделю так никто и не спросил о Буле по телефону. Олины родители пытались узнать адрес слепого человека, но человека этого никто уже на улицах не видел и точный адрес назвать не мог.

И тогда Сергей Васильевич предложил последнее испытание.

– Удивляюсь, почему это раньше не пришло нам в голову! – сказал он.

Если Буль раньше жил у слепого человека и был его поводырем, то он должен помнить улицу и дом, в котором жил. Не узнает Буль улицу и дом, значит, Оля напутала и можно жить дальше спокойно.

Честным быть трудно. Так хотелось Антону сказать все эти дни:

– Моя это собака, мне ее подарили, и никому я её не отдам. Видимо, Сергей Васильевич почувствовал настроение Антона. Ему ведь и самому не очень-то весело было думать о расставании с Булем.

– Смотри, Антон, еще не поздно. Буля ведь ты можешь считать и своим. Если не захочешь – завтра можем не ехать на испытание.

Но Антон понимал: откажется ехать – уважать его перестанут Сергей Васильевич с Сашей. И сам он себя уважать не будет. Одно дело – подарили тебе собаку, другое – передали краденую.

Утром они сели на кольце двадцатого трамвая. На Буля, как положено, надели намордник. Он терпеливо сел на резиновый пол рядом с сиденьем и спокойно ехал всю дорогу.

– Удивительное дело, – сказал Сергей Васильевич, – я уже давно заметил. Стоит любую самую злую собаку посадить в трамвай, где много людей, как она смущается и становится робкой.

Остановка так и называлась – улица Пархоменко.

– Пройдем вдоль улицы, туда и обратно, и посмотрим, как поведет себя Буль.

Сначала Буль вел себя никак. Он спокойно шел рядом, иногда приостанавливался на мгновение, нюхал столбик и двигался дальше.

– Видишь, а ты боялся, – решила успокоить Антона Саша. – Я же говорила, что Оля напутала.

И Антон тоже стал успокаиваться.

Но вдруг Буль подобрался весь и повел Сергея Васильевича на другую сторону. Причем переходить улицу он стал на пере-

крестке по правилам: присел на секунду, оглянулся по сторонам и пошел.

Теперь уже он не брел рядом, а уверенно вел людей к какому-то лишь одному ему известному месту.

Они проходили мимо магазина. Буль приостановился около двери, вопросительно посмотрел на Антона и Сергея Васильевича.

– Вперед, Буль, вперед, – сказал Антон.

Он сказал это твердым голосом, а на самом деле плакать ему хотелось.

Буль повел их дальше. У газетного киоска он снова остановился, а потом опять подвел к перекрестку и перешел на другую сторону.

Антон шел следом молча. Сергей Васильевич и Саша тоже не разговаривали.

«Хоть бы он переехал! Или бы ему сделали операцию, он бы прозрел, и собака стала бы ему ни к чему!» – думал Антон.

Буль обошел длинный девятиэтажный дом, остановился у дверей парадного, а потом подвел своих хозяев к квартире номер один на первом этаже.

Там он сел и дважды провел лапой по двери.

– Будем звонить, – сказал Сергей Васильевич и нажал на кнопку.

Сначала в квартире было тихо, потом послышались неторопливые шаги и мужской голос:

– Сейчас, одну минуту, я вам открою.

Замок щелкнул, дверь приоткрылась, и Антон увидел пожилого крепкого человека в черных очках.

Буль все эти минуты нетерпеливо переступал с ноги на ногу, а, увидев человека, бросился к нему, и Антон услышал одновременно и радостный визг, и лай, и даже тихий вой.

Человек в первую минуту отшатнулся, он, конечно, не ожидал ничего такого. А потом крепко прижал собаку к себе.

– Помилуй бог, да неужели это Бой вернулся! – И он сел на стул у дверей в прихожей.

Буль продолжал повизгивать и тыкаться головой в руки пожилого человека в черных очках.

Антон, Саша и Сергей Васильевич стояли по-прежнему в дверях. Все было ясно.

Пожилой человек поднял голову и проговорил;

– Спасибо вам. К сожалению, я не могу вас увидеть, но это и так ясно, что вы добрые благородные люди. Мне сказали, что Боя увёл от магазина какой-то пьяница. А сейчас вы вернули мне жизнь.

– Его зовут не Бой, а Буль, – не выдержала Саша. У нее мелькнула надежда: а вдруг все-таки человек в очках путает.

– Нет, его зовут Бой. Бой, принеси, пожалуйста, ботинки, надо выйти на улицу, – сказал пожилой человек сеттеру. – Ботинки, Бой.

И сеттер сразу подбежал к ящику для обуви, порылся в нем лапой, а потом поднес хозяину сначала один ботинок, потом другой.

– Эту собаку мне подарили ребята из школы юных дрессировщиков. Он и друг мне, и нянька. А укусить не способен никого, даже если ему наступят на хвост или на лапу. Его так выучили: все люди – друзья, и он обязан любить всех.

– Даже бандитов? – удивился Антон. – Или воров каких-нибудь.

– С бандитами мы не встречались, а против вора, который увел Боя от магазина, действительно, он был беззащитен. Проходите, будьте друзьями, – сказал пожилой человек, – я так обрадовался, что даже не сразу сообразил, что мы стоим в прихожей. Бой, ботинки – место! Мы с тобой пойдем потом, – сказал он сеттеру. И сеттер сразу унес ботинки на старое место.

Тонущая лодка

Назад они ехали на метро до Невского проспекта, а потом пошли пешком мимо памятника императрице Екатерине

к Аничкову мосту через речку Фонтанку. И там-то, на Аничковом мосту рядом со знаменитыми скульптурами барона Клодта они встретили старых знакомых. Точнее, не встретили, а увидели.

Но сначала к спуску с противоположного берега реки Фонтанки, который был недалеко от моста, быстро подъехала моторная лодка. Из нее вышел парень в брезентовой куртке, закрутил канат вокруг черного чугунного крюка и поднялся наверх.

А через несколько минуту к этому спуску по набережной примчалась неожиданная компания: три девчонки: длинная, толстая и обычная, а вместе с ними небритый человек. Они катили большую сумку на колесах, поэтому очень быстро бежать не могли. Их догоняла кричащая женщина.

– Отдайте сумку! Сумку верните!

Она поравнялась с ними как раз рядом со спуском к воде и, растолкав компанию, вцепилась в сумку.

– Мадам, не надо кричать, это – наше хозяйство, – а вашу сумку ищите у себя дома, обратился небритый к ней и к приостановившимся прохожим.

– Просила как честных людей просто посторожить две минуты, а вы!..

– Путаете, мадам. Мы видим вас первый раз. Правда, девочки?

И девчонки согласно закивали.

– Это наша сумка, да! Мы от бабушки её везём.

– Видите, мадам? Даже дети подтверждают, что эта сумка наша. А дети не способны обманывать.

– Ах, ваша? – спросила вдруг разъярённо женщина. – Тогда ответьте мне, что находится в этой сумке?

– Как это что? Наши вещи лежат. Что бабушка сложила, то и лежит. Пожалуйста, посмотрим. Вон, как бабушка хорошо её застегнула. – И он стал расстегивать сумку.

– Не смейте расстёгивать! – громко вскрикнула женщина. – Стойте!

Но было уже поздно. Мужчина расстегнул сумку, и из нее немедленно высунулась голова огромной змеи. Змея стала вырастать над сумкой, поднимаясь все выше и слегка покачиваясь.

– Ой-ой-ой! – вскрикнул мужчина и, расталкивая девчонок, бросился к лодке.

– Покажи им Тишенька, чья эта сумка! – сказала зло женщина, осторожно погладив голову змеи.

Но девчонки уже не смотрели на неё, а вслед за мужчиной полезли через борт в лодку. Лодка раскачивалась. Наверно, она была плохо прикреплена к чугунному крюку, потому что, когда последняя из девчонок, самая толстая, попыталась перебраться через борт, лодка стала отплывать от берега. Девчонка так и повисла животом на борту, и лодка накренилась, зачерпнула волну, а ноги девчонки оказались в воде.

Огромная змея в это время, полностью освободившись из сумки, приподняв голову и по-прежнему слегка покачивая ею, продолжала их рассматривать.

Прохожие с моста тоже смотрели на них, некоторые даже специально остановились, чтобы поглядеть, а лодка продолжала черпать воду.

В этот момент на набережную из-за домов выбежал милицейский сержант Петренко. Он смело перепрыгнул через змею, словно не замечая её размеров, остановился на нижней ступеньке гранитного спуска, так что вода омывала ему ботинок, и крикнул небритому:

– Лодку к берегу! Верните детей!

Но небритый, не поворачиваясь к сержанту, возился с мотором, пытаясь его завести. Он отмахивался от висящей на борту толстой девчонки и дергал за рукоятку. Наконец мотор громко прорычал раз, потом другой. Оба раза лодка с силой дернулась вперед, а потом, при следующем сильном рывке, из самого центра со дна выстрелила круглая деревянная пробка. Она взлетела вверх и упала на волну недалеко от левого борта. Эта пробка затыкала круглое отверстие в днище.

Немедленно через открытое отверстие ударил фонтанчик, и лодка стала наполняться водою.

Девчонки завизжали страшными голосами. Небритый замахал руками, потом попытался сбросить за борт толстую. Но та цепко схватила его за руки, закричала еще громче, а потом вцепилась зубами ему в ухо.

Все это произошло за несколько минут, и многие прохожие, стоявшие на мосту, не успели даже сообразить, что делать.

Только Сергей Васильевич с моста да милиционер с нижней ступеньки крикнули одновременно:

– Не смей трогать девочку!

А Сергей Васильевич еще добавил:

– Гребите к берегу, здесь мелко.

Но небритый поднялся на колени, протянул руки к людям на мосту и закричал:

– Помогите! Я плавать не умею! Я жить хочу! – Потом он оглянулся на спуск, увидел, что милицейский сержант срывает с себя шинель, и крикнул ему:

– Товарищ сержант милиции! Спасите нас!

– Прыгай из лодки, там мелко! – крикнул сержант Петренко.

– Не могу я прыгать! Я плавать не умею! – стал причитать небритый. – Ой, быстрей меня спасайте, товарищ сержант! Не буду я больше водку пить и вещи торговать! Только спасите, буду честно работать, а вечером смотреть по телевизору футбол.

– Прыгай, говорят, из лодки и детей спасай! – снова крикнул сержант и в черных сатиновых трусах, босиком, в белой футболке вошел в серую октябрьскую воду.

Сергей Васильевич тоже был уже на нижней ступеньке, он по дороге успел раздеться, а сейчас входил в воду вслед за сержантом.

Прохожие бежали со всех сторон к Аничкову мосту, чтобы посмотреть на происшествие. Только никто больше не раздевался, наверно, все остальные не умели плавать.

Девчонки кричали уже вместе с небритым.

– Не буду больше, никогда не буду! – кричала длинная.

– Спасите, дяденьки, спасите! Я тоже больше не буду! – кричала толстая.

– Дуры! Дуры! – кричала обычная, – я про вас всё расскажу!

А лодка их постепенно наполнялась водой...

Когда старшина Петренко подошел к лодке, река Фонтанка была ему по плечи. Он взял за руку небритого и сдернул его в воду.

– Не топите меня, я жизни хочу! – прокричал небритый, встал ногами на дно, и волна разбилась о его грудь.

– Бери на руки ребенка! – скомандовал сержант Петренко и взял самую толстую девочку.

Сергей Васильевич тоже стоял уже у тонущей лодки по грудь в воде. Он выхватил из-за борта самую длинную. Небритый замолк и взял обычную. Милиционер медленно пошел к берегу, остальные двинулись за ним.

К этому времени женщина на каменном спуске уже сложила свою громадную змею назад в сумку и стала объяснять зрителям:

– Попросила их посторожить на улице, так они сразу воровать. Я только за паспортом поднялась. А Тишка – он умный, спокойный. Из школы, из живого уголка к врачу везу. Аппетит стал плохой, вот и везу на консультацию.

Возможно, кто-то из прохожих вызвал спасателей, потому что не успели мужчины выйти из воды, как на набережную с громким воем выскочили три машины: пожарная, «скорая помощь» и милицейская.

Пожарники спрыгнули со ступенек своего автомобиля, помогли спасающим мужчинам подняться наверх, подвели их к «скорой помощи».

– Спасибо вам, – сержант Петренко неожиданно повернулся к Сергею Васильевичу. – Вы извините, что я подумал о вас плохое. Ведь и хорошего человека не всегда можно разглядеть сразу. – И сержант Петренко пожал руку Сергею Васильевичу.

Спасенные девочки были уже в машине. Через минуту в ней были и взрослые мужчины. А еще через минуту все три маши-

ны мгновенно умчались. Саша и Антон постояли у спуска среди расходящейся толпы, а потом медленно пошли к дому.

Когда они вошли в квартиру, Сергей Васильевич был уже там. В милицейских брюках и милицейской шинели, наброшенной на голые плечи, он развешивал в ванной собственную одежду.

– Отныне одним жуликом и тремя мелкими хулиганками в нашем городе станет меньше, – весело сказал он, и Саша с Антоном рассмеялись

Прошел месяц

Прошел месяц, и снова жители улицы Пархоменко привыкли к пожилому человеку в черных очках, которого водил красивый рыжий сеттер.

Сеттер уверенно направлялся сначала к магазину, потом к киоску, потом в сквер – посидеть среди отдыхающих пенсионеров. На перекрестках он останавливался и проверял, нет ли машин.

Иногда он с любовью оглядывался на пожилого человека, словно проверяя, здесь ли его хозяин.

Но никто не замечал, что издалека, стараясь не обнаружить себя, за ними часто наблюдал мальчик лет одиннадцати. Чаще мальчик стоял за забором. Он ежился от холода, потому что стоял долго – ждал человека с сеттером, – а еще потому, что дули уже стылые ноябрьские ветры.

Мальчик боялся показать себя сеттеру: сеттер мог обрадоваться и неожиданно потянуть в его сторону своего пожилого хозяина. Поэтому мальчик и стоял за забором или прятался за столб и грустно смотрел, как уходят от него умная рыжая собака и человек в черных очках.

Потом мальчик медленно, опустив голову, шел к автобусной остановке и ехал через весь город к своему дому на Колокольной улице.

Елена МОРОЗОВА
Донецк

УЛЫБКА

Села я как-то вечером на стульчик и задумалась.

Не завести ли мне кошку? Мурлыкать будет, шёрстку вылизывать, о ноги тереться. Но глянула я на кису и поняла, кто будет в доме хозяин.

Нет, если заводить, то собаку. Сторожить двор, на голоса чужие лаять, с хозяйкой дружить.

Псинка хорошая, верная, только такую самой от воров защищать нужно будет. Нет, если заводить, то лучше уж чуду-юду хвостатую. Игольчатую. Очкастую.

В саду пруд выкопать. Водой заполнить. Пусть там и живёт.

Подумала-подумала и решила: нет, пусть чуда-юда в рассказе живёт. Ей не место в саду. А вдруг соседка испугается? И перестанет улыбаться.

ПРО ВОРОНУ

– Женя, у меня закончились для рассказов твои рисунки, – взволнованно кричу я в трубку моему другу художнику.

– А что тебе нужно? – услышала я его деловой тон.

– Откуда я знаю. Что дашь. Только побыстрее.

– У меня есть ворона. Подойдёт?

– Давай её сюда.

Женя по электронной почте кидает мне, как спасительный круг, ворону. Я смотрю на неё подозрительно и после паузы говорю:

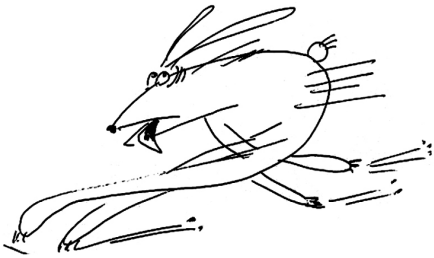
– Слушай. А почему она такая странная? Ей плохо? Она вся побледнела. Чуб торчком. Глаза вылезли.

– А это она зайчика встретила, – отвечает, как ни в чём ни бывало автор рисунка.

– Какого зайчика?

– Побегайчика. Вот, смотри.

И Женя отправляет мне следом зайца.



Да, если бы мне дорогу этот дикий заяц пересёк, то и мои волосы встали бы дыбом.

– Это всё из-за таксы Симы, – поясняет Женя, уловив мое гнетущее молчание. – От неё во дворе все коты шмыгают по углам, как тени. Где она этого зайца нарыла, уж не знаю. Только он, как ветер, взвился и понёсся, не разбирая дороги. Рванул прямёхонько на ворону. Вот та и сидит бледненькая. Всё просто.

– Проще некуда, – разозлилась я.

– Нет, ты не понимаешь. Сима, в принципе, добрая. Просто её тоже испугали в детстве. Забрела во двор как-то корова.

– А в корове что не так? Молоко даёт. Доброе животное. Мычит ласково.

– Сейчас ты увидишь.

Женя кидает мне корову.

Я кидаю её назад.

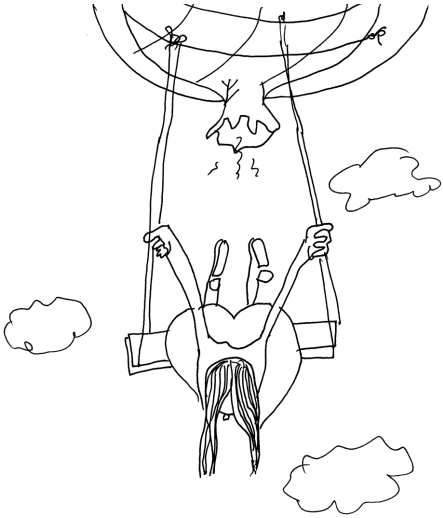
– Такую не хочу. И вообще это, по-моему, не корова, а старый бык. У него рога, как у кактуса иголки.

– Что ты привередничаешь, – укорил меня Женя.

– Хорошо, хорошо, – зачастила я, чтобы не обидеть художника. – А есть у тебя что-нибудь радостное?

И Женя прислал мне воздушный шар.

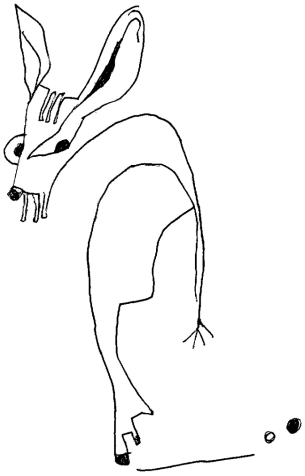
Я влезла в него. И он взмыл в воздух. Ух, ты! Под облака!

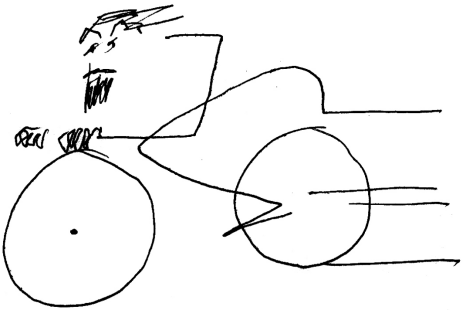


Но посмотрела я вниз на землю и испугалась. И, наверное, выглядела я в тот момент не лучше той вороны.

ПУГЛЕЦ

Если ты ослик-пуглец, то ты всего пугаешься. Всего боишься. Твои чуткие уши на страже, твои быстрые ноги готовы бежать при первых же признаках опасности.



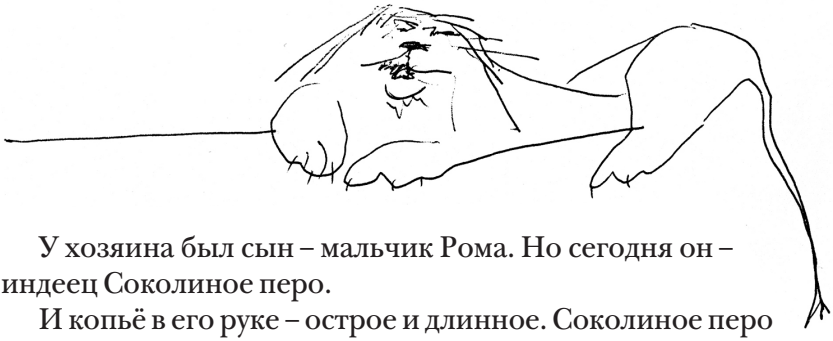


Но нет, это не опасность. Это друг хозяина на велосипеде вернулся из города.

Звали его Ираклий. Был он художником. Летом приезжал гостить на дачу. Ираклий рисовал всё, что видит: лес, солнце, мух и даже свой велосипед...

А сегодня он нарисовал льва. И прикрепил рисунок к дереву.

Пуглец пугался льва и не ходил мимо дерева. А вдруг он только притворяется нарисованным? Ослик хорошо знал, что в ближайшем лесу не то, что львы – волки не водятся. Но лев с дерева – как настоящий, и Пуглец на всякий случай держался подальше.



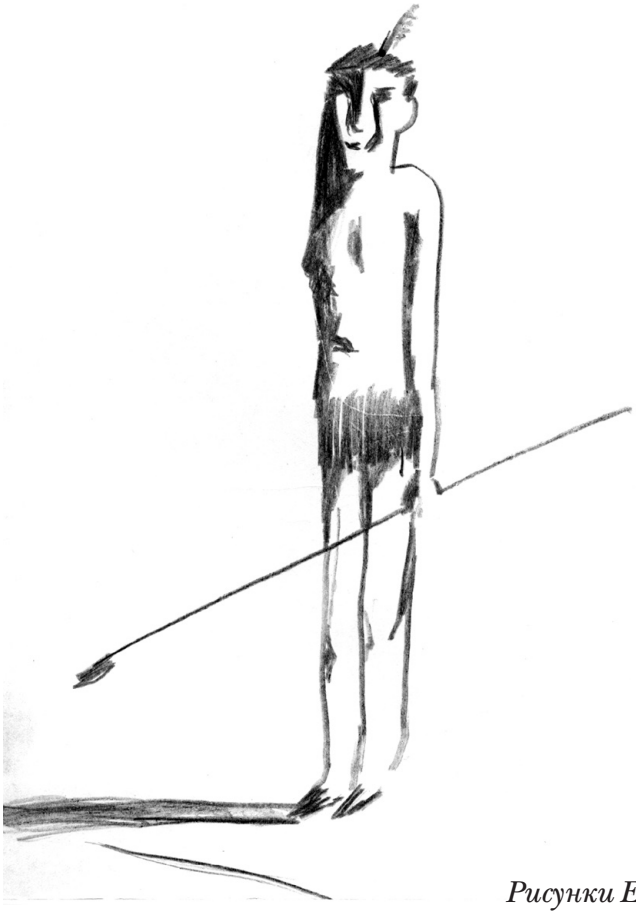
У хозяина был сын – мальчик Рома. Но сегодня он – индеец Соколиное перо.

И копьё в его руке – острое и длинное. Соколиное перо замечает льва на дереве и целится в него. Он, наверное, тоже думает, что лев притворяется нарисованным.

Пуглец испугался: а вдруг лев на мальчика нападет? Ослик и сам с перепугу забыл, что лев ненастоящий. Ведь Ираклий – хороший художник.

И нарисованный Пуглец очень боялся, что нарисованный индеец Соколиное перо убьёт копьём нарисованного льва. Но

пришёл Ираклий и сложил все рисунки в папку. И ослика, и Соколиное перо, и льва. И Пуглец успокоился, а потом и вовсе заснул, потому что в папке темно и ничего не видно. А значит, некого бояться.



Рисунки Евгения Мокина

Анна Лукашева
Донецк

Замечательная книжка

Подарили как-то мышке
Замечательную книжку.
Мышка книжку повертела,
Но читать не захотела.
Без тарелки и без ложки
Быстро слопала обложку,
И страницу за страницей
Съела книжку, словно пиццу.
Не оставила ни крошки.
Вытирая рот ладошкой,
Вкуснота, – сказала мышка, –
Замечательная книжка!

Конфетная жрушка

У нас пропадают из вазы конфеты.
Их папа не любит. У мамы – диета.
К нам ночью приходит Конфетная Жрушка,
А все говорят – я сластена и врушка.
Никто мне не верит, хотят наказать.
А я им никак не могу доказать,
Что Жрушка приходит, крадется к буфету,
Находит в нем вазу, а в вазе конфеты.
Съедает сама их, коварная Жрушка,
А фантики прячет ко мне под подушку.

Клуб развесистых ушей

Приглашаем малышей
В клуб развесистых ушей.
Но берем не всех подряд,
Лишь особенных ребят.

Нам подходят только те,
Кто без страха в темноте
Могут вмиг, развесив уши,
Маму с бабушкой подслушать.

Кто берет, услышав звон,
Параллельный телефон.
И следит, о чем болтают
Тетя Оля с тетей Раей.

Те, кто любят в тишине
Ухо прижимать к стене,
Чтоб потом ввести друзей
В курс соседских новостей.

Или прячутся под стол,
Если к папе гость пришел,
Чтобы знать: плохие тети
Есть у папы на работе.

В клуб развесистых ушей
Необычных малышей
Приглашаем завтра в пять,
Чтобы уши им надрать.

***

Ко мне подружка Саша
С утра ворвалась в дверь.
Кричит на всю квартиру,
– К нам приблудился зверь!
Зверь очень необычный,
Он в башмаках живет
И это настоящий
Пушистый башмакот.

– Ну, раз такое дело,
Идем к тебе скорей.
Я в жизни не видала
Диковинных зверей.
Они большая редкость
И очень мне охота
Хотя б одним глазочком
Взглянуть на башмакота.

Пришли мы в гости к Саше –
Нет никаких чудес.
Обычный кот пушистый
Поспать в ботинок влез.
И я тогда сказала
– Ты, Сашенька, поверь,
Есть у меня в квартире
Такой же чудо-зверь.
Он в дедушкиной шапке
На вешалке живет.
И буду звать отныне
Его я – шляпокот.

Павел БЕССОНОВ
Мариуполь

Китенок

Называть китёнка – «рыбка»
Очень грубая ошибка.
Отличить его легко –
Пьет китенок молоко.
Да, представьте, словно кот,
Молоко китенок пьет!
И ещё – когда он спит,
В одну дырочку сопит.
Ростом он с большую лодку.
И ныряет очень ловко.
Вслед за мамою громадной
Повторяет аккуратно
Рядом с ней, когда плывёт,
Левый-правый поворот,
Ни на шаг не отстаёт.

Сороконожка

Решила сороконожка
С утра погулять немножко.
Двадцать правых сапожек,
Двадцать левых сапожек
Надо надеть, застегнуть,
Передохнуть, и – в путь.
В окно посмотрела –
И – обомлела!
Солнце садится,
Пора спать ложиться.

Двадцать правых сапожек,
Двадцать левых сапожек
Расстегнула, сняла
И спать легла.

Доктор Кот

Или бродит взад-вперед,
Или спать на пуф идет.
Так живет не первый год
С нами вместе рыжий кот.
У кого болит живот,
То к тому приходит кот.
Если сердце застучит –
Рядом с сердцем помурчит.
У бабуси вновь мигрень.
Кот с бабусей целый день –
Лижет седенькие прядки.
Нет мигрени – все в порядке!
Уважаемый наш кот
С нами уж не первый год,
Для него в красивой миске
Утром свежая сосиска,
А на ужин поднесут
Кашу или рыбный суп.
Коготки поджав на лапках,
Ходит тихо, словно в тапках.
Утром, вечером обход.
Наш домашний Доктор Кот.

Наталия БОЛКОВА
Москва

Кто куда сел?

1.
Села тётушка
на две минутки
поболтать с какой-то там знакомой,
но разговорилась...
третьи сутки
ждут её и не дождутся дома.

2.
Сел мой свитер!
Мой любимый! Жёлтый!
Пусть бы сел парадный –
темно-красный.
Так ведь нет!
Сел старенький, протёртый,
в нём так лазать по деревьям классно...

3.
Села батарейка в телефоне.
Мы теперь отрезаны от мира!
Чтоб узнать
«что задано»
у Сони,
Надо ТОПАТЬ в пятую квартиру!!!

4.
Село солнце где-то за домами...
Рано как оно ложится спать
И всходить привыкло с петухами.

Это ж надо!
Просыпаться в пять!

5.

Сел самолёт
С гудением и свистом.
Откуда-то
из заграничной дали
доставил он артистов
и туристов...
Сел самолёт,
а пассажиры встали.

6.

Ну, зачем работать-то, потея?
Жизнь и так ведь штука не простая.
Лучше просто сядь на чью-то шею –
И сиди там, ножками болтая.

Только вот хозяин этой шеи,
(Если будет слишком перегружен)
Сбросит вниз тебя, не сожалея.
И тогда...
тогда...
ты сядешь в лужу!

Несчастная школа

Не меньше,
чем дети боятся укола,
боялась детишек
несчастная школа.
Тряслись ее окна,
и двери, и рамы

от вечного крика,
от шума и гама.
Потрескались стены,
поехала крыша,
Хотелось ей крикнуть:
«Пожалуйста, тише!
Куда бы мне спрятаться?
Где бы мне скрыться?
Слетаю я к морю,
как вольная птица!»
Дверями взмахнула
она на заре:
«Прощайте!
Я к вам не
вернусь в сентябре!»

На белом листочке

На белом листочке в линейку косую
Я серого-серого зайца рисую.

Вдали, за сугробом – глубокий овраг,
В овраге сидит затаившийся враг!
Два остреньких уха из снега торчат –
Лиса стережет беззащитных зайчат!

Что делать?!
Что делать?!
Я так не играю!
Я ластиком серого зайца стираю.

На белом листочке в линейку косую
Я белого-белого зайца рисую.

И пусть говорят, что рисунок мой пуст...
Я слышу кустов шевелящихся хруст,
Я вижу следы на пушистом снегу.
И зайчика я от врага сберегу!

Водные процедуры

Три яйца,
встав на бортик кастрюли,
В кипяток
по команде нырнули.

Совершали в воде
Процедуры
Для своей
Яйцевидной фигуры.

– Я сварилось!
Бросаю зарядку! –
Прокричало яйцо.
То, что всмятку.

– Дайте воздуха свежий глоточек! –
Подскочило другое.
В мешочек.

Только третье
в кастрюле осталось
И в бурлящей воде
Бултыхалось.

В восхищении замерли двое
И воскликнули: «Да-а-а,
Ты – крутое!»

Наталья ХАТКИНА
Донецк, 1956 – 2009

В литературном фестивале «Камбала-2011», посвященном памяти Натальи Хаткиной, появилась новая номинация «Детская литература». Выше представлены произведения авторов Елены Морозовой, Анны Лукашевой, Павла Бессонова, Наталии Волковой, чьи произведения отмечены жюри. Подумалось, что лучшим завершением раздела станет публикация замечательной Наташиной сказки про «дразнильцев», впервые опубликованной в 2000 году в одесском журнале «Фонтан».

ВА

НЕВЕСТЫ ИЗ ДРАЗНИЛИИ

Это было давно, в стране Фифино, в городе Чух-Чухно, где колбасу ели ложкой, а суп хлебали вилкой, царя звали Гаврилкой, псаря – Кирилкой, а писаря – Феофилкой. А царицу Милку кликали Пилкой, сидела она за прялкой и торговала мочалкой.

С красной прялки облезла краска... Это еще не сказка, а присказка пока. Думаешь, коротка? Тогда пожуй мочала и начни сначала.

Это было вчерась, в стране Вась-Вась, в городе Трясь-Трясь, где царя звали Карась, а царицу Вылазь. Царь играл на баяне и крутил кукиш в кармане, а царица косила оком, обливалась морковным соком и ходила боком с тройным подскоком.

Ведут в ту страну четыре дороги, на пороге вытирайте ноги, а лучше не вытирайте, а со всех ног удирайте: стоят у дверей двое богатырей, одного зовут Антон, а другого Пошел Вон. У каждого булава как свиная голова – как даст по башке, так уедешь на горшке. На горшке ехать тряско... Это еще не сказка, сказка будет впереди, до обеда погоди. Сказку эту рассказала Матрена, принесла не ворона, а птица-синица, – для тех, кто хочет жениться, а тем, кто не хочет жениться, тоже есть чему поучиться.

Дело было встарь. Жил-был царь по прозванью Феофан – кучерявый как баран, а при нем царица Милолица, на все руки мастерица – и щи варить, и тараканов морить, и на картах гадать, и по шее дать. Во всем вроде благодать, только счастья не видать – докучает им соседняя страна Дразнилия, где всего в изобилии: на газонах не трава, а обидные слова, на ветвях не абрикосы, а дурацкие вопросы, в небе не галки, а обзывалки. Самих жителей-дразнителей хлебом не корми – дай посмеяться над чужими людьми. Подходят строем к границе и начинают дразниться: «Дураки, дураки, у вас уши как пеньки, ноги кривоватые, руки крюковатые!»

От такого поношения у царя Феофана пахари не пашут, плясуны не пляшут, косари не косят, носари не носят, куховарки не варят, кухожарки не жарят, маяки не маячат, а все горько плачут: «Ой стыдно нам да обидно нам!» До того стали обижаться, что решили на войну собираться: «Не все вам, дразнилам, веселиться, придется и слезами умыться!»

Жил при царской библиотеке старец Дорофей, всех на свете мудрей, он с печки встал, пред царем предстал и говорил ему таковы слова: «Зачем нам народ на войну посылать, кровь и слезы проливать, да и казну царскую лучше на свадьбу потратить, чем на похороны!»

– Как так – на свадьбу? – удивляется царь Феофан.

– А вот так! – ответствует Дорофей. – Если нам с дразнилами породниться, они небось перестанут дразниться. Станем мы все свои, из одной семьи, воцарится лад на сто лет подряд. У ихнего короля Дразниила Тринадцатого – дочки, у тебя, царь Феофан, – сыночки. Пошли к королю сватов – авось не откажет.

У Феофана и впрямь три сына было. Старшой – богатырь Сила, кулаки пудовые, а глаза медовые, на щеках румянец, на ботинках глянец. Против такого молодца вражье войско – что овца, а девичье сердечко – что хвостик овечки. Послали Силу-богатыря свататься.

Подъехал он под стены крепостные, послал гонцов с дарами и стал ответа дожидаться. Вот отворились ворота и выступила дразнильского войска рота, а в роте той человек пятнадцать, а может, двадцать, а может, и сто – о том не знает никто. Стали они по-своему сражаться – дразниться и обзываться:

Сила-Сила-Бегемот,
Чем набил себе живот?
Позовет его невеста –
Сила в двери не пройдет!

Обидно, правда? Сила вовсе не толстяк и не обжора, он просто большой – потому и сильный. Да не больно мозгови-

тый. Не найдет слов для ответа – и то не то, и это не это. То щитом хлопнет, то сапогом топнет – того гляди, терпенье лопнет. А дразнильцы его не боятся, пуще прежнего глумятся, самого царя-батюшку не щадят, напраслину на него возводят:

У царя у Феофана
Вместо трона два дивана,
Вместо мантии перина
И дубина вместо сына!

Ну ладно бы Силу самого обзывали, а то – папу! Старший сын батюшку любил, хоть и не всегда послушен был, – а тут такое! Лопнуло терпенье, началось сраженье. Сила к поношеньям не привык, заревел словно бык, поднял свою дубину и перебил вражьего войска ровно половину. А другая половина за ворота отступила и с крепостной стены завопила:

Сила, Сила, толстый пес!
Подожми облезлый хвост!
И ступай на место –
Вошь тебе невеста!

Бумс! Блямс! Трам! Бом! Стучал Сила в ворота лбом. Но чугунные ворота не сломались отчего-то. Сам не свой поскакал Сила домой, утирал на скаку слезы кулаком и сам себя обзывал дураком. А следом за ним из ворот гонцов выкинули – пинком, кувырком, с намятыми шеями и без даров.

Пришлось среднему сыну в путь собираться, женихом называться. Средний Лель-сыночек – маменькин дружочек, глазки голубые, локоны льняные, стройный как тростинка, нежный как снежинка. На скрипке играет, стихи сочиняет, цены себе не знает. Хоть немного у него сил, зато он больно девицам мил – вдруг дочь царская на него заглядится да не велит войску дразниться? Завяжется мирная беседа – вот наша и победа.

Подъехал Лель под стены крепостные, послал гонцов с дарами, а сам встал на зеленой травке, растянул улыбочку и взял в руки скрипочку. Скрипка запела – милое дело! Но дразнильцы то ли на ухо туги, то ли музыке враги, то ли просто так упрямствуют – по траве катаются, над скрипкой издеваются. Только в окошке самой высокой башни девичий вздох раздался – видать, и в Дразнилии кому-то по душе пришлась певучая скрипка.

Но вот растворились ворота и выступила дразнильского войска полурота – та, что после встречи с Силой-богатырем недобитая осталась. Стали они опять по-своему сражаться – дразниться и обзываться:

Тили-пили-дурачок,
Подари нам свой смычок –
Мы нанижем тараканов
И зажарим шашлычок!
Слизняка! Лягуху!
Зеленую муху!
Комариные хвосты!
А последним будешь ты!

Лелю обидно, Лелю досадно, ну, думает, ладно! – улыбнулся еще шире и – раз, два, три, четыре! – заиграл плясовую, да веселую такую! Тут бы всем помириться да в пляс пуститься, но дразнильцы упираются – еще пуще обзываются:

Твоя скрипка, дуралей,
Воет кошкой драною!
Не сравниться в жизни ей
С нашей фортепьяною!

Приметили, как Лелю скрипка дорога! Только не боится он коварного врага! От обиды губы кусает, но скрипки не бросает – завернул такое, не поймешь какое! А дразнильцы опять за свое:

Сам царь Феофан
Залезает под диван,
Затыкает уши –
Не хочет тебя слушать!

У Леля на глаза набежала слеза, но храбрец не струхнул – слезу ладошкой стряхнул, струну покрепче подтянул и заиграл серенаду, сердец девичьих отраду. В башне слышны вздохи, ахи да охи – какая-то девица на встречу с Лелем стремится. Но дразнильцы не сдаются врагу, хоть и гнутся в дугу, гнутся-ломаются, на месте упираются! Стали дразнить саму маму-царицу – любезную Милолицу:

Милолица Феофану
С кипятком готовит ванну.
Царь в ту ванну свалится,
Непременно сварится!

Тут уж Лель не сдержался – с места сорвался, весь обрыдался, текут слезы в три ручья – пострадала вся семья: и папа, и мама! Ужасная драма! Согнал с лица улыбку, подхватил скрипку, штаны подтянул и прочь рванул – бежит, аж земля дрожит! А дразнильцы хохочут во весь рот, выгоняют из ворот задом наперед двух ослов, а на них двух послов! А послы на то кричат: «За что? Ни за что! Чего? Ничего! А пинком!.. А кувырком!..» А с башни девица вслед машет платком...

Страна Феофания вся ударилась в рыдания: «Что нам делать, как нам быть, как нам горюшко избыть? Один остался у нас жених – он и весел, и лих, звать его Данилка, рыжий со лба, огненный с затылка. Только лет ему всего двенадцать – ему ли женихом называться?» Пока они так судили да рядили, рыжий Данилка оседлал хромую кобылку, с мамой-папой попрощался и к границе помчался. Подъехал под стены крепостные и без лишних слов обошелся без послов – перекинул через ворота сумку с дарами: мухами и комарами, осами кусучими и жуками вонючими. Распахнулись тут ворота – явилась дразнильского войска полурота: «Вот уж праздничек так праздник, вот уж рыжего подразним! На макушке стружки подпалила спичка, на лице веснушки – накакала птичка!»

А больше эти тетери ничего сказать не успели: достал Данилка из сумы переметной мегафон (усилитель звука) и стал обзываться – над дразнильцами издеваться, да так живо да споро, что не вставишь и слова: «Вы, дразнильцы, простаки, у вас набок языки, а слова корявые, а мозги дырявые!» Дразнильцы ответить хотели, да только не успели, кричит Данилка в мегафон, пугает людей и ворон: «Вы, дразнильцы, где живете? На помойке и в болоте! Вы ховаетесь в дупле, ковыряетесь в золе!» И дальше: «Как у каждого дразнильца морда – что свиное рыльце! Сам с вершок, голова с горшок!» И потом: «Эх, дразнильские солдаты, у вас бо-

роды из ваты, руки как лопаты, из картона латы!» И без остановки: «Все дразнильские девицы длинноносы, плосколицы, у них рот до ушей, хоть завязочки пришей, закрутились ножки, как бараньи рожки, волосы обвисли, а глаза прокисли!» И с ходу на царя переключился: «Ваш царь Дразниил – настоящий крокодил! Зубы поломалися, одни пеньки остались! Мы возьмем его за хвост и побьем его об мост!» А потом на царицу: «А царица Дразниила в бане моется без мыла!» А потом на царских дочек: «Ваши-то невесты – из дурного теста! Сколько стоит? Пятак! Нету денег – бери так!»

Тут дразнильцы покорились, Данилке в ноги повалились: «Бери что хошь, только нас не трожь! Прости нас, герой, – только рот закрой!» Тут и подписали соглашение – прекратить все поношения. И поставили печать – в тот же день всех повенчать.

Наконец-то в Феофании тишь да гладь да Божья благодать: пахари пашут, плясуны пляшут, косари косят, носари носят, куховарки варят, кухожарки жарят, маяки маячат и никто не плачет – свадьбу играть собираются!

Богатырю Силе досталась жена Неонила – скажем вам, не хвастая: самая щекастая! Оба они крепыши, любят покушать от души, штангу поднимают, гирями играют, могут в шутку побороться – ох и славно им живется!

А музыканту Лелю досталась в жены Нелли, светлая да нежная, как принцесса снежная. Это она в башне вздыхала да с башни платком махала. Встанет Нелли утром рано да заиграет на фортепьяно, а Лель поднимется на цыпочки и вторит ей на скрипочке – народ под окном собирается, слушает-удивляется: «Вот это парочка – барашек да ярочка! Всё бы им друг на друга любоваться, пора бы и поругаться!» А царевич Лель им так ласково отвечает: «Не дождетесь!»

А у рыжего Данилки невеста Людмилка – язычок как пилка. Только лет им всего по двенадцать – никак нельзя повенчаться. Отправили их вместе в школу, остановились они в чистом поле на вольной воле и давай друг дружку гонять и дразнилки

сочинять. Все, что языком начесали, в книжку записали. Читали эту книжку Гришка да Мишка, дед Стобед ста восьми лет и бабка Параска – платите денежки за сказку!

Сидела я на горке, просила помидорку, а мне дали огурец – еще сказке не конец. Была у царя Дразниила еще одна дочь – Любава, тишайшего нрава, на редкость добра, на славу мудра, на диво красива и ничуть не спесива. Она в башне скрывалась и царевичам не досталась. А достанется кому? Ну конечно же тому, кто в ответ на обзывалки не возьмет в руки палки, не станет ни драться, ни слезами заливаться, ни в ответ обзываться, зла не покажет, а спокойненько скажет: «Кто обзывается, тот сам так называется!» Вот он-то будет молодец, а нашей сказочке конец!

Художник Леонид Левицкий

Когда моя девятилетняя дочь через год после приезда в Германию
в разговоре со мной споткнулась посреди фразы
и спросила: «Ой, а как это по-русски?»,
я лишний раз убедился, что «вымывание» родного языка
из памяти иммигрантских детей – отнюдь не абстрактная проблема.
А поскольку чтение – один из главных путей её решения,
то подумалось: необходимо литературное издание, которое
было бы интересно и мамам, и папам, и их чадам.
«Семейка» объединяет под своей обложкой произведения,
адресованные как взрослым, так и детям...

Владимир Авцен, составитель альманаха

Альманах «Семейка» родился и живет. Живой, теплый, АВТОРСКИЙ, изящный, хорошего литературного уровня.

Александр Кораблёв, редактор журнала «Дикое поле»

Твой альманах похож на деревенскую лавочку (последнюю я видела в Тироле), где все полки завалены самыми невообразимыми вещами, где есть все – и грабли и вышивка, – где копаешься, копаешься, и обязательно находишь что-то неожиданное, редкое и интересное. Дай Бог сил и удачи.

Мария Тхоржевская, актриса

«Семейку» прочла, очень и очень... И авторский текст за кадром, голос ведущего, на редкость (для сегодня и особенно для здесь...) вменяемый…

Ольга Бешенковская, поэт

«Семейку» получил (спасибо!). По авторскому составу резко лучше первого выпуска. Очень достойный уровень авторов. Много замечательных стихов. Поздравляю. Буду рекомендовать знакомым.

Вадим Левин, поэт

Спасибо, добрый человек,
Любезен буду я народу,
Связав с «Семейкою» свой век.
В какой семье – не без урода?

Лев Казарновский, поэт

Дорогой Владимир, большое Вам спасибо!
Какая хорошая подборка! Честно, я со страхом жду
мемориальных публикаций — так много там бывает
фактических ошибок. Вот Ваша подборка
и блок в НЛО — совершенно различны по стилистике,
но так же совершенно безупречны
по отношению к памяти Алеши.

Ваша ЕД (Екатерина Дробязко),
вдова поэта Алексея Парщикова

Сегодня завершили чтение 9-го номера.
Много интересного.

Володя,
Лена мне указала
на эл. адрес
твоей «Семейки», я посмотрел —
по-моему, издание становится
с каждым номером
(из трех мне известных) лучше.

Лев Беринский,
поэт, переводчик

Вов, привет!
Хороший у тебя альманах.
Молодец ты!
И со вкусом иллюстрировано и сверстано.
Обнимаем. Мы.

Элла Зельдина, журналист,
Александр Сницаренко, писатель

У Володи у Авдиена — правда до слёз,
Артистизм и талант — всё отнюдь не фиктивное.
Вас порадует юмор его и серьёз,
И родное донецкое «гэ» фрикативное.

Клавдия Лейбова,
писатель

В альманахе
заметно разнообразие авторских
тональностей. Трогательно то, что Донецк и
«неизвестный» город Вупперталь становятся единым
культурным пространством, которое, надеюсь, расчленить
будет невозможно.

Л. А. Мироненко,
доктор филологических наук

Уважаемый Владимир!
Поздравляю Вас и участников «Семейки» с юбилеем!
За время, что прошло с момента моего первого знакомства
с альманахом, он стал более глубоким и ярким.
Есть одно соображение. Нынешнее название «Семейка», на мой
взгляд, уже не отвечает такому солидному изданию,как ваш
альманах. Не пора ли подумать о новом названии?..

Эрнест Обминский, дипломат